

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский
научный центр Российской академии наук»

Р. Я. ФИДАРОВА

**ОСЕТИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС.
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ**

Том 2

Владикавказ 2017

ББК 83.3.(2)

Ф 50

Фидарова Р.Я. Осетинский литературный процесс. Проблемы истории и теории: монография. – В 5-ти т. – Т. 2. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 309 с.

ISBN 978-5-91480-259-9

ISBN 978-5-91480-275-9

Рецензенты:

В.И. Бекоев, дфн, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова»;

И.А. Кайтова, кфн, доцент ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова

В монографии изучаются важнейшие проблемы осетинского литературного процесса (ОЛП): его сущность, структура, специфика, поэтика и эстетика на различных этапах его исторического развития.

Дается историческая типология художественного сознания осетин и типология реализма в ОЛП (фольклорный тип, критический, соцреализм и реализм постсоветского времени).

В первом томе исследуется фольклорный тип художественного сознания осетин и фольклорный реализм. Во втором томе анализируются особенности генезиса и становления ОЛП в буржуазную эпоху (XIX — начало XX в.) и соответственно тип критического реализма. В третьем томе предлагается всестороннее изучение ОЛП в 30-50-е гг. XX в. и первого направления в соцреализме, «жесткого» соцреализма. В четвертом томе изучается своеобразие ОЛП в 60-80-х годах XX в. и философско-мифологическое направление в соцреализме. В пятом томе анализируется ОЛП и реализм в постсоветский период, дается типологическое сопоставление ОЛП с северокавказским литературным процессом, изучаются проблемы поэтики и эстетики ОЛП.

Печатается по решению Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ББК 83.3.(2)

ISBN 978-5-91480-259-9

ISBN 978-5-91480-275-9

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017

© Фидарова Р.Я., 2017

РАЗДЕЛ III. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ОСЕТИН В БУРЖУАЗНУЮ ЭПОХУ (XIX — НАЧАЛО XX В.)

Глава 7. Целостная этно-онтологическая картина мира осетин в первой половине XIX в. как фактор становления нового типа художественного сознания

В XIX веке Осетия пережила сложную эпоху своей истории, ведь она фактически, по существу только вошла в состав Российской империи, пережила реформы 60-70-х годов, формирование буржуазно-капиталистических отношений в 80-90-х годах.

Еще в конце XVIII — начале XIX века в Осетии сохранялись феодальные отношения и черты древнего патриархального строя. Как отмечал Б. Скитский, «Эта консервация быта стояла в непосредственной связи первобытным способом производства, составляющим базу патриархально-феодальных отношений»¹. Так, в сельскохозяйственном производстве использовались примитивные орудия: деревянный плуг с железным лемехом, и борона — связанные между собой суковатые палки.

Семейные и общественные отношения оставались сугубо патриархальными. Тем не менее уже в первой половине XIX века в основном происходит медленный, вяло текущий процесс приобщения осетинского общества к русской культуре, «вписания» его в социо-культурное пространство Российского государства. И все же медленно, но верно в этот период осуществляется в Осетии политико-административное утверждение России. И уже, конечно, у осетин к этому времени сложилась своя своеобразная модель горского феодализма², своя система общественного саморегулирования в лице патриархальных властных институтов.

Большую просветительскую работу вела «Осетинская духовная комиссия» с 1742 по 1860-ый год, т. е. до того периода,

когда она была преобразована в «Общество восстановления православного христианства на Кавказе».

Важную роль в становлении нового типа художественного сознания осетин сыграло формирование народного образования, как системы. Дело в том, что с 20-ых годов XIX в. состоятельные осетины направляли своих детей для обучения в Тифлисскую духовную семинарию. Здесь они изучали грузинский, русский и осетинский языки. 1826 г. экзарх Грузии обязал членов возобновившей свою деятельность осетинской Комиссии обучать осетинских детей «грамоте по-осетински». С этой целью при Церквах сел. Саниба, Унал, Джинат были созданы школы, в которых попы-деканозы по букварю И. Ялгузидзе обучали детей. Для подготовки священников-осетин во Владикавказе было открыто духовное училище, сыгравшее большую роль в развитии осетинской письменности и распространении грамотности среди осетин. Но более престижными в среде осетин считались военные учебные заведения или гражданские.

Во Владикавказском же духовном училище изучались русский и осетинский языки, арифметика, богослужение. В 1844 г. академик А. М. Шегрен издал свою «Осетинскую грамматику». Так была заложена научная база изучения осетинского языка, — важнейшего «строительного материала» осетинской культуры. Лучшие же выпускники училища явились осетинскими просветителями, стремящимися пробудить в народе тягу к знаниям, приобщить горцев к передовой русской культуре. Это А. Колиев, В. Цораев, Н. Берзенов, Г. Кантемиров и др.

Детей горцев грамоте обучали и в школах «военных воспитанников» в полках русской армии, дислоцированных во Владикавказе. Согласно «Положения» от 3 августа 1836 г., целью их было «доставить возможность юношеству... получить некоторое образование»³.

Ученики таких школ содержались за казенный счет, а в 17-летнем возрасте возвращались в отчие дома, и поступали на гражданскую и военную службу. В 1848 г. при Навагинском пол-

ку во Владикавказе была открыта школа, где обучались 30 детей горцев, а в 1861 г. она была преобразована во Владикавказское горское окружное училище.

В 50-ых годах XIX в. в Осетии впервые появляются школы для девочек. Так, в 1859 г. жена поручика Зурабова-Кубатиева у себя дома открыла пансион с целью подготовки из осетинских девочек «религиозных, набожных матерей»⁴. Такую же школу открыла жена Т. Ревазова, «русская дворянка, достаточно образованная и понимающая осетинский язык»⁵.

Уже в 1862 г. священник и инспектор Владикавказского духовного училища А. Колиев на свои средства открыл начальную школу для девочек, которая его же стараниями через четыре года была преобразована в трехклассное училище, названное Ольгинским. Так получило свое начало женское образование в Северной Осетии. Зарождение же системы народного просвещения создало предпосылки для подъема национальной культуры и приобщения горцев к передовой русской и мировой культуре и общественно-политической мысли. Все это вело к тому, что заметно эволюционировало общественное и культурное сознание осетин, менялся в своих существенных чертах менталитет горцев.

Большую роль в зарождении нового типа художественного сознания осетин сыграло влияние русской интеллигенции и декабристов.

С начала XIX в. интерес к Северной Осетии в научных кругах России заметно возрастает. Так, богатый материал был собран академиком П. Г. Бутковым, издавшим фундаментальный труд «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.».

В 1807-1808 гг. известный ученый Ю. Клапрот изучал культуру и быт, социально-экономические отношения осетин в начале XIX в.

Крупный вклад в изучение истории осетин внес и С. М. Броневский, долгое время проживший на Кавказе и написавший значительную научную работу «Новейшие географические и

исторические известия о Кавказе и его народах», в которой есть историко-этнографическое описание и осетин.

В 30-х гг. XIX в. состоялось всестороннее обследование областей Кавказа и выпущен труд «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях». Раздел об Осетии был составлен А. Г. Яновским, акцентирующим свое внимание на чрезвычайно тяжелых условиях жизни в горах и удивительном трудолюбии этого народа.

В 40-50-ых гг. XIX в. вышло много работ этнографического характера, авторами которых были офицеры русской армии, служившие на Кавказе. Так, скажем, А. Л. Зиссерман описал каторжный труд рабочих на Садонских серебряноцинковых рудниках, состояние торговли в Осетии, хозяйственные и ремесленные занятия горцев. С рядом статей выступил и А. Головин, давший сведения о количестве населения в отдельных осетинских приходах, о результатах переселения горцев на равнину.

В 40-гг. XIX в. администрация края провела большую работу по изучению обычного права горцев. Поныне эти материалы считаются важным источником для характеристики социальных отношений в дореформенной Осетии.

Все это, естественно, способствовало пробуждению национального самосознания осетин и интереса к изучению своей истории и культуры. Первым осетином — этнографом, выступившим в кавказской периодической печати, был Соломон Жускаев.

Все это не могло не способствовать эволюции мировоззренческих взглядов народа, пробуждению его национального самосознания, гуманизации его менталитета.

В первой половине XIX в. в русской периодической печати появляются материалы, распространяющие научные представления об истории, этнографии и культуре осетин. Так, в 1828 г. начала выходить газета «Тифлиссские ведомости», на страницах которой часто выступал Г. С. Гордеев со статьями об этнографии

осетин. А в 1846 г. в Тифлисе возникла частная газета «Кавказ», которая ставила цель «ознакомить своих соотечественников с любопытным краем, еще находящимся в младенческом состоянии и мало известным», с его народами и их самобытной культурой. Часто в ней публиковались историки-этнографы О. Константинов, Н. Г. Берзенов и др.

Возникновение русской периодической печати на Кавказе сыграла большую роль в укреплении взаимопонимания русских и горцев, в приобщении последних к передовым идеалам человечества и цивилизации.

В 1801 г. Грузия присоединилась к России. И с этого периода в русском обществе пробудился большой интерес к Кавказу. Такие выдающиеся писатели, как Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Марлинский, изучали прошлое и настоящее горцев, их быт, нравы, фольклор. Они искренне сочувствовали национально-освободительной борьбе горцев, осуждали жестокую политику царизма. В то же время они вскрывали реакционность и патриархально-родового мировоззрения, понимая историческую обреченность патриархально-феодального уклада и предвидя торжество новых, более прогрессивных форм общественного развития.

В первой половине XIX в. Северную Осетию посетили многие русские писатели: В. Нарезный (1802-1803 гг.), А. Грибоедов (1818, 1821, 1829 гг.), А. Пушкин (1829г), М. Лермонтов (1837, 1840 г), А. Одоевский (1837 г.) и др.

Впечатления от первозданной красоты природы Осетии отразились в путевых заметках Грибоедова, стихах и «Путешествии в Арзрум» Пушкина, «Письме к доктору Эрману» и «Ам-малат-Беке» Марлинского, стихах, поэмах, «Герое нашего времени» Лермонтова.

Кроме того, русские писатели и поэты активно использовали в своих произведениях фольклор народов Северного Кавказа. И не случайно.

Наиболее характерные идейно-эстетические принципы гор-

ской народной поэзии отвечали творческим задачам представителей русского романтического направления. Один из важнейших эстетических принципов осетинского фольклора — культ героизма, культ энергичной, активной личности, — особенно был привлекателен для русских писателей.

В целом, конечно же, огромно было влияние передовой русской культуры на духовно-нравственное и культурно-историческое развитие горского общества.

Первое художественное произведение русского писателя об Осетии и осетинах — роман В. Нарезного «Черный год, или горские князья» (1816-1817 гг.). Это остро обличительное произведение, едкая сатира как на феодальное общество Осетии начала XIX в., так и на самодержавно-полицейский режим, установленный царским правительством в крае.

Действие романа происходит недалеко от Владикавказа в селах Чми, Ларс, Казбек, а также в Моздоке, Кизляре и Астрахани. А прототипами его героев явились алдары Дударовы, владеющие этими селами, и царские чиновники Кнорринг, Ковалевский и др. Автору удалось реалистически верно отразить черты социальных отношений, быт, нравы и обычаи горцев конца XVIII — начала XIX в.

Писатель демонстрирует в своем произведении хорошее знание обычаев гостеприимства и обряда оплакивания покойников у осетин, особенностей воспитания молодого поколения у привилегированного сословия, отношения осетин к религии. Реалистически описывает вид крестьянской сакли, процесс суда и содержание осужденных в тюрьмах.

Нарежный первым в русской литературе выступил в защиту угнетенного осетинского народа. И этим заложил одну из важнейших и благороднейших традиций классической русской литературы.

После поражения восстания 1825 г. многие декабристы были сосланы на Кавказ. Но многие из них побывали здесь и до восстания. Так, В. К. Кюхельбекер в конце ноября 1828 г. по пути в

Грузию остановился во Владикавказе на несколько дней. Возвращаясь в Россию, он вновь ощутил тепло «Осетинской хижины», когда гостил у друга А. С. Грибоедова во Владикавказе.

Летом 1825 г. в Осетии побывал декабрист, близкий друг К. Ф. Рылеева П. Муханов. Почитатель академика И. А. Гюльденштедта, П. Муханов проследовал по маршруту его научной экспедиции и написал статью, посвященную ученому, в которой резко осуждал варварское расхищение природных богатств края, колонизаторскую политику царского правительства.

В августе 1826 г. на Кавказ были сосланы Б. А. Бодиско, Н. Н. Оржицкий. Вскоре здесь же оказались и М. Д. Лаппа, В. Ф. Волков, Н. Н. Семичев, П. П. Титов, А. С. Гангеблов.

Яркие характеристики Кавказа, в частности, Осетии, оставил А. А. Бестужев — Марлинский. По его убеждению, на Кавказе требуется другая политика правительства, которая считалась бы с обычаями и достоинством горских народов. Он активно выступал за подъем их культурного и политического развития. И этим, безусловно, способствовал эмансипации общественного сознания горцев. Формировал гуманистическую концепцию будущих русско-осетинских культурных и иных взаимосвязей.

О своем пребывании в Осетии А. Гангеблов писал в своих «Воспоминаниях», проникнутых чувством глубокого уважения и симпатии к местному населению; и особенно, в них отмечается «мирный», доброжелательный характер осетин. Здесь же приводится любопытный материал об участии осетин в русско-иранской (1826-1828 гг.) и русско-турецкой (1828-1829 гг.) войнах. Бывали в Осетии и Декабристы И. И. Пущин, П. П. Коновницын, Д. А. Искрицкий, Б. Б. Лачинов, А. А. Бестужев-Марлинский, И. П. Шипов, П. А. Катенин, З. Г. Черныщов, С. Кривцов, Ф. Ф. Вадковский и др. А декабрист Ф. П. Скалон был в 1829-1830 гг. даже командиром Моздокского казачьего полка. В 1837 г. проездом в Тифлис Осетию посетил поэт-декабрист А. И. Одоевский, а в 1838 г. — переведенный из Сибири на Кавказ декабрист А. Е. Розен.

В 1829 г. из Сибири на Кавказ был переведен и декабрист В. С. Толстой. По поручению наместника на Кавказе кн. Воронцова, Толстой в 1847 г. направился в Осетию и вместе с известным осетинским просветителем Алексеем Колиевым объехал многие села и написал ряд статей.

В целом в 20-30-х годах XIX в. происходит активное включение Осетии в состав Российской империи. В итоге наблюдается расцвет феодализма в Осетии, обусловленный в большой степени переселением горских крестьян на равнину и наделением их земельными участками.

Еще в конце XVIII в. крестьяне села **Майрамкау** переселились в Моздок и привезли с собой свою бесценную реликвию — Иверскую икону Божьей Матери, которая впоследствии хранилась в женском Моздокском Монастыре.

В 1802 г. дигорцы братья Кургосовы (Тавсурук — офицер Царской армии, Амий — священник) основали Чернорское поселение, в 1813 г. образовалось новое поселение — Новоосетинское.

В 1822 г. главнокомандующий на Кавказе Ермолов дал распоряжение распределить плоскостную землю между четырьмя осетинскими обществами. И горцы охотно воспользовались предоставленной им возможностью.

Закладывались и основы промышленного производства. Так, в середине 50-х годов был образован серебряно-свинцовый завод в Алагире, а само село Алагир было основано в 1850 г.

Садонские рудники образовались еще раньше — в 1840 г. И основал их грек — промышленник Спиридон Чекалов. Однако с 1850 г. российское правительство забрало их в казну.

И позитивные итоги присоединения Осетии к России очевидны. Это и переселение горцев на равнину, развитие народного просвещения, установление торговых отношений с Россией.

«Присоединение Осетии к России было для нее единственно возможным позитивным вектором развития как экономического, так и культурно-этнического, оно создало условия, пусть не

всегда гладкие и полностью приемлемые, для ликвидации разобщенности осетинских обществ, оградило от внешних врагов, определило дальнейшие пути трансформации и прогресса»⁶.

Осетины охотно служили в Русской армии. Так, первый осетинский военный отряд сформировался еще в 1828 г. 17 мая 1828 г. Владикавказский комендант ген.-майор Скворцов подал рапорт командующему войсками на Кавказской Линии, в Черномории и Астрахани ген.-лейтенанту Эммануэлю о желании тагаурских алдар участвовать в войне «противу турок»:

«Тагаурские старшины... объявили, что они желая доказать правительству свою преданность, охотно рады в предстоящую ныне с Турками войну служить в Грузии при действующих войсках наших противу турок»⁷.

Итак, осознанная уже многими (правительством Российской империи и местной горской интеллигенцией) необходимость процессов всесторонней модернизации всех сфер горского бытия требовала укрепления организационно-управленческих функций местной власти. Традиционные родоплеменные формы власти, организованные по принципу первобытной демократии, уже не соответствовали новым требованиям. Они уступили место новым формам политической организации.

В 1844 г. было учреждено Кавказское наместничество во главе с М. С. Воронцовым, т.е. так оформилось военно-народное управление горскими обществами.

Поскольку в середине 50-х годов XIX века война с Шамилем не заканчивалась, то русский царизм принимает административные меры по ужесточению своей политики на Кавказе. Так, отменяется приставское правление, а управление на местах предоставляется непосредственно командующему войсками. С этой целью практического решения столь сложной задачи при Главном штабе кавказской армии создается отделение по управлению горскими народами. И, конечно же, с широкими полномочиями. В частности, резко меняет-

ся обстановка в горской действительности в результате того, что власти активно вмешиваются в традиционный уклад общественной жизни горцев, повсеместно строятся крепости, захватываются земли, происходит насильственное повальное переселение горского населения.

В такой неоднозначной обстановке местные феодалы теряют власть и обращают свои взоры в сторону Турции, полагая, что единоверцы — турки-то их не обидят и всячески будут поддерживать, обеспечив им привычный для них образ жизни и обусловленное этим образом жизни мироощущение, ощущение собственной значимости в брэнном мире и собственного величия (о, сколько разочарований ожидало их впереди как бы в наказание за отказ от родины!).

Между тем в Осетии и в целом на всем Кавказе велась определенная тенденциозная политика царского правительства натравливания друг на друга верхов, т.е. местных феодалов, и горский народ, представляющий собой в основном общинное крестьянство. Правда, политика эта вызывала большие сомнения у самих осуществляющих ее деятелей Российской власти. Так, Главнокомандующий П. Д. Цицианов отмечал: «Обещает ли таковая непримиримая распря, нами тщательно подстрекаемая, общее когда-либо спокойствие...»⁸.

А генерал — фельдмаршал Д. А. Милютин полагал, что следует «изменить образ действия»⁹ на Кавказе, «не задевать религиозные обычаи горцев, больше использовать меры убеждения»¹⁰.

Словом, приходит острое осознание у представителей Российской власти того, что решать архиважную проблему адаптации горских народов к российскому гражданскому правопорядку следует другими, более гуманными, а потому и более продуктивными, результативными методами. Прежде всего необходимо сочетание принципов российского гражданского правопорядка с обычными нормами менталитета горцев. И, конечно же, постепенное формирование у горцев общерос-

сийского гражданского самосознания. А это возможно только в результате осознания ими себя гражданами России, которую смогут они или их потомки воспринимать как свою родину.

Если в первобытной или родовой общине, при феодализме была своя организация власти по принципу народовластия, велик был авторитет старейшин, руководивших повседневной хозяйственной, общественной и идеологической жизнью, а установка социальных норм, согласно которым управление коллективом осуществлялось по волеизъявлению его взрослых членов, то уже в начале XIX в. управление обществом стало другим.

Прежде общество осетин и их предков знало определенный тип формирования социальных норм, т.е. обязательных, общественно-охраняемых правил поведения: правил разделения труда, сотрудничества, распределения, взаимозащиты, т.е. то, что определяет жизненные интересы коллектива и что передается из поколения в поколение, становясь привычками, обычаями.

Прежде социальные нормы закреплялись идеологически: в религиозных предписаниях и мифах. К нарушителям применялись общественные меры принуждения: порицание, осмеяние, ругань, физическая расправа, изгнание из своей среды (хъоды). Так закладывались нормы морали, правовые нормы, т.е. нормы обычного права, которое уже в начале XIX в. должно было уступить место государственному праву Российской империи.

Итак, в первой половине XIX в. произошло окончательное присоединение Осетии к России, в результате чего бытие горцев осуществляется в тесной связи с российской действительностью. При этом под мощным влиянием жизненных обстоятельств перед осетинским народом встают реальные социальные и духовно-нравственные задачи приобщения к мировой цивилизации.

Модернизация — глобальный феномен мировой истории, где, во-первых, осуществляется переход от традиционно-аграрного общества, основанного на отношениях личной

зависимости при феодализме, к обществу буржуазному, где царствуют рыночные отношения, индустриальный труд, правовые нормы, признается суверенитет личности, разделение властей, а в духовной сфере наблюдается многообразие. Однако, во-вторых, переход этот происходит сверху, т.к. в Российской империи установилась деспотичная власть, которая преодолевала сопротивление национальных традиций, застой в горском быту, в хозяйстве, в сознании, т.е. во всех сферах горского экзистенциального бытия. При этом цель была благородной: сломать старый горский образ жизни и способствовать зарождению нового, передового, прогрессивного.

По-другому и быть не могло: в условиях России существовала только такая модель модернизации.

Поскольку в осетинской действительности к тому времени еще не созрели внутренние предпосылки, то любые преобразования происходили весьма и весьма болезненно. Итак, субъектом модернизации общественного бытия и общественного сознания в Осетии в XIX в. явилась правящая элита, представляющая Российскую империю, и местные власти, а объектом — осетинский народ. В результате, конечно же, был осуществлен огромный прорыв во всех сферах горской жизни, но какой ценой?..

В чем конкретно заключалась суть модернизационных преобразований? Во-первых, Осетия вошла в структуры российского государственного, административного, правового устройства. Во-вторых, она активно включалась в сферу социально — политических и экономических связей с Россией, что весьма плодотворно отразилось на жизнедеятельности всего горского общества в XIX и последующих веках.

В решение данных задач активно включались представители местного населения, проявившие, во-первых, военные навыки; во-вторых, способность адаптироваться к европейским ценностям и мировоззренческим установкам; в-третьих, способных воспринимать российскую законность, основанную в

отличие от горской не на обычае, а на законе, образовании и культурной традиции. Таким образом зародилась необходимость возникновения горской интеллигенции. Словом, генетически происхождение горской интеллигенции обусловлено русско-осетинскими отношениями и явилось итогом вхождения Осетии в состав Российского государства, открывшего большие перспективы для горцев в плане своего личностного развития, возможности учебы в русских школах, службы в царской армии, работы в административных учреждениях.

Осетинская интеллигенция четко осознала необходимость преобразований, модернизации в процессе преодоления вековой отсталости горцев. В полной мере отдавала она отчет себе в том, что для преодоления исторической отсталости края необходимы коренные преобразования как в горском бытии, так и в сфере социальных отношений, мировоззрения народа.

Будучи патриотами, горцы-интеллигенты ставили при этом очень важную задачу: сохранения своего национального облика, сохранения некоей культурной и духовно-нравственной самостоятельности. То есть задачу создания своеобразного типа национальной культуры, способного, сохранив национальное содержание и форму, обогатиться ценностями мирового культурного сознания и, прежде всего, ценностным опытом мирового культурного фонда.

Таким образом, горская интеллигенция с момента своего зарождения, явившись субъектом общественного самосознания, действовала в национальных интересах своего народа. При этом она, безусловно, осознавала свое место в жизни народа, видела свое предназначение в борьбе за интересы народа, утверждала лучшие идеалы нравственного бытия, основы просвещения и образования. Словом, она выражала социально-историческое самосознание народа в эпоху модернизации, когда рушился старый образ мироздания и создавался новый в результате включения горцев в общероссийское политико-экономическое и культурное пространство.

И не случайно, ведь интеллигенция — социальная группа, которая выполняет особую социальную функцию в обществе и занимается интеллектуальным трудом.

Осетинская интеллигенция с момента своего зарождения и на протяжении всего XIX века проявила активное подвижничество, бескорыстно, верно и повсеместно служа интересам своего многострадального народа. Среди осетинской интеллигенции были общественные деятели, поэты и писатели, публицисты и журналисты, военные, служители культа, учителя, врачи, агрономы, инженеры, юристы. Они вели профессиональную, общественную и культурно — просветительскую деятельность.

Появление осетинской интеллигенции, духовной и военной, относится к 30-40-ым годам XIX века.

Трудно переоценить их роль в жизни общества, особенно в пореформенный период трансформации традиционного осетинского общества и его вовлечения в политическое, экономическое и социо-культурное пространство Российского государства.

Уже в эту эпоху осетинская интеллигенция подразделялась на разные группы: военную, духовную, педагогическую, творческую, медицинскую и техническую.¹¹

Особым уважением в Осетии пользовалась военная интеллигенция, зародившаяся также еще в 30-40-х годах XIX в. В конце же XIX в. каждый пятый в Осетии был офицером. История военного образования в Осетии начинается с 1836 г., когда царь Николай I издал Положение о воспитании 864 сирот и детей бедных при войсковых частях Отдельного Кавказского округа. Скажем, в 1848 г. во Владикавказе успешно работала школа для воспитанников при Навагинском пехотном полку, где обучалось 50 детей. Окончив школу, они учились в различных учебных заведениях России.

Осетинская военная интеллигенция прославилась уже во время русско-турецкой войны, в которой отличился Осетинский дивизион. Так, в 1878 г. Осетинский конный дивизион удостоился Георгиевского знамени в знак отличия.

Большую роль в развитии сознания осетин, как существенной части их культурного мироотношения к реальной действительности, сыграло просветительство. У истоков осетинского просветительства стоял Иван Ялгузидзе (Габараев). Родился он в 1775 г. в селе Залда Джавского ущелья Южной Осетии в семье священника.

И. Ялгузидзе создал осетинскую письменность на основе грузинской графики, составил первый осетинский букварь в 1821 г. Еще ранее, в 1811 г., он перевел с грузинского языка роман «Тариели», что, конечно же, способствовало развитию его литературного дарования и становлению поэтического мастерства будущего автора поэмы «Алгузиани». Он переводил также на осетинский язык церковные книги и обращения к народу, который с энтузиазмом поддерживал все его культурные начинания. В рапортах высокопоставленным чиновникам И. Ялгузидзе писал о жестоком угнетении трудового народа, гневно обличал бесчинства князей Мачабели и Эристава, которые всячески притесняли своих крестьян. Он понимал природу сословно-классового антагонизма в обществе, одобрял суть борьбы, происходящей между крестьянами и помещиками. Большую роль сыграл И. Ялгузидзе в становлении народного образования в Осетии. Он понимал, что народ имеет будущее, если будет просвещаться, а потому с таким усердием добивался издания «нескольких букварей», «дабы сим продолжить их (осетин — Р. Ф.) путь к образованию». Вот что он пишет в предисловии к Евангелию на осетинском языке: «Меня, по рождению и по происхождению осетина, маленьким мальчиком привел царь Грузии Ираклий II и отдал учиться с тем намерением, чтобы со временем [я] вам, соотечественникам-осетинам, чем-нибудь был полезен. Я тоже по мере своих сил старался учиться, и слегка приоткрылись слабые глаза моего молодого ума, вследствие чего в самой незначительной степени стал понимать грамоту на грузинском языке и узнал, что народ, не имеющий книги [письменности], лишен правильного понимания, не знает как следует самого себя»¹².

«Так я по мере сил трудился над тем, чтобы вы, мои единокровные осетины, не оставались без книг [письменности], и теперь молюсь и умоляю всех, чтобы в дальнейшем вы сами и ваши дети из рода в род все более просвещались умом»¹³.

Деятельность И. Ялгузидзе как просветителя имела большое значение для развития осетинской культуры и способствовала приобщению осетин к русской и грузинской культурам. Он верил в то, что Россия обеспечит его народу благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития.

Мировоззрение и эстетические взгляды И. Ялгузидзе сформировались при дворе грузинских царей Ираклия и Георгия, т.е. в русле грузинской «книжнической традиции», ведь он вырос в грузинской культурно-литературной среде. Автор поэмы хорошо знал грузинское священное писание, грамматику и философию, русский язык и русскую культуру.

В начале XIX в. он стал очевидцем вражды между крестьянами и помещиками. И в официальных докладах подполковнику Симоновичу приводит «волнующие факты нечеловеческого отношения» князей Мачабели и Эристовых к своим крестьянам¹⁴. Ялгузидзе выступает против жестокого угнетения человеческой личности. И. Ялгузидзе; был «движим живым сочувствием и любовью к своему народу»¹⁵, он активно работал для культурного развития народа, стремился укрепить его национальное самосознание. И, безусловно, он внес значительную лепту в развитие эстетического и художественного сознания осетин в первой половине XIX в., ознаменовавшего крутой поворот в их духовном становлении.

Итак, к закату феодализма начинает, хотя и медленно, противоречиво, складываться творческая интеллигенция, положившая начало профессиональному искусству.

В 1798 г. епископ Гайоз Токаев издает первую печатную книгу на осетинском языке на основе церковно-славянской графики.

В 1821 г. первый осетинский просветитель И. Ялгузидзе создал алфавит осетинского языка и перевел церковную книгу с грузинского на осетинский язык.

Итак, в первой половине XIX века происходит очень важный процесс формирования и налаживания политических, экономических и культурных связей Кавказа и России. Тогда же появляются первые просветители, такие как Г. Токаев, И. Ялгузидзе, — т.е. представители феодалов, получившие образование в российских учебных заведениях и, безусловно, имеющих прорусскую ориентацию. Конечно же, они были «государственниками», убежденными в том, что Россия защищает благо горцев. И они много сил приложили к тому, чтобы склонить горцев к идее сближения с Россией, в чем они и видели условие спасения родного народа из пут темноты, невежества и нищеты. Словом, во многом они способствовали политико-административному утверждению власти России на Северном Кавказе.

В результате все сложнее процессы духовно-мировоззренческого порядка, порожденные в осетинской действительности противоречивым XIX веком, в корне преобразовали национальную «самость», и этно-национальное бытие осетин, кардинально изменили их образ жизни и образ мыслей. В частности, развиваются и формируются те виды духовной и культурной деятельности, в которых мир этно-национальной действительности осетин предстает как мир исключительно человеческий. То есть как мир человеческой чувственности, субъективности.

В течение многих столетий всеобщим эквивалентом духовного творчества, которое было доступно устной традиции, была мифология; затем ее сменило народное искусство: фольклор, музыка, прикладное искусство, которое включало в себя и эстетические взгляды народа, его понимание прекрасного, возвышенного, героического, трагического, комического, безобразного, представления об эстетическом идеале и т.д. В качестве своеобразного зеркала выступают обычаи и традиции народа, повседневное бытие, вся сфера духовной, материальной и художественной культуры.

Ведь они — не просто зеркало, не просто образная модель, которая изоморфно воспроизводит структуру духовно-нравственного мира народа. Они представляют собой освоенный человеком (или обществом) и, следовательно, становящийся атрибутивным свойством его сущностных сил способ жизнедеятельности, способ выражения его деятельного отношения, его человеческой чувственности и субъективности.

В осмыслении специфики художественного сознания осетин как значительного результата развития всего богатства духовно-нравственно-культурной «самости» народа осетинские просветители выдвинули принцип культурно-деятельного подхода, определяя конкретно ее роль в целостной системе форм духовности, характер и содержание именно ей присущего деятельного отношения. Активно-деятельный характер социально-исторического творчества осетинского народа в процессе его многогранной жизнедеятельности формировался как историческая необходимость, осознанная уже первыми просветителями. Они выделили и осознали в процессе культуросозидания народа в его онтологической деятельности, обращенной исключительно к материально-практической сфере, социальную и духовную культуру, итогом развития которой признавали художественное сознание субъекта исторического творчества, т.е. осетинского народа, и его огромную созидательную роль в духовно-нравственном и культурно-чувственном развитии этого субъекта.

Итак, первый период в истории осетин в XIX веке (1800-1850-е гг.) характеризуется окончательным завершением присоединения Осетии к России.

Этот период замечателен также тем, что в качественной эволюции художественного сознания наблюдается еще медлительность, однообразие, господство традиций.

Объективные факторы, которые формировали особенности художественного сознания осетин, следующие: повседневное реальное бытие народа, его ментальность, уровень развития этнического сознания и самосознания.

Активная и творческая трудовая деятельность осетинского народа, развивающаяся на протяжении длительного исторического времени, создала целый комплекс чувств, представлений, взглядов, идей, которые в своей совокупности составляют основу нового типа художественного сознания.

Такова была целостная этно-онтологическая картина мира осетин в первой половине XIX века, явившаяся стимулирующим фактором становления нового типа художественного сознания осетин — авторского, личностного, имеющего письменную традицию и воплотившегося ярко и мощно в специфике национальной художественной культуре, в частности, в художественной литературе.

Глава 8. Объективные условия и факторы зарождения, становления и развития художественного сознания осетин нового, буржуазного типа во второй половине XIX века

8.1. Социально-исторические и культурно-духовные детерминанты формирования нового, буржуазного типа художественного сознания во второй половине XIX в.

Модернизация общества, т.е. переход от феодализма к буржуазной цивилизации, осуществлялась очень сложно. Ее, естественно, сопровождал процесс перехода от традиционной культуры феодального общества к инновационной культуре буржуазного общества. При этом важно помнить, что осуществлялся и очень важный исторический процесс высвобождения индивида из плена феодально-сословных и религиозных канонов, сковывавших его свободу, и человек получал возможность развития своей индивидуальности. Обогащалось представление о суверенности, самоценности, самодостаточности личности. И это несло с собой новый тип общественного сознания.

Постепенно появляются и города, где живет богатеющее сословие горожан и формируется городская культура, — **новая по типу культура с ее собственными героями, мотивами, формами, утверждающая принципиально новые отношения человека к миру, к своему социуму, к себе.**

Отмечая важнейшие меры по преобразованию крепости Владикавказ в город, наместник кавказский 4 ноября 1859 г. писал председателю кавказского комитета: «Если торговля всегда служила важнейшим проводником цивилизации всех народов, то и в настоящем случае, выполняя высокое свое призвание в отношении к принятым под великодушное покровительство России горцам, мы должны продолжать уже начатое гражданское их воспитание путем торговли. Горцы ясно сознают все ее выгоды»¹⁶.

Указ правительственного сената о преобразовании крепости Владикавказ в город был подписан 31 марта 1860 г.¹⁷

Вместе с урбанизацией, явившейся результатом активной человеческой деятельности и, в свою очередь, стимулирующей дальнейший рост этой деятельности, рождались новые бурные городские развлечения, а **яркие многолюдные праздники способствовали формированию натуры человека деятельного, активного, постоянно думающего о собственном благе и процветании, т.е. рождается и самоутверждается в культурном самосознании и новое мироощущение буржуа, которое несовместимо уже с воинственностью и представлениями о феодальной чести и престиже.**

Главный герой городской культуры — сам город, праздничный, веселый. Он обнажает мир вольной частной жизни, которая тем не менее все же подчиняется условностям, и все же более раскованной и радостной по сравнению с миром человека феодальной эпохи. Человек словно впервые увидел себя и своих сограждан в их повседневном бытии. Отсюда растет в его сознании ощущение своей личной значимости и значимости своей среды. Так воплощаются социально значимые духовно-нравственные

идеалы городской культуры с ее адекватным жизневосприятием, живым, действенным восприятием всего реального, что открыто взору.

Все грани единой духовно-нравственной и художественной культуры осетин проявлялись ярко, формируя гуманистические принципы как в общественном сознании, так и в сознании каждой отдельной личности, кардинально преобразовывая внешнюю деятельность и жизнедеятельность, всю судьбу человека.

Культура Осетии во второй половине XIX в. продолжала успешно развиваться. В пореформенное время элементы демократической культуры в осетинской действительности множились и крепили, значительное влияние на общественную жизнь оказывала **русская демократическая печать**. В это же время в крае формируется интеллигенция, зарождается демократическая общественно-политическая мысль, национальная литература, журналистика, успешно развивается народное просвещение, фольклористика.

Итак, в 1860 г. на карте Осетии появляется город Владикавказ, с которым связано зарождение буржуазной урбанистической культуры, и, конечно же, художественного сознания нового, буржуазного типа. Еще, будучи крепостью, Владикавказ выступил в роли административного, политического и культурного центра горских народов Терека. С ростом торгово-промышленных связей города с соседями, развиваются его общественно-политические и культурные функции. Так, с переездом во Владикавказ из Тифлиса управления осетинскими духовными приходами, город становится своеобразным центром пропаганды православия на Кавказе. Здесь же находилась канцелярия начальника Терской области и начальника военно-осетинского (переименованного затем во Владикавказский) округа. Соответственно в городе возникали очаги русской культуры: театр, газеты, учебные заведения, библиотеки. Все это, безусловно, способствовало формированию осетинской интеллигенции.

Культурное значение Владикавказа выросло с открытием в 1862 г. почтового и пассажирского сообщения с Тифлисом, железной дороги.

С 70-х гг. Владикавказ становится и центром прогрессивной общественно-политической жизни. Здесь тайно распространяются и изучаются произведения русской и закавказской революционно-народнической литературы, возникают подпольные народнические кружки. «Умственным и административным центром осетин» назвал Владикавказ К. Л. Хетагуров. На промышленных предприятиях города осетины трудились рядом с русскими; это помогало им лучше освоить русский язык и приобщиться к русской культуре.

С приездом казаков на Терек (1658 г.) заметно усилилось русское влияние в Осетии, стало активно распространяться христианство. Так, в 1744 г. грузинское духовенство под защитой русских учредило на Северном Кавказе миссионерское общество «Осетинское подворье», расположившееся в Моздоке.

19 апреля 1793 г. в Осетии открылась самостоятельная епархия. Возглавил ее епископ Гай, который положил начало осетинской письменности, составив ее из русского алфавита. Он также переводил богословские книги на осетинский язык.¹⁸

В 1830 г. во Владикавказе открылось четырехклассное духовное училище, в селении Алагир — двухклассный пансион. Также на средства духовной комиссии готовили группу осетинских мальчиков для поступления в Тифлисскую духовную семинарию. Им преподавали и осетинский язык по составленной Гаем и исправленной академиком Шегренем осетинской письменности.¹⁹

В 1857 г. наместник Кавказа фельдмаршал князь Барятинский пришел к выводу, что необходимо создать «Общество восстановления Православного христианства на Кавказе». А потому представил на имя Кавказского Комитета в Петербурге докладную записку. «Создать «Общество восстановления Православного Христианства на Кавказе» — долг православного

государства. — Писал князь. — Дело идет о вопросах, к которым Россия не может оставаться равнодушной: о религиозном просвещении меньших ее братьев, ежедневно отрываемых мусульманской пропагандой от лона святой Церкви Христовой, о величии России, которая должна разрушить на Кавказе препятствие, противопоставленное ей воплощением мусульманской ненависти в мюридизме. Союз честных лиц должен способствовать в этом деле, чтобы поддержать и распространить христианство между кавказскими племенами»²⁰.

После этого стали активно открываться приходы, строились храмы, церковноприходские школы. Так, об этом периоде Гаппо Баев писал в статье «Отрадное движение»: «Из всех горских племен Кавказа просвещение пустило наиболее глубокие корни среди осетин. Трудом «Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе» был открыт за последние 30 лет целый ряд школ в Северной и Южной Осетии. С самого начала преподавателями являлись природные осетины-семинаристы, которые своим серьезным отношением дело насаждения цивилизации на родине поставили очень высоко в глазах народа, вследствие чего население с охотой строило здания, разводило при них сады, поддерживало их, принимало на себя содержание учителей...»²¹.

Эту же мысль подчеркнул в своей статье «Народное образование в Северной Осетии» Полуирион: «Существующие школы в Осетии большей частью служат плодом деятельности «Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе», каковую названное Общество начало с 1860 года. Совет «Общества» всегда был внимателен к нуждам всех школ Северной Осетии, удовлетворяя по возможности их неотложные потребности»²².

К началу 1898-1899 учебного года в ведении Ардонского отделения Епархиального Владикавказского училищного Совета было 32 школы, вновь было открыто еще 18. Всего — 50 школ, из них: 32 — церковноприходские, 18 — школ грамоты, 17 цер-

ковноприходских школ содержались на средства «Общества», остальные — на средства народа.

«Но самую глубокую благодарность осетинский народ должен питать к своему духовенству, — писал Гаппо Баев, — за его работу на почве родной письменности. Современная советская осетинская литература... могла развиваться только на почве именно этих трудов. Все церковные книги, части Библии и, наконец, Евангелие были переведены трудами священников. Учебники для школ — Ветхий Завет, Новый Завет, азбуки, словари и др., изданные апостолом Осетии епископом Иосифом, появились при ближайшем сотрудничестве священников-осетин, имена которых красуются на этих изданиях: М. Сухиев, Х. Цомаев, К. Токаев, А. Гутиев, А. Цаликов, И. Дзампаев...»²³ И тем не менее школ не хватало.

С 1895-1896 учебного года Александровское осетинское духовное училище в селении Ардон было преобразовано в Александровскую миссионерскую духовную семинарию. Училище было открыто в 1887 г. и готовило церковнослужителей и учителей для осетинских церковноприходских школ. Ардонцы выделили для училища хороший земельный участок в 10 десятин, построили двухэтажное кирпичное здание, развели фруктовый сад. В училище, а потом и в семинарии была замечательная библиотека, которая имела обширную научную, художественную, учебную и богословскую литературу. Так, философский отдел ее располагал следующими книгами: Аристотель «Этика» (перевод Радлова), Платон «Беседы о любви», «Опыт о человеческом разуме», Кант «Критика практического разума», Спенсер «Воспитание умственное, нравственное и физическое», «Изучение социологии», «Классификация наук», «Личность и государство», «Основные начала», «Основания психологии», «Основания социологии», «Основания этики», Спиноза «Этика», Фихте «Назначение человека», «Основные черты современной эпохи», Юм «Исследование человеческого разума», «Трактат человеческой природы», Шопенгауэр «Мир, как воля и представление», «Афо-

ризмы и максимы», «Свобода воли и основа морали», Шеллинг «Философское исследование о сущности человеческой свободы», Ницше «Так говорил Заратустра», «Человеческое, слишком человеческое», «Переоценки всего ценного», «Избранные афоризмы и мысли», О. Конт «Дух позитивной философии», «Курс положительной философии», «Философия математики», другие сочинения Канта, Гегеля.

Первый выпуск воспитанников Ардонской семинарии состоялся в 1897 г.

Церковная жизнь была ориентирована на религиозно-нравственное воспитание прихожан. В 1895 г. церковный староста Константино-Еленинской церкви Панкратов, инициатор религиозно-нравственных чтений и организации церковно-народной библиотеки, обратился к Его Преосвященству Владимиру, епископу Владикавказскому и Моздокскому, с просьбой выделить деньги на приобретение брошюр и молитвенников, Евангелий для продажи прихожанам.²⁴

Священник Константино-Еленинской церкви Жуков предложил создать комиссию с целью распространения дешевых книг и брошюр религиозно-нравственного содержания среди простого населения. Он считал долгом церкви заботиться о «полезном и здоровом» чтении для грамотных простых граждан.²⁵

Религия как социо-нормативный институт актуализировала определенные социальные нормы поведения. Как носители моральных норм, верующие своим поведением, образом жизни, поступками воспитывали окружающих, особенно способствовали социализации молодежи. Дети и подростки активно участвовали в приходской жизни, пели в церковном хоре. Во многих духовных учебных заведениях были свои ученические хоры. Пение было формой приобщения учащихся не только к церковной жизни, но и к музыкальной культуре. В учебных заведениях даже издавались приказы о необходимости всем учащимся исполнять «первейшие христианские обязанности», по воскресеньям и праздникам посещать храмы.²⁶

Еще в 1836 г. во Владикавказе было образовано Осетинское духовное училище, в правилах которого было записано: «Правила и поступки горцев почти во всем противоположны правилам и поступкам христиан и горожан. Поэтому-то священной обязанностью смотрителя и наставников Владикавказского училища должно быть направление юных питомцев в противоположную сторону от примеров, их окружающих, на сторону чистой христианской нравственности... В душах этих диких надобно возродить новый мир с христианскими понятиями о коренных обязанностях и отношениях к Богу, к людям, к себе самим, ко всему обществу и правительству Российскому и государю»²⁷.

Художественная культура тогда же не была лишена высокой духовности, стремления к возвышенной красоте. Во многом она оказала существенное воздействие на видоизменение потребностей общества.

С развитием городской культуры сложилось и самосознание нового городского сословия.

Городская художественно-эстетическая и духовно-нравственная культура в Осетии в тот период — новая по типу. Она использовала отработанные веками традиционные виды и жанры творчества, их язык и систему художественных средств выразительности. Но задача переосмысления традиционных художественных форм с точки зрения потребностей нового времени влияла на эти средства выразительности и на стилистику, и на виды и жанры искусства. То есть шла **коренная перестройка внутренней структуры художественной культуры осетин как переходной эпохи от феодального к буржуазному типу**. Меняется общий контекст культуры, и традиционные «структурные единицы» начинают по-новому функционировать.

Взаимодействие архитектуры и живописи, например, в жилище породило особый новый тип синтеза искусств. Так, складываются архитектурные формы и настенная роспись. Важную проблему переходного периода в истории художественной культуры составляет **вырастание нового из tradi-**

ционного, соотнесение традиционного с новым; их взаимодействие в рамках целостной системы культуры. И тут еще сохраняется и обогащается значение Ирондзинада как главной мировоззренческой концепции, как основы всей художественно-эстетической и нравственно-этической культуры. В то же время осетинский народ через свою уникальную культуру продолжает вписываться в контекст мировой культуры. Так, скажем, начиная с 1870 г. Городская управа, согласно Городскому Положению, утверждала планы и фасады частных зданий, давала специальное разрешение на постройку, которая определялась также правилами Строительного Устава и требовала строительства домов «правильной архитектуры». В интерьере городских домов сохранялись этнические традиции. В то же время появлялись инновационные явления, которые меняли внутреннее убранство домов. Однако, это определялось скорее всего материальным достатком, а не только этнической принадлежностью хозяев.

Происходили этнокультурные процессы и в сфере одежды. Как отмечали путешественники, в городе Владикавказе наблюдалось этническое многообразие одежды. Анализ их сведений, полевого этнографического и фотоматериала дал возможность определить традиционные и симбиотичные, паллиативные варианты, порожденные распространявшейся европейской одеждой. Так, изучены виды мужской, женской и детской одежды, существовавшей в городе в разные годы по отчетам отделения готового платья, товарищества на паях «С. М. Киракозов и Б. Г. Оганов» и других компаний. Конечно же, население носило и национальную одежду. Отдельные ее фрагменты обретали престижно-знаковое значение и бережно хранились как символ этнической принадлежности. Особенно этническая принадлежность человека проявлялась в ювелирных украшениях, в использовании косметики, информация о которой извлечена из рекламных блоков местных газет, а этнические особенности применения подтверждаются полевым материалом.

Во второй половине XIX в. в Европе появляются новые способы художественного творчества, связанные с развитием техники, фотографии и кино. По своей специфике они больше, чем традиционные формы культуры, подвержены коммерциализации и утилитаризму. Еще за несколько лет до зарождения кинематографа в городском театре Владикавказа состоялись представления «туманных картин» физика К. О. Краузе, демонстрировавшие сюжеты о кавказской выставке в Тифлисе, о чудесах и тайнах океана, юмористические и фантастические сцены с «движениями и перемещениями». «Терские ведомости» объясняли секрет «живой фотографии» механизмом действия прибора, воспроизводящего натуральные движения, фотографированных субъектов»²⁸.

В 1899 г. фирма «Анатолий Вернер» поставляла из Харькова «волшебные фонари» для обществ народных чтений, школ, частных лиц.

16 июня 1897 г. во Владикавказе появился кинематограф: в городском театре был показан двадцатиминутный ролик. Так, горожане получили четкое представление о кинематографе как аппарате, «передающем целый ряд движущихся фотографических снимков, дающих полную иллюзию жизни с удивительной точностью, как например, движение, беготню детей, животных, движение пароходов, поездов, морских волн и т.д.»²⁹.

Кинематографические аппараты были в доме Гашелина, в 5-ом приходском училище, получившем его в подарок.³⁰

В 1890-х годах владикавказцы получили и другое чудо техники — граммофон. «Терские ведомости» рекламировали кинематографические аппараты Люмьера, фонографы Эдисона, американские граммофоны, фотоаппараты. В 1885 г. был открыт фотографический кабинет Д. М. Руднева, а в 1889 г. — дворянина Л. И. Рогозинского.³¹

Первая официальная газета во Владикавказе, «Терские ведомости», стала выходить с 1 января 1868 г. Она активно обсуждала вопросы землеустройства, просвещения горцев, здравоохранения.

нения, судоустройства, судопроизводства, развития экономики и т.д. Разумеется с позиций областной администрации, а потому со временем они перестали отвечать интересам населения. В 1881 г. стала выходить первая частная газета «Владикавказский листок объявлений», которую основали Н. Аксенов и З.И. Шувалов. Печаталась она в типографии Шувалова, открытой в 1879 г. В июне 1882 г. газету приобрел учитель Владикавказского городского училища И. Веру и переименовал ее в газету «Терек». В апреле 1886 г. из-за цензурных препонов она перестала выходить.

Во Владикавказе существовало общество распространения художественно — промышленных знаний, которое устраивало выставки картин и других работ местных художников и любителей. Организовывались и передвижные выставки в других городах — Пятигорске, Кисловодске. Так, в Коммерческом клубе с успехом прошла выставка картин местного иконостасного живописца Ковалева «Крушение Императорского поезда 17 октября 1888 года». Местные художники выставляли свои картины, рисунки, художественные фотографии на Александровском проспекте.³² Хетагуров выставлял на продажу свои произведения во Владикавказском собрании.³³

Многие местные интеллигенты ратовали за то, чтобы в городе открыли «рисовальную школу», т.к. «учение рисованию полезно и будущим ремесленникам, и детям, и взрослым». Желющие могли брать частные уроки рисования, живописи, черчения у известного преподавателя В. К. Соколовского.³⁴

На Александровском проспекте в доме Реутова Д. С. Чачик открыл «картинный магазин», где можно было купить картины, фотографии, краски. Некоторые горожане имели богатые коллекции картин и этюдов известных русских живописцев XVIII — начала XX в., которые впоследствии приобрел республиканский художественный музей.

И, конечно же, общедемократический и культурный подъем в России в 90-х гг. благотворно отозвался и в Осетии. В 1895 г.

были восстановлены закрытые в 80-х гг. женские начальные школы в селах. В 90-х г. в Осетии борьба за просвещение стала такой же актуальной, как и борьба за земли, за освобождение из-под колониального гнета, за утверждение демократических прав горцев. На сельских сходах составлялись общественные приговоры об открытии школ. Сельская общественность брала на себя обязательство построить здание для школы, оборудовать и содержать его. В 1899 г. в Осетии было 63 школы, а с воскресными и частными — 72.

За открытие новых школ и улучшение процесса обучения выступали передовые учителя, вдохновленные идеями русской демократической и педагогической мысли. М. Гарданов, А. Кануков, С. Газданов, Е. Битаров, Х. Уруймагов, А. Цаллагов, М. Туриев, Е. Доева, сестры Газдановы, М. Ф. Плюц и др.

Успешно развивалась культурная жизнь. В молодежной среде очень популярны были танцы. Как писала газета «Терские ведомости», «осетинская молодежь по обыкновению затеяла танцы, говорю — по обыкновению, потому, что когда бы и где бы эта молодежь не сошлась, она придирается к первому случаю и танцует»³⁶. Во всех селах было место, где молодежь каждый вечер собиралась на танцы под аккомпанемент гармоники. В осеннее-зимний период обыкновенно собирались в чьей-нибудь кунацкой. Девушки приходили в сопровождении своих родственников-юношей.

Итак, культурная жизнь в г. Владикавказе становилась активнее. Так, 11 декабря 1890 г. общее собрание членов владикавказского кружка любителей музыки записало в своем постановлении: «... открыть в г. Владикавказе с надлежащего разрешения музыкальные классы»³⁷. Весьма выразителен отчет владикавказского полицмейстера о состоянии библиотек, типографий, литографий, фотографий и книжной торговли в г. Владикавказе от 4 октября 1891 г., в котором читаем:

1. Библиотеки и кабинеты для чтения. «Публичная библиотека принадлежит Елене Червинской, помещается по Хлебно-

му переулку, содержится на условиях отдачи книг на дом подписчикам для чтения, с платой за право чтения по 7 и 12 руб. в год, открыта с разрешения начальника Терской области 29 июля 1878 г. В библиотеке находятся книги разных авторов русской беллетристики — 422 книги, переводных романов, повестей — 679 книг, научного содержания — 261 книга»³⁸.

2. Типо-литографии. «Типо-литография принадлежит купцу Зиновию Шувалову, открыта 19 марта 1879 г. При типо-литографии имеется магазин канцелярских принадлежностей и учебных пособий, в этом же магазине продаются книги — учебники, которые выписываются Шуваловым согласно предложениям, сделанным ему инспектором училищ»³⁹.

3. Фотографии. «Фотография, принадлежащая дворянину Леонтию Рогозинскому, открыта в 1889 г. Фотография, принадлежащая мещанину Деонисию Рудневу, открыта 11 декабря 1885 г.»⁴⁰.

4. Книжные магазины. «Книжная торговля имеется при галантерейном магазине, принадлежащем братьям Зипаловым. Помещается он в собственном доме по Александровскому проспекту, где производится торговля исключительно учебными книгами. В магазине имеется книжный каталог, число книг в отделении до 1 тысячи экземпляров.

Книжный магазин, принадлежащий купцу Карлу Кланну, помещается в доме по Александровскому проспекту. В магазине продаются учебные книги и некоторые сочинения русских писателей, открыт в 1891 г.

Книжный магазин, принадлежащий Марии Энкель, помещается по Александровскому проспекту. В магазине производится продажа книг исключительно учебных и некоторых русских писателей»⁴¹.

5. Типографии. В конце 1884 г. была открыта типография В. Просвирина: «Типография, принадлежащая Владимиру Просвирину, помещается в собственном доме по Александровскому проспекту, открыта 31 декабря 1884 г.»⁴².

Как отмечалось в отчете Владикавказского городского врача о санитарном состоянии в г. Владикавказе, относящемся не ранее 31 декабря 1888 г., «Санитарное состояние г. Владикавказа в отчетном году значительно изменилось к лучшему. Почти все главные и даже многие второстепенные улицы были вымощены, на всех без исключения улицах устроены тротуары с водостоками в многочисленные закрытые каналы, которые открываются в р. Терек. Ветхие и некрасивые постройки, служившие вместилищем нечистот и зловония, по соглашению с домохозяевами или совсем снесены, или приведены в благообразный вид как в санитарном, так и в архитектурном отношении...»⁴³.

Итак, последняя треть XIX в. в истории осетин проявляет черты культурного ренессанса. Пробуждается национальное самосознание, растет интерес общества к истории Осетии, формируется историческое сознание, философская мысль. Заметно меняется состояние культуры, открываются памятники, исторические храмы, музеи. Заметно меняется и отношение общества к печатному слову, к книге, к литературе.

По-новому организуется библиотечное дело, работают школы, учебные заведения, книгоиздательство, выходит периодика. Развивается литература. Формируется осетинская интеллигенция.

Рождаются художественные объединения, общества, союзы, ассоциации. Организуются выставки, вечера, проводятся диспуты.

В 1897 г. во Владикавказе был основан «Музей естественного-исторический при областном статистическом комитете в 1893 г. на пожертвования, собранные по подписке»⁴⁴.

В 1889 г. был благоустроен Редант, приведен в порядок сад, организован хороший буфет. На месте бывшего кабачка «Не уезжай, голубчик мой» открылся хороший ресторан и специальное помещение для семейного отдыха»⁴⁵. Была благоустроена территория Сапицкой будки, Лысой горы, а городской Горный клуб организовывал прогулки на Лысую гору, в Тарскую долину, в Та-

тартуп. Традиционными стали весенние прогулки в окрестностях города, сопровождавшиеся пикниками, шумными играми.

По-своему развлекалась молоканская молодежь. Разбиваясь на группы, молодые молоканцы (жители района Молоканка — Р. Ф.) играли в лапту, городки, горелки и др. игры.

Иногда владикавказцы устраивали скачки на тройках по обеим сторонам бульвара, чем вызывали недовольство городских властей. Зимой же увлекались санной ездой.

Городская элита проводила досуг за пределами России. У владикавказского провизора Г. Шварца имелись билеты на кругосветные путешествия и морские поездки на пароходах регулярных линий Северо-Германского Ллойда.⁴⁶

Популярным было общество «Трэк», располагавшееся в парке Ерофеева на берегу Терека. Как писали современники, это был один из чудеснейших уголков, где «...обилие зелени и воды вместе с говорливым Теремом, омывающим владения трэка со всех сторон, придают ему восхитительный вид»⁴⁷. Был он создан в 1893 г. как общество любителей велосипедного спорта, а 1 марта 1894 г. оно было признано официально военным министерством, утвердившим устав общества. Первый в городе велосипед имел громадное колесо с сиденьем и маленькое колесо за ним. Уже в 1880-х гг. в магазинах города продавались «общедоступные» велосипеды английского производства, а в 1890-х гг. появились велосипеды «Энфильд» и «Гумбер»⁴⁸. Под руководством генерала Михаила Родионовича Ерофеева, чье имя носил парк, велосипедисты очистили от мусора заброшенную часть городского сада, устроили площадку для езды на велосипеде, лужайки, поставили скамейки, посадили деревья, разбили цветники. Со временем здесь же появились беседки, озеро с лодками. И поскольку все больше горожан стали пользоваться велодромом, то появилась необходимость устройства навеса, который бы спасал от ненастья и жары. Так, инженер Кербедзом построил павильон «Ерофеевский». Как было записано в Уставе, «Владикавказское общество велосипедного спорта» стремилось

«содействовать развитию и распространению велосипедного и других видов спорта, доставлять своим членам и их семьям здоровые и разумные развлечения». Оно имело право содержать помещения для различных физических упражнений и игр, устраивать экскурсии, прогулки, вечера, праздники, соревнования, лекции, беседы, диспуты. Членам общества могли быть представители всех сословий без ограничения, любого пола, вероисповедания, но обязательно пользующихся уважением и «добрым именем»⁴⁹.

Постепенно площадь трэка увеличивалась, был разбит парк, сооружены водоемы и пруды, площадки, качели и т.д. На трэке проходили соревнования на призы в играх в крокет, в фехтовании на рапирах и эспадронах, в бросании ядер, стрельбе, в перетягивании каната, в беге, на ходулях.⁵⁰ Зимой устраивались соревнования конькобежцев, занятия по «фигурной езде». Организовывались танцы. На трэке находился и Летний театр, где выступали местные и гастрوليрующие актеры. Здесь же проводились благотворительные вечера.

Представители владикавказской интеллигенции во главе с К. Л. Хетагуровым писали в письме в редакцию газеты «Казбек»: «Кружок лиц, заинтересованных в достижении физического развития взрослых и детей путем рациональной постановки гимнастики, предполагающих, в виду назревающей потребности, основать во Владикавказе, по примеру других городов, гимнастическое общество, просит всех, сочувствующих этому делу, пожаловать в час дня в воскресенье, 20 января, в зал классической мужской гимназии для обсуждения вопросов, касающихся открытия гимнастического общества и рассмотрения выработанного для таких обществ особой комиссией устава»⁵¹.

А «этнические и конфессиональные группы горожан сохраняли традиционные структуры обыденности. Их досуг во многом определялся нормами обрядовой жизни, стремлением к внутриэтническому и внутригрупповому общению, которое обеспечивалось и коммуникативной функцией национальных

обществ. Например, грузины в программу современного городского мероприятия — «литературного утра» — непременно включали песни и басни на грузинском языке, осетины — на осетинском, армяне — на армянском и т.д.»⁵².

Разумеется, развитие национальной культуры осетин происходило и в унифицированных городских формах через систему народного образования, функционирование национально-культурного общества, культурно-просветительских учреждений, периодической печати, книгопечатания, литературно — драматических кружков и т.д. Конечно же, **в эти формы вкладывалось богатое содержание, нравственно-этическая и духовная культура народа, насчитывающая много веков своей истории.**

Старовладикавказская осетинская интеллигенция строила свои отношения с представителями других народов на демократических принципах интернационализма и тесной дружбы, взаимопомощи и взаимоподдержки. Этому способствовали и активные интегративные процессы городской жизни, порождавшие различные формы межэтнического взаимодействия. И факты совместной деятельности в учебных заведениях, городских обществах, сотрудничество в театрально-драматической и других формах культуры, что благотворно сказалось на развитии нравственно-этического сознания.

Несмотря на то, что сохранялись сословные рамки, что клубы устраивались по социальному признаку и были призваны во многом совершенствовать формы элитного досуга, активная деятельность местной интеллигенции по приобщению простых людей и особенно молодежи к культуре городского досуга, имела свои положительные результаты. **В результате стало заметной тенденцией развитие духовных, нравственно-этических и эстетических потребностей городского населения, в т. ч. и осетин.**

Словом, город стал центром регионально-этнического пространства, определяющего как самочувствие этноса в мире, так и его духовно-нравственную «самость». И не случайно: чувство

места способствует становлению чувства самосознания. Базары, мечеть, церкви, Александровский проспект, — в них выразилась душа этноса. Что касается фамильных башен, ганахов и т.д., — тем более. Так, в искусстве народного зодчества формировалась концепция города, пространства. Здесь осуществлялся торговый путь, росли магазины.

Чувство целостности бытия осетин в их сознании идет от единства концепций времени и пространства.

Замечательно духовный синтез концепций времени и пространства выразился в музыке, в изобразительном искусстве, в хореографии, в ораторском искусстве, в целом в художественной культуре, представляющей собой этнически-мировоззренческую модель эпохи, т. е. и символический образ времени, и пространственный образ этнического космоса.

Таковы были социально-исторические и культурно-духовные доминанты формирования нового, буржуазного типа художественного сознания во второй половине XIX века.

8.2. Просветительская идеология и характер формирующейся осетинской литературы

Социально-экономические и культурные условия для возникновения в Осетии просвещения созрели в 60-70-х гг. XIX в. и далее развивались в 80-90-х годах. Общественно-политическая и философская мысль в Осетии постепенно становилась частью общероссийского идеологического процесса.

Национально-культурные особенности осетинского просветительства заключаются в том, что впервые оно ярко и четко сформулировало идею личной свободы человека. Безусловно, в этом проявился антифеодальный пафос просветительских идей.

Постепенно укрепляясь в народе, сознательное стремление к свободе сильно влияло не только на его социально-политическое, но и на культурное и духовно-нравственное развитие.

Горские просветители четко осознавали, что «...человек становится склонным к общественной жизни не по природе, но вследствие воспитания»⁵³.

Просветители, патриотически настроенные, ясно осознавали, что горцы социально-экономически отстали, что нет у них современных основ цивилизации и культуры, т.е. письменности, светских школ, зато существуют феодальная иерархия и родоплеменные пережитки, от которых, по их глубочайшему убеждению, необходимо избавляться.

Засучив рукава, первые горские просветители начали изучать язык, историю, этнографию, фольклор, создавать национальную литературу. Они по мере сил стремились пропагандировать и внедрять европейские ценности хозяйственной культуры, обусловленные их новым взглядом на труд, собственность, богатство. Они пытались внушить своим соотечественникам мысль о том, что труд — это великое благо, определяющее нравственное достоинство человека, т.е. обращали внимание горцев на общественную значимость труда, ремесла, торговли. Просветители пропагандировали новую этику труда как источника благополучия общества. Новая этика в корне отличалась от старой, привычной горцам еще с первобытных времен, утверждающей «полезный» характер военных походов, оправдывающий грабежи менее сильных племен и народов.

Просветители понимали характер новой эпохи, предъявляющей свои требования к морали и нравственности. Они в полной мере осознавали необходимость формирования нового мышления, хозяйственно-экономической этики и психологии. Словом, они осознали необходимость образования и просвещения масс. И первые просветители свою историческую роль прекрасно сыграли, они явились своеобразными миссионерами.

Более или менее устойчивые идеалы, представления о мире и себе, моральные оценки, активно существующие в обществе, важнейшие ценности отражают социально-нравственный опыт многих поколений.

В ходе буржуазных реформ, в частности аграрной, судебной, административной, — в жизни горских обществ произошли серьезные преобразования. Были освобождены рабы, зависимые крестьяне, а в систему традиционных народных судов внедрялись элементы общероссийского судебного законодательства. Перестройка же управления влекла за собой большие изменения в общественно-политическом строе горцев.

В 1860 г. была основана Терская область, куда входило 8 округов: Осетинский, Кабардинский, Ингушский, Кумыкский, Чеченский, Аргунский, Ичкерийский, Нагорный.

В 1869-1870 годах осуществилась и судебная реформа, в результате создавались так называемые «горские словесные суды», аульные суды. В селах же власть была представлена сельским управлением.

Так создавалась военно-народная система административно-судебного управления, целью которой было и искоренение патриархально-родовых отношений в горской действительности.

Всё это, конечно же, преследовало цель изжить в повседневном горском быту патриархально-бытовые институты.

Социально-экономические предпосылки крестьянской реформы в Осетии в 1853-1864 гг. очевидны и вполне были обусловлены всем ходом развития осетинского общества. Прежде всего, конечно же, важнейшей причиной явилось обострение борьбы между знатью и «чернью». Кроме того, и царская власть пошла в активное наступление на существовавшие тогда феодально-крепостнические отношения, ставшие своеобразным «тормозом» на пути становления и развития капитализма в Осетии.

В результате были проведены в 50-60-х гг. либерально-освободительные мероприятия. Так, на Кавказе с целью развития края был поднят «вопрос о поземельных правах горцев». Стала очевидной необходимость освобождения от поземельной зависимости простого народа от феодалов.

Ликвидация крепостных отношений в Осетии (1867 г.) привела к развитию капитализма в крае, тем более что основы были уже заложены. Так, с 40-годов разрабатываются горнорудные богатства Садона, в 1853 г. заработал Алагирский серебро-свинцовый завод.

С начала 80-х годов формируются рабочие кадры, развиваются крахмально-паточная, мукомольная, пищевая, деревообрабатывающая, керамическая отрасли производства.

Значительные изменения происходили и в сфере сельскохозяйственного производства, усовершенствовались орудия труда, происходил процесс дифференциации производства. С 70-х годов осуществляется отходничество, т.е. многие крестьяне покидают родные места и перебираются в города в поисках новой работы. С середины 70-х годов функционирует железнодорожный транспорт, а в результате обогащаются культурные, экономические, торговые связи с Россией. Работают Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги.

Отмену крепостного права (1867 г.) по-разному встретили разные слои населения. Так, феодалы восприняли её весьма враждебно, тогда как передовая интеллигенция 70-х годов радостно приветствовала это событие, призванное с её точки зрения, положить начало возрождения края.

Как отмечал И. Кануков, русская цивилизация «принесла и на Кавказ другую, новую жизнь», для нового поколения занимается заря новой жизни, жизни труда и мысли, «теперь обстоятельства жизни с освобождением крестьян переменились, переменился и характер современного горца»⁵⁴.

В результате население «настроено на совершенно тихий и мирный лад гражданской жизни, что доказывается достигнутыми им крупными успехами в экономической жизни»⁵⁵.

Конечно, в горской действительности происходили значительные изменения.

«На Кавказ стали проникать вести о новых реформах, появились пионеры европейской культуры, стали открываться

школы, освободили крестьян, отменили телесные наказания, завели суд скорый, правый и милостивый» Казалось, вот самый достойный, самый верный и кратчайший путь к приобщению к благам культуры туземцев и к духовному слиянию их с нашей общей родиной. «Но то был сон»⁵⁶.

В Терской области творились акты беззакония.

Во второй половине XIX в. в осетинской действительности появилось явление абречества как форма социального сопротивления против жесткой политики новой судебной-управленческой системы. Термин «абрек» (вероятно, от ос. **абыраг**, абрек-скиталец), разбойник.⁵⁷

В XIX в. так звали на Кавказе людей, боровшихся против политики царизма в одиночестве.

«Осетинское абречество во второй половине XIX в. чаще всего носило характер социального протеста, специфическую форму сопротивления властям. Наиболее известные и популярные в народе абреки, как правило, разбойничали, грабили, и убивали ненавистных помещиков и одиозных представителей власти не столько ради личной наживы, сколько из-за борьбы против существующих порядков, где господствовали социальный и национальный гнет, несправедливость, нищета большинства населения и неслыханное богатство меньшинства и т. д.»⁵⁸.

В середине XIX века уже в селах открываются школы. Во многом это произошло в результате активной работы представителей российской имперской власти в крае по приобщению горцев к русской культуре. Так в 1853 году вышло «Положение о Кавказском учебном округе», направленное на то, чтобы привести народное образование на Кавказе в соответствие с общегосударственной системой образования.⁵⁹

В 1857 г. фельдмаршал князь Барятинский, наместник Кавказа, учредил «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Целью созданного Общества явилось: сооружение церквей, открытие школ при них, перевод священного писания и церковных книг на осетинский язык.

В сёлах открывавшиеся церковно-приходские школы приобщали к грамоте горских детей.

В пореформенный период растёт численность осетинской интеллигенции, в результате зарождения светского образования. Немало этому способствовало утверждение в 1859 г. «Устава о горских школах», дифференцировавшего церковное и светское образование.

В 1874 г. была создана единая система начального образования, в соответствии с которой все школы поступали в ведение Кавказского учебного округа, что обеспечивало более светский характер образования. Уже в конце XIX в. в Осетии насчитывалось более 140 школ, в которых обучалось 6300 учащихся.⁶⁰

В 1862 г. Аксо Колиев открыл на свои средства начальную школу для девочек, которая была преобразована в трехклассное Ольгинское училище.⁶¹

Как отмечал начальник Владикавказского округа в своем рапорте от 1868 г., «Осетины давно уже сами сознали пользу языка русского и грамотности, быв окружены русским населением единоверным с ним»..., когда ещё не были устраиваемы школы для осетин, большая часть их жителей отдавала своих сыновей в станицы казакам для обучения русской грамоте; хотя подобное обучение и не приносило такой пользы, какую принесли бы школы, но, во всяком случае, оно имело важное значение, т. к. оно развивало в народе грамотность и знание русского языка. Ныне не редкость встретить осетина, умеющего, хотя и плохо, но написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого»⁶².

С 70-х годов XIX века город Владикавказ играл огромную роль в духовной и культурной жизни осетинского общества. Прежде всего, в городе осела светская национальная интеллигенция.

В общественную мысль проникает дух революционной борьбы против царского самодержавия. При этом представители светской интеллигенции И. Кануков, бр. Шанаевы (Гуцыр, Га-

цыр, Джантемыр), А. Ардасенов, Е. Газданов, И. Шанаев, Д. Сохиев, Х. Тускаев, Дз. Голиев, А. Гассиев, Б. Гатиев и др. возглавили три направления деятельности. Скажем, такие как братья Шанаевы, Б. Гатиев увлеклись этнографией родного края. Либерально-демократическим направлением, в частности, литературно-публицистической деятельностью занимались И. Кануков, А. Гассиев. Сторонниками идей русского революционного народничества стали А. Ардасенов, И. Шанаев, Д. Сохиев и др. В целом все они были весьма образованными людьми, получившими образование в престижных вузах России. Так, юридический факультет Одесского университета окончил Дж. Шанаев; Петербургский лесной институт — А. Ардасенов, И. Шанаев, Д. Сохиев; Петровско-Разумовскую академию — Х. Тускаев.

И, конечно же, они впитали важнейшие черты русской культуры, русской классической литературы: народность, свободолюбие, гуманизм, любовь к Родине, толерантность, готовность самоотверженно служить своему народу.

Духовная интеллигенция также зародилась в 30-40-е года XIX века.

В 50-60-е годы окончившие успешно владикавказское духовное училище продолжили свое образование в вузах России. Среди них: А. Колиев, В. Цораев, А. Аладжиков, М. Сухиев, С. Мамитов и др.

Они были известными осетинскими священниками, просветителями.

А. Колиев открыл на свои средства женскую школу. Затем открылись школы для девочек в Алагире, в Салугардане (1867 г.) , в Моздоке (1868 г.) , Ардоне, Ольгинском, Даргкохе (1871 г.) , в Хумалаге (1872 г.) , Даргавсе (1878 г.).

В 1894 г. началось издание «Владикавказских епархиальных ведомостей», где активно участвовали осетинские священники А. Габуев, К. Токаев, Х. Уруймагов, А. Цаголов.

Подвижническую работу вела и осетинская педагогическая интеллигенция. Такие учителя, как С. Кокиев, А. Гассиев, Г. Дза-

сохов, Х. Уруймагов и др., считали, что необходимо вести обучение в школах на осетинском языке. Они ратовали за женское образование.

Активно заявила о себе и творческая интеллигенция, т.к. зарождались национальная литература, журналистика, искусство, наука, наиболее активными были основоположник осетинской литературы и литературного языка К. Хетагуров, первые писатели Т. Мамсуров, И. Кануков, художник М. Туганов, открывший в 1907 г. во Владикавказе художественную школу.

Зародилось осетиноведение как наука. У его истоков стояли российские ученые А. Шегрен, В. Миллер, М. Ковалевский. Появились и первые ученые-осетины: А. Ардасенов, А. Гасиев, В. Цораев, бр. Шанаевы, И. Тхостов, М. Баев, С. Кокиев, А. Кануков и др.

В начале XX в. вышли в свет первые осетинские пьесы, зародилось театральное искусство, благодаря таким культурным деятелям, как Б. Гурджибеков, Е. Бритаев, Р. Кочисова, Д. Кораев, А. Токаев и др.

В начале XX века зарождается осетинская периодическая печать. Так, в сентябре 1906 г. открывается осетинское издательское общество «Ир», где издаются книги на осетинском языке, периодика, в частности, газеты и журналы: «Ирон газет», «Хабар», «Зонд», «Афсир» и др.

Ярко заявило о себе и музыкальное общество, в частности, музыканты А. Аликов, Р. Битиев, А. Жукаев, М. Коченов, Х. Есиев. Они преподавали во владикавказских школах.

Медицинская интеллигенция еще в 1892 г. образовала «Терское медицинское общество», куда вошли врачи Е. Туганов, М. Тулатов, А. Тлатов, Л. Газданов, А. Тотиев, К. Тхапсаев.

Техническую интеллигенцию составили осетины: Г. Датиев, Д. Гиоев, Р. Гаглюев, Б. Дзахов, В. Гассиев.

Итак, в 60-70-х годах XIX века в результате осуществляющейся социально-экономической реформы началась активная модернизация традиционного уклада горской жизни, создава-

лась письменность, художественная литература, развивается культура, образование.

Однако модернизация, в целом как и идеалы просвещенного европеизма, не предполагали в сознании субъектов социально-экономической реформы отказа от национальной самобытности горской культуры. Так, просветители ратовали за совмещение идеалов европеизма и национальной самобытности своих народов, конечно, при этом прекрасно сознавая насущную необходимость диалектики горского традиционного уклада жизни.

И не случайно в данные десятилетия идет активный процесс изучения языка, культуры, этнографии, истории горских народов. В эти же годы развивается российское кавказоведение, печать, идет формирование научных обществ. Как заметил тогда же выдающийся просветитель А. Гассиев, «От русского общества требовалось дать направление, разумный исход богатым нравственным и умственным силам горцев, направить их к деятельности среди мирной человеческой гражданственности... на нем лежал долг воспитать горские племена»⁶³.

А в предисловии к первому выпуску Сборника Сведений о Кавказских горцах в 1868 г. отмечалось, что: «Для горцев открывается новый строй понятий и житейских отношений, для них наступила пора знакомства со светлым и широким миром европейской жизни... И если на стороне горцев лежит роковая необходимость знакомства с нами, то на нашей — нравственная обязанность проникнуть до глубины в их замкнутый круг жизни и узнать положительно, с кем и с чем имеем мы дело, для того, чтобы определить затем, как удобнее, легче и скорее помочь нашим новым согражданам выбраться из темного угла их полудикой жизни и приобщить их к свету и простору, открытых для европейской семьи народов»⁶⁴.

Тогда же выходят представляющий и поныне большой научный интерес историко-этнографические статьи просветителей И. Канукова, братьев Шанаевых и др.

И не случайно, ведь идут интенсивные поиски горских просветителей национальной идентичности, формируются смыслообразующие основы национальной культуры нового типа, рождаются новые ментальные духовные структуры.

Так, в ответ на произведение Надеждина «Природы и люди на Кавказе и за Кавказом», где прозвучали мысли о том, что осетины — народ дикий, А. Гассиев писал: «...бытовая, социальная, морально — религиозная стороны народной жизни, взятые в совокупности или отдельно, будут всегда оставаться непонятными без объяснения факторов, из которых они слагаются, без указания происхождения и взаимодействия этих факторов в истории народа»⁶⁵.

А потому, по его представлению, «Чтобы дать смысл, вложить жизнь в народные обычаи, нравы, надо знать их невидимое основание — думы народного ума и чаяния сердца народного. Результаты многовековой внутренней деятельности народного духа составляют мифология, изречения мудрые народов, сказания о героях народа, об идеальных типах людей, с которыми имеет связь большая часть народных обычаев. Этнографу необходимо знать не только эти результаты духовной жизни народа, он должен знать и те нужды, которые испытала или испытывала народная жизнь...»⁶⁶.

Тогда же А. Гассиев выдвинул принцип научности и объективности в понимании и трактовке особенностей этничности того или иного народа. Так, он писал: «Народный характер, обычаи, нравы, моральное и религиозное мировоззрение, словом, все культурное достояние народа вырабатывается взаимодействием двух факторов: внешней природы (начиная от почвы, на которой живет народ, и кончая самыми отдаленными космическими отношениями страны) и общих племенных особенностей физической и духовной организации народа, приобретающих устойчивость еще до начала исторической жизни народа»⁶⁷.

И далее в продолжении своей мысли: «Большая часть народных обычаев без знания их психического базиса останется для

нас непонятной, темной, а иное в них, пожалуй, представится в совершенно ложном свете»⁶⁸.

Так начиналось исследование фундаментально-духовных основ национально-культурного бытия осетинского народа, составляющего методологическую базу и современного осетиноведения в XXI веке.

Словом, осетинская интеллигенция 60-70-х годов (И. Кануков, А. Гассиев и др.) остро ставили важнейшие проблемы современности: просвещение народа, характер и уровень соответствия модернизирующих реформ народной ментальности, формирование новой трудовой и хозяйственно-экономической этики.

В 60-70-е годы XIX века резко осуждаются вредные обычаи.

«Чувство мести не имеет уже того свирепого характера, который оно имело...порывы народные немного обузданы не обычным правом народа, а законами, более гарантирующими человеческую жизнь и придающими ей больше цены, чем эти обычные права»⁶⁹.

В 60-70-х годах мировоззрение просветителей носит более «буржуазный» характер: они всячески защищают хозяйственно-экономические интересы большинства населения, т.е. крестьян; выступают за утверждение основ новой горской хозяйственной культуры.

И, конечно же, они сыграли существенную роль в развитии национального сознания и самосознания осетин, как мы проследим в последующих частях данного исследования.

Осетинские просветители, учившиеся в русских школах, хорошо знали русский язык, русскую культуру и литературу. И это давало им новый культурно-исторический материал, указывало на некоторые параллели.

Русская литература и культура в целом имела значение великой международной культурной силы для народов, вошедших в состав Российской империи. Общие идеи объединили разные народы, рождали историческую солидарность и отра-

жались на духовной жизни, которая тем не менее у каждого народа протекала своеобразно. Общее же содержание культурной эволюции определяется тем, что это был важнейший этап перехода от феодализма к капиталистическому обществу и его культуре. Безусловно также и абсолютно одно: культурное взаимодействие народов.

Осетинские просветители стали на путь культурного самоопределения, и, погружаясь в свои национальные истоки, признавали благотворное воздействие иных культур.

По мысли горских просветителей, необходимо было соединить достижения европеизирующейся русской культуры с традиционным строем жизни северокавказцев с тем, чтобы его творчески преобразовать. Как писал А. Гассиев, «От русского общества требовалось дать направление, разумный исход богатым нравственным и умственным силам горцем, направить их к деятельности среди мирной человеческой гражданственности... На нем лежал долг воспитать горские племена»⁷⁰.

Складывается новый образ жизни и мышления. В народной сфере обостряется стремление к знанию. Формируется новое художественное самосознание нового типа культуры. Утверждается такой общий дух культурной и духовной жизни, когда люди начинают осознавать, что главная причина человеческих бед и общественного зла заключается в невежестве, предрассудках и суеверии. И вместе с тем приходит понимание, что в образовании, в науке, в свободе мысли как раз прокладывается путь культурного и социального прогресса. Сами же идеи общественного равенства и личной свободы, меняющие мировоззренческие, ценностные, нравственные основы и созидающие новые условия жизни, новые идеалы и ценности, ведут, конечно же, к новому этапу пробуждения личного самосознания.

Данный тип культуры породил новое мировоззрение эпохи, отразившееся в просветительском движении, антифеодальном по содержанию и революционном по духу.

Радикальные изменения происходили на уровне всех сфер общественного сознания: складывался новый тип этнического мировоззрения, ценности которого заключаются в новизне содержания. Пришло острое осознание того, что идея свободы мысли, слова, печати, художественного творчества — самая важная культурная идея эпохи, философия исторического времени. Так, новый тип культуры принес с собой осознание самодостаточности личности.

Таким образом, был завершен переход к новому типу культуры, который видел «свет» в знаниях, науке, искусстве.

Подобным образом складывались и новые экономические и политические условия становления культуры формирующегося буржуазного общества.

С падением крепостного права Осетия вступила в новую полосу. Она включилась в хозяйственную систему России, что обусловило развитие общественной мысли, отразившей сложные связи проблем социально-экономической и политической жизни Осетии. В ней отразились социальный протест масс и различные направления политики царизма в Осетии в 60-90-х гг. В пореформенный период в Северной Осетии возникают различные направления в общественно-политическом движении: либерально-буржуазное и революционно-демократическое.

Либеральная часть осетинского общества восторгалась очередным проявлением «заботы» властей и становилась на сторону самодержавия.

Либералы выступали только против «стеснительных ограничений» самодержавия в сфере предпринимательства. Деятели либерального движения выражали недовольство против национального угнетения, крайностей самодержавного режима, они то высказывались в защиту «своеобразия культуры осетин» и «традиционного уклада быта», то уверяли в своей преданности царя. Либеральное крыло общественного движения довольствовалось отдельными уступками для «осетинского общества».

В конце 60-х — начале 70-х гг. в России возникают народнические кружки.

В эти годы в Петербурге и Москве обучалось несколько студентов из Северной Осетии: Инд. Шанаев, Ибр. Шанаев, Х. Тускаев, А. Ардасенов, Д. Сохиев, Е. Газданов, М. Абадиев и М. Баев.

В 1870 г. Ибр. Шанаев, А. Ардасенов, Д. Сохиев принимали активное участие в забастовках студентов в Петербурге. В числе российских политических эмигрантов в Женеве, связанных с русской секцией Интернационала, был Г. Дзгоев. С участником Парижской коммуны и членом Интернационала М.П. Сажиным Дзгоев отправлял в Россию революционную литературу. Выходец из с. Кадгарон М. Абадиев был связан с петербургскими народническими кружками. Он распространял воззвание русской учащейся молодежи, участвовал в покушении на генерал-адъютанта генерала Мезенцева.

В Петербурге в 1873 г. был создан кружок кавказской молодежи. По оценке «Правительственного вестника», он носил политический характер. Из Осетии членами кружка были А. Ардасенов, Д. Сохиев, Е. Газданов, М. Баев, Ибр. Шанаев.

В середине 1874 г. они уехали на родину для организации подпольной работы и переправили во Владикавказ партию нелегальной литературы.

В конце 1874 г. был создан первый революционно-народнический кружок в г.Владикавказе. В него вошли А. Ардасенов (руководитель), братья Ибр. и Дж. Шанаевы, П. Годжиев, Е. Газданов, А. Айдаров, Г. Атабегов, Д. Сохиев, Дз. Голиев, Х. Тускаев, братья Поповы, Ал. Вертепов, П. Яхнев, О. Казбек, В. Кизер, Д. Лавров. Несколько позже в кружок вступили еще 14 человек.

Кружковцы руководствовались целями общероссийского освободительного движения.

Владикавказский кружок был тесно связан через А. Ардасенова с Всероссийской социально-революционной организацией.

Первыми книгами, содержащими идеи социализма и распространявшимися в Осетии, были произведения Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, Н. Флеровского (В.В. Берви — Флеровского), С.М. Степняка — Кравчинского.

Создание Владикавказского кружка революционных народников было значительным событием. Идея борьбы за счастье народа объединила группу молодежи, посвятившей себя делу народного освобождения.

К концу 1875 г. российское народничество оказалось в трудном положении. 17 апреля 1876 г. в Москве был арестован его руководитель А. Ардасенов. Волна обысков и арестов прошла и во Владикавказе.

Вторая половина XIX в. явилась для Осетии переломной эпохой: **осетинский народ активно включается в исторический процесс.** Культура осетинского народа — часть мирового литературного и общественно-философского процесса. Осетинский народ в XVIII-XIX вв. в своем историческом развитии прошел те же идейно-культурные периоды, которые народы других стран переживали веками.

Первыми представителями осетинской просветительской мысли были И. Кануков, А. Ардасенов, Г. Цаголов и др. Испытывая глубокую ненависть ко всем формам угнетения, они критиковали феодальные порядки и нарождавшуюся буржуазию. Творчество названных представителей осетинского просвещения характеризуется демократической направленностью.

Они выступали за дружбу между осетинским и русским народами. Они верили в человеческий разум, критиковали религию, старые обычаи, суеверия, адаты, т.е. все то, что стояло на пути социального прогресса.

Наиболее ярким представителем просветительской мысли в Осетии был К. Хетагуров.

Процесс вхождения горца в водоворот капиталистического развития России затронул экономику и быт горских народов. Шла безжалостная перестройка их традиционного уклада

жизни, хозяйственной культуры, быта, сознания, ломка вековых этических представлений и норм, освященных традицией.

Пореформенный период в истории осетин породил сложные и противоречивые сдвиги в хозяйственном укладе, в быту, сознании и психологии. И разум народа был обращен к осмыслению и решению этих новых для горцев явлений действительности.

Поэтому все вопросы экономики и политики, этики и психологии, культуры и быта, национальных отношений и будущности народа повседневно тревожили народ. «Наступила пора просветителей и революционеров, мыслителей и поэтов национального и всероссийского масштаба. И горские народы Кавказа в меру своей исторической и культурной подготовленности выдвигали из своей среды деятелей именно такого типа. Историческая необходимость в них выявилась в самой острой форме, а выдвижение их, масштабы и значимость деятелей зависели уже от объективных конкретных историко-культурных условий и субъективных возможностей каждого данного деятеля»⁷¹, — пишет Н. Джусойты об этом периоде.

Среди прогрессивных деятелей Осетии второй половины XIX в. значительной личностью был Инал Кануков, оставивший заметный след в истории своего народа и в приобщении его к передовой русской культуре.

И. Кануков родился в 1852 г. в селе Брут. Учился в Ставропольской гимназии, в Александровском военном училище. С 1875 по 1877 гг. жил в станице Лысогорской возле Пятигорска, где находилась его воинская часть. В 1877 г. участвовал в русско-турецкой войне. В 1879 г. его перевели на службу в Оренбург, а затем и в Южно — Усуйский край. В 1883 г., уйдя с военной службы, переехал во Владикавказ, где учительствовал. Умер он в 1899 г.

Еще живя в Уссурийском крае, И. Кануков написал 160 рассказов, очерков, фельетонов, корреспонденции и около 50 стихотворений.

Важнейшее место в творчестве писателя занимает тема социально-экономического и духовного порабощения народа. Его занимают такие актуальные вопросы, как переселение части осетин в Турцию, специфика развития капитализма в Осетии. Он ведет активную борьбу против вредных обычаев и традиций, за эмансипацию женщин и т.д.

И. Кануков с горечью писал: «...за какие бы стороны народной жизни мы не взялись, всюду во главе нашей некультурности и отсталости, в различного рода неудачах и бедствиях — низкий уровень знаний стоит всегда на первом плане» и становится «...непреодолимою преградой на пути самых благих начинаний»⁷².

В своих очерках «В осетинском ауле», «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев», «Заметки горца», «Амрхан», «Горцы-переселенцы» и др. И. Кануков отразил жизнь пореформенной Осетии, показал специфику развития капитализма в осетинской деревне. Здесь же он проводит мысль о том, что единственный путь к освобождению осетин от вековой отсталости, к развитию экономики края заключается в скорейшем приобщении народа к общеевропейской цивилизации.

«Против могущественного напора цивилизации, — писал он, — не устоят никакие традиции страны. И, слава богу, что цивилизация забросила к нам луч свой; наконец, мы видим и железную дорогу; свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что и мы присоединились к семье цивилизованной Европы»⁷³.

Наметившийся прогрессивный путь развития Осетии он считал «неизбежным следствием водворения мира на Кавказе», результатом присоединения Осетии к России.

И. Кануков старался осмыслить законы истории. Он понимал, что объективные условия жизни определяют ход общественного развития, что исторические законы существуют независимо от человеческого сознания. В очерке «Горцы-переселенцы» И. Кануков писал: «Ряд исторических фактов... свер-

шившихся почти на наших глазах, доказывает нам, что народ сохраняет дух воинственности, удалства до тех пор, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благоприятствуют, когда есть, так сказать, арена для поддержания и воспитания этих качеств... Влияние этого неизменного могущественного исторического закона мы видим и в наших горах». Он осуждал феодалов-тунеядцев. «...Пора, пора оставить дурачиться и разъезжать по аулам бесцельно; пора приняться за работу, забыв, что черная работа стыдна алдару или узденю»⁷⁴.

Для творчества И. Канукова характерно правдивое изображение действительности.

С развитием социально-экономической жизни народа писатель связывает и вопросы морали, менталитет, мировоззрение народа. В зависимости от перемен в жизни, по его мнению, меняются нравы и обычаи людей, их отношение к жизни, к миру. «Обстоятельства жизни... переменились, переменился и характер современного горца. Как посмотришь теперь, да сравнишь характер современного горца и горца недавнего прошлого времени, когда еще воевал Шамиль, то подумаешь, что с тех пор, как окончилась война, прошло столетие. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодной, расчетливою...»⁷⁵. Борьбе против вредных обычаев и нравов писатель придавал большое значение.

Приветствуя рыночные отношения в осетинской действительности, он подвергает резкой критике и негативные последствия капитализации бытия горцев, их менталитета, мировоззренческих установок.

«Деньги!.. В этом магическом слове слились альфа и омега всех стремлений этих «дельцов» и «предпринимателей»... Чтобы добиться денег, они измышляли всевозможные пути, не разбираясь в средствах. При этом они лезли нагло, стремительно, давя своею нечестивою, но тяжелою пятою всех слабых, попадавших им на пути и мефистофельский хохот и раскатисто

проносился по дебрям Пределамера... Деньги стали меркою моральных качеств человека!»⁷⁶.

Больше всего писателя волнует девальвация традиционной духовности осетин, их мироощущение и мировосприятие.

«...Да присмотритесь пытливей, — восклицает И. Кануков, — что наблюдается во всей... нашей жизни, в многообразных ее проявлениях... Торжество низменных страстей, полное игнорирование или даже дерзкое попираание некоторой частью общества тех начал, которые дают социальной жизни осмысленность и значение... Наряду с этим растет дерзкая самонадеянность»⁷⁷.

С чувством большого сочувствия писатель критиковал обычаи, унижающие и оскорбляющие женское достоинство.

«Положение жены-осетинки в доме своего мужа самое шаткое, никакие юридические и религиозные кодексы не связывают особенно мужа с женой; муж смотрит на нее, как на вещь, которую он вправе выбросить за ворота, когда ему вздумается, и отпустить на все четыре стороны беспомощную, да еще, может быть, с малыми детьми»⁷⁸. Улучшат положение горянки, по мнению поэта, только новые социально-экономические условия жизни.

В творчестве И. Канукова затрагиваются вопросы войны и мира. Он осуждал войны. Так, в одном из своих произведений он писал:

Зачем, зачем же бой кровавый,
Ужасный, адский этот пир?
Для выгод? Прихоти? Для славы?
Чтоб удивить геройством мир?...⁷⁹

Как истинный просветитель, И. Кануков считал, что нравственное совершенствование личности, просвещение народа, подъем его культуры могут решить все социальные проблемы.

Заметное место в общественной мысли Осетии занимал А. Ардасенов (1852-1917 гг.). Научные интересы Ардасенова были разнообразны. Он писал об экологии, о климате, геологии, горной флоре и почвах, лесоводстве и садоводстве, разведений

искусственных трав и овощей, болезнях леса и винограда, многопольных севооборотах, молочном скотоводстве и кукурузе, кустарных промыслах. Но все же, главное для него были вопросы борьбы с социальной несправедливостью, что отразилось даже в его псевдониме ВНЛ — Вера, Надежда, Любовь.

В своих работах «Проделки «Несменяемого», «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» и др. Ардасенов дает анализ разложения сельской общины, становления капиталистических отношений в деревне, зарождения кулачества. Он раскритиковал народнические идеи о вечности крестьянской общины и социальной однородности крестьянства. Он анализирует особенности кулачества. «Нужно сказать, — писал Ардасенов, — что кулачество на туземной почве приобрело... приемы настолько совершенные, что им могут позавидовать российские загибаемые лапы первой пробы...»⁸⁰.

Пристально он изучал такой важный вопрос, как земельный, и видел причину земельного голода в горах в антинародной политике царизма.

Он также поставил вопрос о рынке, как непереносимом элементе развития капитализма.

На примерах и фактах он показал, что рыночные отношения в Осетии развиваются так же, как и в России, что горец становится все более зависимым от рынка, что определяет особенности его мировоззрения.

Рыночные отношения втягивали в свой водоворот и самих горцев, которые на всех перекрестках жизни искали работу.

Он понимал, насколько важны коренные социально-экономические изменения в жизни общества. Ардасенов писал: «Мы живем как раз на рубеже старых порядков, долженствующих отойти в вечность, и новых, наступающих на смену всему старому. Но всякий порядок вещей — одинаково в мире физическом и нравственном — следовательно, и наш строй... как бы он плох ни был, в какую бы ветхость не пришел, имеет свойства сохранять свое состояние и свою тенденцию. Нужна посторонняя

сила, чтобы сломить эту косность, этот консерватизм вещей. Новые храмы строятся на развалинах старых. Нельзя новые идеи и новые начала жизни пришивать в виде заплаток к старым изношенным платьям. Только путем борьбы и неустанной сменой одних явлений, идей и форм другими возникает прогресс.⁸¹

В истории общественно-философской мысли в Осетии видное место занимает Афанасий Гассиев — философ, ученый, педагог и общественно-политический деятель.

А. Гассиев родился в 1844 г. в семье крестьянина. В 1858 г. он поступил во Владикавказское духовное училище. В 1862 г. перешел в Ставропольскую духовную семинарию, а через год поступил в Тифлисскую духовную семинарию. В 1864 г. в связи с болезнью покинул Тифлис и начал занятия в Кавказской духовной семинарии. Там же он преподавал осетинский язык.

В 1867 г. А. Гассиев поступил в Киевскую духовную академию и окончил ее в 1871 г. Он был магистром психологии, истории, философии, педагогики и основного богословия.

Служебная карьера А. Гассиева сложилась неудачно. Во все годы своей деятельности А. Гассиев протестовал против бюрократии и колониальной политики царских чиновников, защищая интересы трудящихся масс.

В 1906 г. А. Гассиев «из-за политической неблагонадежности» был уволен с работы. Он переехал во Владикавказ, где прожил до конца жизни. «Никакого имущества, вообще никаких средств для жизни я не имею и заработать их не в состоянии, будучи старым и больным»⁸², — писал А. Гассиев о последних годах своей жизни. Умер он в 1915 г.

А. Гассиев был высокообразованным человеком. Он знал древнееврейский, греческий, латинский, старославянский, французский, немецкий, русский, польский, осетинский, грузинский и персидский языки; подготовил к печати краткую грамматику осетинского языка и составил первый Этимологический словарь осетинского языка (в рукописи); он издал учебник начальной русской грамматики и «Этимологию русскую

(высший курс)», подготовил к печати и издал книгу «К древнейшей нумизматике».

Он анализировал экономическое и культурное положение горцев, критиковал реакционную политику царского правительства на Кавказе.

Еще будучи студентом Киевской духовной академии, А. Гассиев писал работы по вопросам религии и философии, в которых проявились его идеалистические взгляды. Критикуя основы ислама, он одобрительно отзывался о догматах христианской морали.

Исследуя вопросы происхождения ислама, А. Гассиев мыслит исторически. Так, причинами возникновения ислама он считал: «... а) упадок религиозной жизни между арабами, заменившейся грубым идолослужением; б) внутреннее стремление разрозненных арабских племен к единству, для достижения которого ислам представлялся наилучшим средством; в) недостаток единства религиозной жизни и религиозного понимания среди христианских общин на Востоке, глубокий упадок политического духа и особенно военной системы в Греции, Риме и Персии. Вызвав арабов на борьбу «во имя веры», ислам этим самым возбудил в них скрытые племенные силы, развил дух прозелитизма и затем, позднее, дух исследования по отношению к данным истории и существу новой веры. Как «услугой вере» арабы воспользовались и сокровищами научного знания Греции и Рима, которые, к чести их сказать, сообщили новым племенам Европы»⁸³.

А. Гассиев вскрывал объективные условия возникновения ислама. Он считал, что ислам основы своей идеологии и морали почерпнул в иудаизме и христианстве. А. Гассиев беспощадно критиковал мусульманскую теорию о судьбе, фатуме, которая по его убеждению, возникла в результате невежества, незнания объективных явлений природы.

В работах «Коран, его происхождение и образование», «Анализ Корана, догматики и морали», «Новейший философ-

ский реализм об основах нравственности» Гассиев обстоятельно анализирует нравственные принципы мусульманской морали и показывает, что его этические принципы играют реакционную роль.

Конечно, ислам Гассиев критиковал с позиций христианской морали. Его не устраивает в нем то, что в мусульманской религии бог оторван от человека, что подавляется человеческая личность. «Между человеком и богом, — писал А. Гассиев, — оставлена громадная пропасть. Поэтому-то в религиозном строении мусульман мы напрасно искали бы теплого чувства, успокаивающей любви, ясного и смелого порыва духа; в нем лишь трепет ничтожества, давление идеи сверхъестественного величия... И бесы веруют, но трепещут!»⁸⁴.

А. Гассиева не устраивала изначальная установка ислама, согласно которой человек создан для страдания, мучения и унижения на земле, а блаженство он получит на том свете. Не согласен философ и с тем, что с точки зрения ислама женщина — всего лишь получеловек, и что создана она только для утех мужчины. Как показывает А. Гассиев, именно эта установка ислама узаконивает нравственное унижение и несправие женщины, ее рабское положение в повседневной жизни. И освобождение женщины он считал наиважнейшей общественной задачей.

А. Гассиев исследовал также происхождение и сущность христианства. Он показал себя последователем концепции восточного христианства, согласно которой все основные религиозные и нравственные истины — вечны. Он полагает, что в эпоху развития научной мысли апологетам религии необходимо искать новый метод примирения науки и религии. А потому, с его точки зрения, большого внимания заслуживают философские взгляды Гербарта (1776-1841). В связи с этим он пишет ряд философских произведений: — «Новейший философский реализм об основах религии и нравственности» и «Основы религии и нравственности по учению философа Гербарта и его школы».

По его мнению, философия Гербарта могла бы придать научный характер рассуждениям и постулатам богословов.

По Гербарту эстетические понятия включают в себя и этические и отличаются от иных некоторой «особенной прибавкой», которую они получают в представлении человека. То есть понятия объясняются при помощи эстетики и в то же время самыми важными считаются нравственные понятия. С историко-философской точки зрения А. Гассиев дает весьма компетентный анализ философии Гербарта.

По мысли Гербарта, человек должен молиться только мудрому, совершенному, справедливому и милостивому богу. То есть, религиозное понятие о боге формируется посредством этических предикатов — мудрости, святости, могущества, любви и справедливости. Получается, что таким образом этические потребности человека удовлетворяются верой в бога, которого он воспринимает всемогущим творцом. Излагая и анализируя философию Гербарта, Гассиев выразил свои взгляды по вопросам философии, в частности, о субъективном и объективном идеализме, о философии Канта, о пространстве и времени и т.д.

В философских произведениях А. Гассиева выражается материалистическая линия в понимании природы и человека. Так, он полагает, что материальный мир существует вечно. «Наша солнечная система и другие звездные скопления, — писал А. Гассиев, — образовались не вдруг, а постепенно, естественным путем и существуют миллионы лет — бытие их нельзя обозначить временем.⁸⁵

Далее он приходит к выводу о материальном единстве мира. «Основа миров — материя, вечна, не возникла из ничего и не может обратиться в ничто, исчезнуть».

А. Гассиев считал, что понятия «пространство» и «время» возникли в процессе исторического развития людей. И что понятие «пространство» вырабатывается «опытным путем: зрением, осязанием, движением рук, ног; время маленький ребенок

начинает различать по смене окружающих явлений и вещей, особенно по смене дня и ночи».

Значительное внимание уделил А. Гассиев критике религиозной морали, религиозно-философского учения и социологических взглядов Л. Н. Толстого. В начале вопросы морали он рассматривал с позиций идеализма и православной веры. Но в последствии А. Гассиев стал решать их с материалистических позиций. Особенно при анализе экономического и культурного положения горцев Северного Кавказа, в частности, осетин, когда пишет об их морали, традициях, нравах, обычаях, и объясняет правила и нормы поведения людей реальными условиями их жизни.

Большое внимание А. Гассиев уделил философскому вопросу о человеческом счастье. Он в корне не согласен с теми философами, которые считают, что счастье возможно только в потустороннем мире. Для А. Гассиева человеческое счастье заключается в земной реальной жизни. И проявляется оно при удовлетворении материальных и духовных потребностей людей, а потому бедность горцев он считает большим несчастьем.

«Что бедность... есть несчастье и делает людей, большинство их, несчастными, это доказывают сотни тысяч фактов, вся человеческая жизнь»⁸⁶, — приходит он к выводу.

По мнению А. Гассиева, учение Л. Н. Толстого о счастье на основе пяти заповедей Христа приводит человека к «нравственному безразличию и апатии (1); к созданию семейного ада под покровом брачного союза (2); к легкомысленному отношению к долгу и обязательствам (3); к господству злых, угнетению слабых, отсутствию безопасности (4); к несправедливости в житейских отношениях между людьми (5). Таким образом, исполнение пяти заповедей в формулировке Толстого вовсе не дает мне и всем людям блаженства, скорее ведет к несчастью всех»⁸⁷.

А. Гассиев не согласен с мыслью Л. Толстого о том, что Христос проповедовал бедность и бродячую жизнь. По мнению осетинского философа, это неверное толкование христианского

учения о бедности и богатстве, ведь оно не отрицает возможности богатства для бедных людей.

По мысли Л. Толстого, люди стремятся к идиллической жизни под открытым небом, к тому, чтобы иметь любимое дело, семью, иметь возможность свободно общаться и быть здоровыми. Это и есть разумная жизнь, христианское же учение заставляет людей руководствоваться разумом и предостерегает их от глупостей.

Да, рассуждает Гассиев, люди должны иметь свою семью, любимое дело, свободно общаться, быть здоровыми, но такая бездельная жизнь отбросит их к первобытному состоянию.

В отличие от Л. Толстого, он видит условия счастья в трудовой деятельности человека, который сознательно и ответственно посвятил себя делу, ставшему для него любимым. Стало быть, развитие промышленности, науки, экономики, вообще прогресс — верная основа для счастливой человеческой жизни. Конечно, в рассуждениях Гассиева видна некоторая ограниченность его понимания классовой сути общества.

«В наше время, — писал А. Гассиев, — очень многие... приобретают миллионные состояния неустанным трудом, особенно промышленным. Разными изобретениями, техническими усовершенствованиями, открытием способов производства нужных для жизни предметов, новых способов извлечения ценных вещей из недр земли и т.п. И если такие люди часть нажитых богатств отдают на помощь бедным, нуждающимся, на устройство больниц, убежищ и приютов для больных, престарелых и пр., то разве не справедливо сказать о них, что они — разбогатели для бога»⁸⁸.

Но в целом А. Гассиев является сторонником человеческого прогресса на основе науки и техники.

Он отвергал мнение Л. Толстого о том, что бедные умирают более счастливыми. Ведь умирающий бедняк, говорил Гассиев, с горечью покидает мир, думая о том, что оставляет голодающую семью, тогда как богатого эта мысль не беспокоит.

А. Гассиев писал: «Философ наш не видит или не хочет видеть резко выступающие факты мировой жизни: во-первых, безработицы рабочих и, во-вторых, недостаточности для жизни рабочей платы, недостаточности, вызванной неравномерным ростом этой платы и цены предметов, необходимых для жизни. Оба явления постоянны и служат постоянной причиной бедствия рабочих. Но есть еще нечто худшее. Что будет с человеком, живущим своим собственным земледельческим хозяйством, а также со свободными рабочими, когда их постигнет болезнь или утрата трудоспособности? Или что будет с детьми их при сиротстве и малолетстве?»⁸⁹.

А. Гассиев критиковал толстовские взгляды с точки зрения христианской морали. И критика его носит односторонний характер, ибо не учитывает всей гениальности творчества Л. Толстого, отразившего как раз другой подход, — более глубокий, многосторонний, ведущий к пониманию вопроса о человеческом счастье и несчастье.

Чтоб правильно понять этическую концепцию А. Гассиева, надо вспомнить его высказывания о кантовской морали. По мнению философа, Кант признает главной добродетелью полное соответствие воли нравственному закону, а удовлетворение желания человека — счастьем. И, стремясь к счастью, человек должен достичь нравственного совершенства, которое вместе с добродетелью и есть основа человеческого счастья. «Добродетель и счастье — вот элементы высочайшего блага»⁹⁰, — приходит к выводу А. Гассиев.

Кант довольно своеобразно трактует нравственные понятия, категории должного и долга, которые, по его мнению, следуют из абстрактного разума. Добрый поступок человека нельзя считать нормальным, если он обращен на удовлетворение личных потребностей, личного счастья, ведь в своей нравственной деятельности человек всегда должен исходить из всеобщего закона и игнорировать личный аспект. А. Гассиев с этой мыслью не согласен. Лозунг Канта «стремись к добро-

детели, чтобы быть счастливым» он формулирует по-своему: «стремись к добродетели, но не ради счастья, а ради нее самой». Ведь он уверен, что сумма добра между людьми увеличивается, а зла — уменьшается.

Конечно, глубинного анализа философии и этики Канта он не дал, но, как пишет З. Цховребов, «для истории осетинской общественной и философской мысли последней четверти XIX в. важное значение имеет сам факт появления осетинского исследователя, который на высоком профессиональном уровне разбирает концепции, отличающиеся исключительной сложностью». Кроме того, «Деятельность А. Гассиева, явившаяся важным этапом в духовной жизни осетинского народа, оказала большое влияние на развитие общественного сознания народа. Выступление А. Гассиева, как и других просветителей Осетии, против экономического и духовного порабощения народа способствовало созданию условий для проникновения в сознание осетинского народа научно — материалистических и революционно-демократических, позднее и марксистских идей»⁹¹, — далее отмечает исследователь.

Осетинские просветители пытались осмыслить основные закономерности исторического процесса, приобщаясь к прогрессивным общественно-философским идеям России. Развитие капиталистических отношений, классовое расслоение и взаимоотношения классов, их место и роль в национально — освободительной борьбе, духовное развитие и формирование национального самосознания народа — вот вопросы, которые ставились представителями осетинской общественно-философской мысли в конце XIX — начале XX в. Итак, осетинские просветители И. Кануков, А. Ардасенов, А. Гассиев, Г. Цаголов и др. внесли большой вклад в формирование демократических тенденций в общественном сознании народа, в развитие его эстетического сознания.

Значение культуры эпохи в том, что новое мировосприятие мира и человека выдвигает новые образы и темы и новые фор-

мы их воплощения. Так осуществляется просветительская идеология. При этом тенденции культурного развития эпохи выражаются в национально-своеобразной и исторически конкретной форме. Новый образ жизни и мышления создавал новый тип культуры, новое художественное видение, которое и меняло нравственно-этические установки и представления эпохи.

Расширился круг образованных людей, складывалась национальная интеллигенция. Усиливались связи с Россией и русской культурой. Расширился культурный обмен с другими народами.

Ардонская духовная семинария сыграла огромную роль в просвещении осетинского народа. Была она открыта в 1887-1888 г. по определению Сената, одоббившего просьбу духовенства, сначала как училище, затем преобразована была в семинарию. В ней успешно готовились священнослужители и учителя в церковно-приходские школы. Программа семинарии была по тем временам довольно обширной. Семинаристы изучали такие общеобразовательные предметы, как география, алгебра, история древнего мира и средних веков, история русской классической литературы, русский язык, психология, логика. Как отмечал преподаватель Северо-Осетинского пединститута Х. М. Зангиев в известной книге «Ардонская семинария», она имела богатейшую библиотеку, насчитывающую сотни томов по разным направлениям знаний. Старшеклассники должны были читать «Этику» Аристотеля, «Критику чистого разума» Канта, «Трактат о человеческой природе» Юма, «Беседы о любви» Платона, «Этику» Спинозы и т.д. Постоянно выписывались такие журналы, как «Нива», «Родина», «Задущевное слово» и др. Не случайно выпускники семинарии составили особую когорту осетинской интеллигенции, посвятившую себя приобщению осетин к мировой культуре, просвещению родного народа. Среди них такие поэты и писатели, как Иван Джанаев (Нигер), Цомак Гадиев, Гино Бараков, Газак Тогузов (Илас Арнигон), Арсен Коцоев, Георгий Малиев, Андрей Гулуев.

Одним из первых выпускников семинарии был Х. Цомаев (1875-1937), который учился самозабвенно, проявляя искреннюю страсть к знаниям, стремление к передовой культуре своего времени. Показав при окончании семинарии в 1897 г. блестящие успехи по русскому языку, истории русской литературы, теории словесности, осетинскому языку, юноша чувствовал, что истинным его призванием является любовь к родному языку и литературе. Но т.к. в годы учебы он был стипендиатом Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе, то, следовательно, обязан был в течение последующих девяти лет служить миссионерским задачам Общества. А потому он был направлен в родное село Архон, где открыл школу, попечителем которой был 12 лет. Затем служил священником в горных селах Зруге и Галиате, где достраивал школьные здания. После этого более 10 лет служил в Беслане, где построил две школы, мужскую и женскую, и открыл первую библиотеку-читальню. В последующие годы переехал во Владикавказ. И все эти трудные годы своей жизни Х. Цомаев занимался литературной и переводческой деятельностью. Он активно сотрудничал с журналом «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»), издававшимся с 1911 г. священником Моисеем Коцоевым. В 1915 г. редактором журнала становится Харлампий, который был священником и в то же время заведовал церковно-приходской школой при церкви.

Лично Х. Цомаев сам подготовил 300 учеников и определил их в разные учебные заведения.

Став редактором журнала, Х. Цомаев приложил много сил для того, чтобы он стал значительным явлением в культурной жизни Осетии. В нем появились новые рубрики и разделы, письма в редакцию, новости, а также стали публиковаться художественные произведения: очерки, стихотворения, рассказы, драматургические произведения Алихана Токаева, Сека Гадиева, Иласа Арнигона, Давида Короева. В № 1 за 1915 г. опубликовано стихотворение самого редактора «Хаст» («Война»),

рассказ о юной Нине — просветительнице Грузии, стихотворение «Пророк Исайя» и др.

В мартовском номере публикуется «Слово о Коста» Х. Цомаева, посвященное 10-летию со дня смерти великого поэта. В нем выражена искренняя любовь к Коста, понимание его роли в культурной и духовной жизни народа.

Такое же отношение к Сека Гадиеву выражает он в некрологе о нем. Эстетическая программа Х. Цомаева раскрывается и в статье его об осетинском языке, орфографии и стилистике, публиковавшейся из номера в номер. Она является вкладом и в развитие осетинской философской мысли, ибо идеи, выраженные в ней, очень четко связывают особенности и законы функционирования языка с вековой мудростью народа, его духовным и нравственным опытом. По мысли автора, в языке нет ничего случайного и поверхностного: все в нем имеет свою логику и закономерности, которые невозможно постичь без глубокого понимания как исторической жизни народа, так и его духовности, «самости».

Такую своеобразную эстетику языка выдвинул еще в начале века священник Х. Цомаев.

Харламбий дружил с самыми замечательными представителями осетинской интеллигенции: Арсеном Коцоевым, Цоцко Амбаловым, Дзахо Гатуевым, Гаппо Баевым, Борисом Алборовым, Губади Дзагуровым и др. Эта дружба во многом раскрывает и человеческую сущность священника и как нельзя лучше характеризует его социальную позицию и эстетическую платформу.

Много сил и энергии отдавал Х. Цомаев переводческой деятельности. Все это также было продиктовано стремлением помочь своему народу как можно глубже приобщиться к великим достижениям мировой культуры. Он переводил произведения А. П. Чехова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», «Песню о Буревестнике» М. Горького, «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Переводы сделаны настолько мастерски, что до сих пор остаются

непревзойденными. В них удивительно четко сохранены дух и идеи оригиналов, поразительно естественно зазвучали голоса героев их на чуждом им осетинском языке.

Занимаясь переводческой деятельностью, он стремился способствовать развитию осетинской словесности. И это ему вполне удавалось: формирующаяся национальная словесность обогащалась новой образностью, новой системой художественной изобразительности, что было очень важно и для формирования эстетического сознания эпохи.

Большой заслугой Х. Цомаева было и то, что он активно собирал богатейший фольклорный материал по пословицам и поговоркам.

Итак, осетинские просветители, освоив русскую и европейскую культуры, мечтали преодолеть национальную отсталость, обновить производство, социальные отношения, мировоззрение масс.

Но при этом однако же сохранить социальную и культурную преемственность, обрести культурно-историческую самостоятельность. Словом, не потерять, пройдя сквозь горнило социально-исторических потрясений, свою национальную самобытность. Ментальные реакции горцев на модернизационные реформы 60-70-х годов, направленные на приобщение народов Северного Кавказа к российской государственности, ярко отразились в трудах таких осетинских просветителей, как А. Гасиев, И. Кануков, А. Ардасенов, К. Хетагуров.

В дальнейшем развитии общественного сознания и самосознания осетин буржуазной эпохи большую роль сыграли просветители и 60-70-х годов, и 80-90-х. А потому особый интерес в данном исследовании вызывают их мировоззренческие подходы и оценки и, конечно же, **стремление осетинских просветителей адаптировать традиционные основы бытия народа к тем изменениям, которые нес грядущий капиталистический строй со своей рыночной экономикой и буржуазными отношениями.**

Безусловно, все это порождало определенные духовные процессы, эволюцию национальной психологии, новую этико-эстетическую систему ценностей, формировало новые качества национального характера.

В 80-90-е гг. горцы активно вовлекаются в товарно-денежные отношения.

В начале XX века, вплоть до 1917 г., осуществлялся социально-политический процесс, содержание которого можно определить как проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство, что расширяло социальную базу народнических идей в осетинском обществе.

Ситуацию, сложившуюся в осетинской действительности, Г. Цаголов назвал «патриархальной трясиной, которая безжалостно всасывает в себя всякую живую душу и своим тлетворным дыханием умерщвляет священное начало личности»⁹².

И конечно же, можно отметить, что **духовно-нравственная концепция национальной действительности осетинского просветительства — это компонент его становящейся мировоззренческой целостности.**

Просветительство в России — идейное движение, вызванное к жизни процессами возникновения капиталистических отношений в недрах феодализма, дальнейшим развитием монархического бюрократического государственного аппарата, обострением классовых противоречий и антикрепостнического движения народных масс. Подчеркивая классовую сущность и идеологическую направленность просветительства, В.И. Ленин определил его основные черты: «непримиримая вражда к крепостному праву и всем его порождениям», «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни» и вообще горячее стремление к европеизации России.⁹³ Вместе с тем В.И. Ленин видел абстрактность политических идей просветителей и ограниченность их «отрицательной задачи расчистки пути для европейского развития России»; он отмечал, что они «верили в данное общественное развитие и не

замечали свойственных ему противоречий»; «не выделяли как предмет своего внимания ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще»⁹⁴.

Сутью осетинского, как и русского просвещения, является утверждение единства мира на основании действия всеобщего «естественного закона» движения к совершенству. Этому закону подчиняются природа и ее формы, общественная история, история наук и художеств, человек в его нравственной сущности и познавательно — творческой деятельности. Категория «совершенство» выступает в универсальном значении «пружины» и «цели» бытия, критерием оценки многообразных форм материального мира природы, общества, человека, созданий искусства.

Центральное звено в мировоззренческой концепции Просвещения — учение о человеке, который предстает как духовно-нравственное, физически совершенное существо, являясь одновременно вершиной «лестницы» природных форм, «целью» природы и «средством» гармонизации действительности.

Эволюция концептуальных мировоззренческих представлений от средневековья к Новому времени шла своеобразно, так же, как своеобразной была и средневековая картина мира. Борьба со Средневековьем в области мысли была в Осетии, как и в России тем более напряженной и сложной, что **новая мировоззренческая система выростала непосредственно из средневековой.**

Просветительство довершило духовную работу построения новой мировоззренческой картины мира.

Борьба старого с новым отражает противоборство идей, переосмысление традиционных представлений.

В просветительской картине мира центральное место принадлежит человеку. Мировоззренческая содержательность учения осетинских просветителей о человеческой природе обнаруживается в самой постановке вопроса о сущности совершенного человека, разумного и чувствующего, гражданина и философа, способного к самосовершенствованию и гармонизации.

зирующему воздействию на природу и сограждан. Совершенный человек концентрирует в себе набор родовых качеств, абстрагированных от сословных характеристик и индивидуальных особенностей. Совершенство человека утверждается как должное, как цель нравственного совершенствования и общественного воспитания. Вместе с тем в этике осетинского Просвещения прослеживается тенденция к историко-национальной конкретизации представлений о человеческой природе. При этом предметом особого внимания становится единство индивидуального и общественного на основе гуманистического понимания природы человека, естественно стремящегося к сохранению жизни, к свободе, гражданскому равенству, социальной активности, познанию и творчеству, что благотворно влияло на эволюцию нравственно-этического сознания общества.

У осетинских просветителей сложилась своя этика.

Принцип труда. Просветители сформировали свое четкое концептуальное представление о труде как не только об источнике материальных благ, необходимых человеку для выживания, для жизни. Только труд, общественно-полезный, производительный, делает человека человеком, субъектом социально-исторического процесса, частью великого целого, — человечества.

Только трудящийся человек освещает разумом и жизнь народа и жизнь государства, оставляет след в жизни человечества, т.к. меняет к лучшему и человека и жизнь в целом, обогащает её гуманистический потенциал. Устремляет к добру направление исторического процесса.

Труд творит новый мир и нового человека с учётом требований мировоззренческих установок общества.

Трудящийся человек ведет ожесточенную борьбу со стихией зла, природной и социальной; в целом только он реализует социально-нравственную и творчески-преобразующую функцию человека в мире, в жизни, в обществе. И, конечно же, собствен-

ную гуманистическую природу, сознательно-созидательную природу человека.

Только благодаря труду человек в процессе своей многотысячной эволюции получил свой прекрасный современный облик, научился мечтать, творить; приобрел способность соперничать себе подобным.

Человек, осознавая своё историческое назначение в труде и через труд, должен понять, что только труд дает ему возможность творить новый мир сознательно и целенаправленно. Однако, пока он не осознает данного своего исторического предназначения, человек действует стихийно и неразумно, хотя на самом деле он практически, по логике своей объективной социально-исторической природы, в процессе своей же трудовой деятельности реализует своё историческое предназначение преобразователя старого и субъекта — созидателя нового, нарождающегося мира.

Создав человека определенного исторического типа, старый мир исчерпал все свое объективное содержание и неминуемо должен исчезнуть, т.к. исчерпал все свои потенциальные возможности.

При этом человек, порожденный этим миром, т.е. его малая частичка, реализующая свою творчески-преобразующую природу именно в процессе своей повседневной трудовой деятельности, ощущает весьма сложный психологический дискомфорт, переживает порой драму или трагедию своего собственного частного индивидуального субъективного бытия.

И только в самом же творчески-созидательном труде человека и открываются безграничные возможности как творимого, или рождающегося нового мира, так и нового типа человека, его способности разнообразнейших способов проявления многообразия своей сущности, способностей к повседневному существованию. Естественно, этой способности человек объективно обязан труду.

В процессе труда рождается правда, т.е. объективно пра-

вильное понимание долженствования как результат творчески преобразовательной морально-волевой деятельности человеческого сознания.

В процессе трудовой деятельности человек глубже познаёт себя, свою сущность, особенности проявления своей совести. Формирует своё осознание собственной природы и сущности в моральных категориях, системах, идеальных нормах поведения, в социальных и нравственных идеалах. Так зарождается этическая мысль, исследующая основные противоречия бытия и мышления уже средствами и категориями науки.

Программу концептуального самосозидания человека, предложенную просветителями, составляют разные пункты. Во-первых, они выдвинули положение «твори из себя человека», так как просветители исходили из того, что человек не рождается готовым: он формируется всю свою сознательную жизнь. При этом ведет борьбу с животными инстинктами в себе. Человек, по их убеждению, прежде всего продукт социальных условий и обстоятельств своей жизни, воспитания и образования, которые и формируют его моральный облик. Обеспечивают победу разумно-гуманистического начала в человеческой душе, свободно-необходимого над стихийным началом. Во-вторых, всестороннее самосовершенствование человека, полагали они, есть стремление сформировать в себе четкое представление о том, что историческое предназначение его как существа социального — преобразовывать, улучшать реальный мир, смягчая противоречие между бытием и долженствованием.

Важнейший принцип гуманистически-нравственной жизни, по представлениям просветителей, заключается в стремлении достижения полной реализации всех заложенных в человеке способностей, высшая из которых — творчески-преобразовательная. Кроме того, высший долг человека — обогащение своей души нетленными гуманистическими ценностями. В целом мировоззренчески-нравственное совершенствование есть долг совести человека.

По убеждению просветителей, принципы человечности углублялись, обогащались в процессе общественно-исторического развития.

Полная же реализация человеком своей творческой сущности составляет основу счастья в жизни, так же, как и осуществление им добра, т.е. важнейшей гуманистической цели.

Принцип добра в мировоззренческой программе просветителей утверждал истину, правду, красоту. И подходили они к ним с точки зрения исторического назначения человека.

Прежде всего, они говорили о необходимости творчества нового мира на основе истины, правды, красоты, добра.

Вся духовная жизнь человека органично связана с его творчески-преобразующей природой и ориентируется на реальное изменение мира, естественного и социального с учетом требований совести. И в этом — историческое предназначение человека на земле, полагали они.

Выдвигая принцип свободы, просветители имели в виду и внутреннюю, духовную свободу или нравственную свободу человека тоже. Они полагали, что самым большим преступлением против совести является духовное, нравственное рабство, поскольку раб, который смирился со своим положением, теряет свою подлинную человеческую сущность.

Труд, который создал человека как общественное существо, породил и его свободу. То есть человек в одинаковой мере и социальное, и свободное существо.

Подлинная свобода — не в произволе, не в покорности судьбе и обстоятельствам жизни. Она — в сознательном следовании объективной необходимости.

По убеждению просветителей, свобода человека адекватна его творческой преобразовательной деятельности.

Свободен по-настоящему лишь тот человек, который успешно реализует свою подлинно человеческую творчески-преобразовательную сущность, сознавая реальное противоречие между бытием и долженствованием. При этом он не принужден к это-

му деянию ни извне, ни изнутри, то есть творит абсолютно свободно в соответствии с потребностями своего разума и сердца, по велению своей совести.

И конечно, в такой ситуации формируется свойство характера человека как существа свободного; свойство, которое определяет постоянный нравственный образ его мыслей и действий. А само это свойство характера есть, безусловно, добродетель.

Добродетельный человек всю свою жизнь стремится к достижению важнейшей этической цели — идеала добра, поскольку таково веление его свободной совести. Как творящееся, рождающееся добро, она (добродетель) составляет подлинное содержание нравственной жизни человека, его счастье, дает возможность реализовать его творчески-преобразовательную сущность.

Просветители расценивали как противоположное добродетели свойство характера, отсутствие нравственного чувства, как нравственную невоспитанность, некультурность, опустошенность.

Борьба нового со старым всегда содержательно является борьбой человеческого разума с принудительной стихией зла. Принципы же истинной человечности создавались, развивались и накапливались задолго до нас всеми жившими поколениями наших мудрых предков. Наша задача, — как полагали просветители, развивать эти принципы в новых исторических условиях и на практике, и в теории. И это — одна из важнейших задач служения своей родине, родному народу, также, как творить новый мир, мир, основанный на идеале добра. В этом творчестве, собственно, просветители и видели историческое назначение человека.

Всеобщая совесть человечества — не пустая абстракция в представлениях просветителей: она реально включает в себя все самое ценное, истинно-человеческое, прекрасное, действительно свободное, разумное, высоконравственное начало и суть человеческой природы.

Каждый отдельный человек вносит свою лепту в общую сокровищницу человеческого духа, переживаний, мыслей, обогащая духовно-нравственный опыт народа по пути постижения и освоения прекрасного — истины, правды, красоты. При этом ориентиром для него служит верховный идеал совести — добро. Следовательно, чем богаче духовно каждый отдельный человек, тем богаче потенциал общества, народа, человечества. А обогащается человек духовно, когда получает, т.е. черпает из общего духовного колодца, и когда делится с другими людьми накопленными богатствами своей души и духа.

Человек должен испытывать чувство ответственности перед своим народом, обществом, человечеством. А это порождает осознание общественного долга, реализация которого всегда вызывает чувство благодарности у людей. Человек за свои поступки получает или суровое порицание или, наоборот, поощряющее одобрение, признание его заслуг, и как результат — чувство благодарности современников.

Сострадание проистекает из чувства благодарности человека к человеку. А дружба — высшее проявление чувства благодарности, когда человек ощущает помощь и поддержку товарища, друга. Дружба придает силы, умножает радость успеха, обогащает человека духовно.

Сущность человека — в творчестве нового, разумного, очеловеченного мира. Ведь его не удовлетворяет стихийная, слепая, случайная необходимость природы. А потому противоречие между бытием и долженствованием — важнейший источник нравственной энергии человека, направленной на созидание нового мира, который бы отвечал категорическим требованиям его совести.

Человек не может быть счастлив в одиночку. Высшее же счастье человека на земле — осчастливить другого, весь народ, все общество, человечество.

В счастье человека сливается личное и общее. А потому счастье человека в реализации всей его сущности, всех зало-

женных в нем от природы потребностей и способностей, среди которых — трудовая, активная, созидаящая, творческая деятельность, направленная на созидание нового, свободного, разумного, очеловеченного мира.

Счастье человека — в единстве человека с миром.

Счастье человека — в свободе, которая реализуется в свободном волеизъявлении, в творческой деятельности, в уверенности в своих силах, в том, что в будущем люди все будут счастливы, т.к. удастся разрешить противоречие между бытием и долженствованием.

Принцип совести. Просветители выработали свое собственное представление о совести и чести и о высоком достоинстве человека.

Совость — внутреннее чувство, которое заставляет человека поступать в соответствии с идеалом добра. И поэтому она составляет лучшую часть человеческой души, гарант душевной чистоты.

Совость — это субъективно-идеальное проявление социальной сущности человека, составляющей его трудовую, творчески-преобразовательную природу.

Совость — тот механизм, который заставляет осознать противоречие между бытием и долженствованием и помогает определить требование изменить сущее, т.е. стремится привести его в соответствие с должным, с идеалом. И тем самым дает возможность осуществить нравственный закон, закон нравственной жизни общества.

Само содержание совести включает идеал добра.

В совести сливается личное и общественное. Ведь нравственность рождается в общении людей, т.е. в повседневной жизнедеятельности, в процессе труда, т.е. добывания средств к жизни.

Совость — духовное начало в человеке.

Совость отрицает саму возможность эксплуатации человека человеком. Поэтому лучшие представители эксплуататорских классов порывают со своим классом.

Совесть — свет разума.

Итак, принципы истинной человечности в этической программе просветителей составляют: принцип совести, принцип самосовершенствования, принцип добра, принцип общественной собственности, принцип труда, принцип свободы, принцип благодарности, принцип благородства, принцип мудрости, принцип поступка.

Именно просветители впервые так остро и принципиально задумались и поставили на повестку дня важнейшие проблемы горского бытия.

Расслоение общества, становление буржуазного общества в Осетии в XIX в. происходило медленно. Шло оно с сохранением общинного уклада горской жизни. Так же и слабо развито было товарное производство. Все это, конечно же, тормозило индивидуализацию человеческого бытия. Замкнутость и изолированность горских поселений, примитивное разделение труда и натуральное хозяйство вели к застойности социально-исторической жизни, порождали консерватизм социальной культуры, сохраняя статичность и неизменность жизненного уклада горского общества. В таком обществе человек полностью был зависим от этнического сообщества, окутанный рабскими цепями традиционных правил и суеверий. В целом необходимую устойчивость и прочность бытия человек находил только в религиозно-мифологическом сознании, которое утверждало и фиксировало его связь с миром, природой, богом. А потому он стремится слиться с ним, подчиниться, отказавшись от своего «Я», неизменно следовать обычаям и традициям предков и выполнять беспрекословно указания старших. Таков был механизм формирования нравственной программы, этического кодекса, порожденного сознанием средневековья, основанным на убеждении, что человек как частица этнического сообщества обязан быть верным своей природе и следовать ей, т.е. не нарушать всеобщую гармонию бытия.

В XIX веке в недрах общественного сознания созревает оп-

позиционное учение как отражение недовольства существующим строем и выражение протеста против социальной несправедливости и угнетения, то есть просветительство. Оно проповедовало равенство всех людей, независимость человеческого достоинства от его происхождения и социального статуса, отрицало сложную обрядность и богатые жертвоприношения, столь разорительные для народа.

В целом просветительство унаследовало идейное богатство духовности народа, ее содержание и принципы. Так, гуманность, человечность, доброта стали важнейшими понятиями этики просветителей. Также и требование доброжелательности, уважительности, почтительности, верности долгу и взаимности в отношениях между людьми. По существу эта программа провозглашалась целью нравственного совершенствования. И она же составила фундаментальную основу формирующейся осетинской литературы, ведь первые осетинские писатели были и первыми осетинскими просветителями.

В XIX в. мир осетинского этнического сообщества стал меняться в связи с зарождением буржуазных отношений, развитием процесса общения и взаимодействия с другими народами, товарообмена.

И тогда же просветительское мировоззрение, исходя из той объективной абсолютной истины о том, что индивидуальный интерес ведет к всеобщему благу, к активизации безграничных потенциальных возможностей, заложенных в отдельном человеке, начало беспощадную борьбу за свободу и духовно-нравственное развитие человека, что и предопределило гуманистический пафос формирующейся осетинской литературы.

8.3. Роль народнической идеологии в эволюции художественного сознания осетин

В 70-е годы идеи русского революционного народничества овладели умами осетинского студенчества, за что многие молодые люди пострадали весьма ощутимо. Так, скажем, Идрис Шанаев, член тайного народнического кружка «нечаевцев», два года провел в Петропавловской крепости. Несмотря на столь тяжкие последствия, осетины-студенты не предавали народнические идеи. А. Ардасенов, член тайного кружка «чайкоцев», вернувшись на родину во Владикавказ, продолжал революционную работу. В 1875 г. во Владикавказе в народническом кружке активно сотрудничали: А. Ардасенов, Х. Тускаев, И. Шанаев, Дж. Шанаев, Годжиев, Е. Газданов, Айдаров, Д. Сохиев и др.; грузины: М. Кипиани, Н. Кананов, Н. Казбек и др.; армяне Петр и Степан Поповы, Б. Кизер и др.

Народники также поднимали различные вопросы, имеющие моральный характер. Так, они рассуждали о растлевающем влиянии города, о преимуществах деревенской жизни, об общинной нравственности, о нравственной цельности мужика в противовес с неуверенностью в жизни интеллигенции и даже ее нравственном банкротстве.

В среде осетинских народников наиболее популярны были этические идеи русских либеральных народников, таких как Н. К. Михайловский, И. И. Каблиц, С. Н. Южаков, Л. Е. Оболенский, Н. И. Кареев.

Конечно, теоритические истоки этики восходят к этике революционных демократов. Но народническая этика потеряла идею активной борьбы за счастье народа, оптимизм и революционный дух идеологии революционных демократов. В целом она сводилась к безобидной критике буржуазной морали.

Они полагали, что моральные поступки человека независимы от слепой необходимости.

«... Ставить человека в зависимость от тех или других слепых, бессознательных законов, — писал Михайловский, — зна-

чит унижать его человеческое достоинство, превращать его в машину, которая не ведает, что творит»⁹⁵. Ему вторил И. Каблиц (Юзов): «Единственным судьей того, что отнести к явлениям прогрессивным, а что к регрессивным, должна быть личность человека, руководствующаяся своими чувствами, мыслями и желаниями. Никакие «законы истории» не связывают деятельность этой личности, подчиняющейся только психическим законам своего внутреннего развития»⁹⁶.

Для них идеал — не объективное отражение действительности, а только результат субъективной деятельности человека. То есть нравственный идеал не отражает реальной действительности, по их логике.

В понимании счастья народники исходили из того, что идеал счастья в буржуазном обществе вообще не возможен, а значит и бороться за него бессмысленно. Однако Михайловский полагал, что как раз бороться за счастье необходимо.

«В этой прометеевской борьбе со стихийными силами, подавшей идею высочайшего мифа, какой когда-либо создала мысль человека, — писал Н.К. Михайловский, — я вижу и непосредственный источник счастья и залог победы»⁹⁷.

Столь же противоречивы были взгляды и осетинских народников. В общественной мысли Осетии в 80-90-х годах XIX в. явно проявляются основные направления: борьба против феодальных и патриархальных нравов и сознания. В частности, против феодального землевладения, обычаев наездничества, кровной мести, калыма. В целом наблюдается продолжение традиций просветителей 60-70-х годов.

Прежде всего многие выступают за гражданское воспитание горцев. Так, Г. Баев пишет: «разрушим же позорную преграду, жалкий остаток седой старины, противоречащий духу современной нашей жизни, и дадим возможность молодежи нашей свободно вступать в брачный союз, в основании которого лежит любовь, этот великий источник силы и славы народов»⁹⁸.

О деятельности народников писал М.С. Тотоев следующее:

«Что касается конкретно практических действий народников в Осетии в 70-х гг., то они были сведены, главным образом, к попыткам распространения революционной литературы, устройства школ — «пансионов», к попыткам обучения самих себя ремеслу, пригодному для того, чтобы устроиться на работу в деревне с целью ведения революционной пропаганды»⁹⁹.

Члены владикавказского кружка поддерживали отношения с представителями народнического движения в других городах России и получали от них подпольные листки и литературу.

Вскоре начались преследования членов народнического кружка во Владикавказе. В 1876 г. был арестован и сослан в Сибирь А. Ардасенов. Затем он оказался в тюрьме в Москве, где пробыл с 1876 по 1879 год, почти три года спустя был сослан в Якутию, и вернулся в Осетию в 1885 году. Стал заниматься педагогической, хозяйственной, научно-литературной деятельностью.

Народнический кружок во Владикавказе просуществовал до конца 70-х годов и занимался революционной пропагандой, изучением революционной литературы. Что касается социального положения членов народнического кружка, то можно заметить, что членами данного кружка были представители демократических слоев населения. Так, А. Ардасенов происходил из семьи **фарсаглагов**, т.е. был «свободным» горцем из с.Эльхотово. То есть в отношении осетинских народников можно сказать, что Ленин говорил о русских народниках: «Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»¹⁰⁰.

В Осетии происходил активный процесс разрушения старых форм жизни, старых идей, в целом патриархально-феодальной идеологии.

Во второй половине XIX века идет острая классовая борьба. Так, когда в горной Дигории феодалы посягали на общинное

пастбище «Харес», крестьянин Царай Хамицаев убил пристава Кубатиева.

В целом осетинские разночинцы опирались на трудовое малоземельное и безземельное крестьянство, чьи интересы они и выражали.

Коста в стихотворении «Памяти Кипиани» писал:

Много ль их было, способных народу
Так же всецело отдаться, любя,
Так же бороться за нашу свободу,
Светоч познания в сакли внося?
Нет, их немного. И эту потерю
Наши потомки припомнят не раз...
Плачь... Я в грядущее снова поверю,
Слушая плач твой, родимый Кавказ!

Именно с них начинается революционная мысль в Осетии, они провозгласили идеи братского единства с русским и другими народами России в борьбе с царизмом.

В развитии культуры, национального самосознания горского общества осетинские народники своей идеологией, литературно-публицистической и культурно-просветительской деятельностью сыграли большую роль.

В 80-90-е годы углубляются социальные противоречия в жизни осетинского общества, идет широкое вовлечение всех слоев населения в новые буржуазные социально-экономические и культурно-нравственные отношения.

Конечно, общественная мысль активно реагирует на создающуюся ситуацию, дает свою реакцию на становление товарно-денежных отношений, складывание новой социальной стратификации, разрушение основ традиционной культуры.

Народники активно выступали против феодализма и архаики нравов, «против патриархальной трясины, которая безжалостно всасывает в себя всякую живую душу и своим тлетворным дыханием умерщвляет священное начало личности».¹⁰¹

Народники вели пропаганду нового образа мышления, идей равенства, т.е. осуществляли гражданское воспитание горского населения края.

«Чтобы осетина заставить сознательно отрешиться от всего, что связано со словом ирад (калым — Р. Ф.), надо воспитать его не только до отрицания сословной розни, но и до признания полнейшего равенства женщины и мужчины»¹⁰², — писал К. Л. Хетагуров.

Тогда же А. Ардасенов подчеркивал: «Нужно признать бесспорным, что приобщение края к современному строю и цивилизации... только обострило и еще более углубило материальную нужду крестьянского населения»¹⁰³.

Конечно же, просветители и народники видели и негативные стороны новых буржуазных отношений.

Г. Баев осознавал масштабы происходящих трансформаций народного бытия.

«Культурность страны измеряется тем прогрессом, который сделало в области материальной и духовной жизни сельское население»¹⁰⁴.

Г. Баев понимал, какую большую ответственность несет перед историей своего народа национальная интеллигенция, которая, по его мнению, только и может, если руководствуется интересами всего общества, «любовью к добрым традициям своего быта и к своим темным землякам, благодаря которой интеллигенция только и может выполнить свою великую миссию в деле приобщения народных масс к благам культурной жизни и в борьбе с отрицательными явлениями»¹⁰⁵.

Осетинские народники много сил и времени уделяли изучению истории, языка, обычаев и нравов горцев.

Как отмечал М. О. Косвен, «Замечательную черту 90-х годов в истории этнографического изучения осетин составляет то, что почти всеми авторами этого десятилетия явились осетины, в частности, К. Л. Хетагуров, А. Ардасенов, А. Гатуев и Г. М. Цаголов...»¹⁰⁶.

Народники, выступая против феодально-крепостнических отношений, полагали, что для горцев предпочтительнее некапиталистический путь развития, имея в виду, что развитие общества постепенно приведет к естественному «вживанию» горских крестьян в новые социально-экономические условия. Интеллигенцию же они рассматривали как самостоятельный слой социальной структуры общества, который имеет свои цели, мировоззрение и идеологию, направленную на индустриализацию и демократическое развитие политической жизни. Со своих идеологических позиций они критиковали капитализм, буржуазный образ жизни, роль денег в жизни буржуазного общества. Крестьянство же народники рассматривали как ведущую социальную силу. В целом же они вели поиски особого пути развития, т.е. «очеловеченного капитализма».

Так, Г. Цаголов называл капитализм «лакейской цивилизацией», «чудовищем, не знающим пощады»¹⁰⁷.

А. Ардасенов заметил: «Нужно признать бесспорным, что приобщение края к современному строю и цивилизации... только обострило и еще более углубило материальную нужду крестьянского населения»¹⁰⁸.

С болью в сердце Г. Баев писал: «Со всех сторон нагрянули на Кавказ иностранцы-капиталисты. Из великих богатств края коренное его население, русское и туземное, увидит жалкие крохи и обратится в кабальный пролетариат...»¹⁰⁹. В тон ему отмечал и К. Хетагуров: Именно деятельностью инонациональной и национальной буржуазии «масса народа доведена до полного нищенства», разграбления «самыми бесчеловечными способами»¹¹⁰.

Осетинские народники пытались соединить традиционное и современное в осетинском бытии и сознании. То есть выступали за синтез традиционализма и модернизма. И это определяло суть их народнического сознания.

Признавая народ субъектом целостной социальной культуры, К. Хетагуров отмечал отношения солидарности, единства

осетинского традиционного общества. Так, он заметил: «Зиу — лучший традиционный обычай взаимопомощи». В нем «каждый осетин от всей души откликается на нужду другого, не принимая во внимание ни родства, ни своих личных интересов»¹¹¹.

И не случайно. Горцы всегда «внимательно относились к своим бедным, больным, пострадавшим от стихийных разрушительных сил»¹¹².

Больше всего, конечно, поэта беспокоило то, что «промышленность на Кавказе... стоит на крайне низкой ступени развития», — а потому, по его мнению, — нужны меры «для развития производительных сил богатейшего в мире края»¹¹³.

А Г. Баева беспокоило и другое, в частности, судьба выпускников школ. Как он писал, «Просветительская деятельность школы не должна заканчиваться для ученика с выходом из ее стен. Она дает ученику умение читать, и он должен далее развивать себя путем чтения, но в Осетии книг на родном языке нет, а потому по выходе из школы прекращается дальнейшее развитие, ученики мало-помалу забывают даже то, что вынесли из школы... При таких условиях какое просветительное значение оказал бы запас книг для элементарного обучения, для распространения полезных технических сведений по сельскому хозяйству, для разумно-нравственного и эстетического чтения»¹¹⁴.

О роли же книги на родном языке, о необходимости издания произведений осетинского фольклора Г. Баев писал: «Только родная книга может разнести свет новой жизни в глубины народной массы». «В этих-то произведениях многовекового народного творчества скрывается все богатство языка, его особенности, а главное — дух народности с ее оригинальным мировоззрением... Какое здоровое питание она дает родному почетному слову»¹¹⁵.

Г. Баев, как истинный патриот, интеллигент, советовал всем любителям осетинского фольклора: «Пусть всякий, дорожающий этим делом, записывает с уст народа все, что носит название народных произведений, начиная с песен о Нартах и, кончая по-

словицами, загадками, прибаутками, заклинаниями... Важно записывать так, как передает их народ, в таком только случае сохранится величественная простота и оригинальность самого изложения...»¹¹⁶.

Г. Баев возмущался поведением некоторых представителей осетинской интеллигенции, которые были озабочены только лишь стремлением найти подтверждения фактов древности своего рода, своего особого дворянского происхождения: «К сожалению, видные представители интеллигенции совершенно позабыли нужды своей деревни, а все время были заняты каким-то сословным вопросом, не имеющим под собой ровно никакой почвы в современной трудовой жизни осетинского народа, являясь позорным измышлением людей, коих сердце и ум отуманены презрением к своим братьям и собственным беспочвенным величием... надо учить осетин трудиться и приобщать их к благам культуры и русской гражданственности, а не заниматься глупым и вредным походом против своих темных земляков»¹¹⁷.

Среди культурно-просветительских деятелей особо выделялось учительство. Так, наиболее яркой фигурой среди них был Х. Уруймагов (1870-1919 гг.). В своих статьях: «Школьное дело в Осетии»¹¹⁸. «Как христиановцы лишились школы»¹¹⁹. «Учебники в осетинских школах»¹²⁰, «О значении осетинских школ в сельскохозяйственном отношении»¹²¹ он писал о необходимости единой системы обучения, выступал против пустой зубрежки, говорил о хороших учебниках и отмечал, что усвоение русского языка и русской культуры — могучий фактор в духовно-нравственном воспитании. При этом он также писал о необходимости преподавания на осетинском языке. И, конечно же, о важности и значимости честного и кропотливого труда учителя.

Любопытны статьи учителя, общественного деятеля, публициста А. Медоева (1860-1922 гг.): «Сказание о появлении медоносных пчел в дигории»¹²², «Заметки о деятельности алагирского серебро-свинцового завода»¹²³, «Из селения христиановско-

го»¹²⁴, «Тугановские скачки и воровство»¹²⁵, «Сословный спор в Осетии»¹²⁶. В них автор писал о культуре осетин, о быте, фольклоре горцев и, конечно же, ратовал за их просвещение.

Как писал В. Ф. Миллер, «Образованные осетины сами уже начали знакомить нас как со своими народными сказаниями, так и с произведениями своего нарождающегося творчества»¹²⁷.

В 80-90-х годах с В. Ф. Миллером поддерживали тесные связи С. Кокиев, С. Туккаев. Так, С. Кокиев помогал В. Ф. Миллеру собирать местный материал и привлек к данной работе также других осетин: Дигурова, И. Толпарова, И. Дзампаева, А. Цаликова и др. Кроме того, С. Кокиев в своих очерках «Калым у осетин», «Записки о быте осетин» (1884 г.) описал жилище, религиозные верования, одежду, развлечения, основные хозяйственные занятия, особенности народной медицины осетин.

В начале 90-х годов А. Цаллагов в очерке «Селение Гизель» («Кизилка») поведал о жизни и быте осетин, их хозяйственных занятиях, одежде, похоронах, общественной повинности, религиозных верованиях и т.д.

В своих публицистических статьях Г. Цаголов критиковал произвол царской администрации. В статье «Безземелье в Осетии» он писал о земельных отношениях горцев, об острой нехватке земли. Так, он подчеркивал, что в 1897 г. в Гизели безземельных дворов было 17, Ногкау — 29, Кадгороне — 8, Тулатовском — 35, Алагире — 135, Ардоне — 57, Кора — 48, Урсдоне — 44, Синдзикау — 45, Христиановском — 46, Дур-Дуре — 104, Даргавсе — 69 и т.д. Всего безземельных дворов в Осетии он насчитал 834.¹²⁸ Анализируя причины столь бедственного положения крестьян, Г. Цаголов назвал несколько: во-первых, это ошибки администрации при поземельном устройстве горцев. Во-вторых, естественный прирост населения. В-третьих, природные условия; в-четвертых, некоторые специфические явления общественной жизни. И, в-пятых, развитие торгово-ростовщического капитала. Во всем этом публицист винил колонизаторскую политику царизма, т.е. захват лучших земель

и раздача их казакам. Кроме того, как показал Г. Цаголов в своей работе, крестьянскую реформу в Осетии администрация провела в пользу горских феодалов. Так, он писал: «При определении поземельных прав горских обществ наша администрация допустила не мало таких ошибок, последствия которых еще долго будут тормозить экономическую жизнь горцев... Происходила страшная путаница. Явилась, неведомо откуда, масса претендентов на значительные участки земли... Стало процветать везде лакейство. Только простой народ оставался в тени. А начальство работало и работало, кроя и перекраивая разные участки. В результате — масса частных землевладельцев и почти безземельный народ... Масса осетин нагорной полосы осталась вовсе без земли...»¹²⁹.

По мнению Г. Цаголова, этому способствовал и торгово-ростовщический капитал: «ростовщики всегда обеспечивают свои деньги, отдаваемые в кредит, самыми лучшими земельными участками должников. И земли эти неминуемо остаются в руках ростовщиков, т.к. уплатить долг ростовщику осетин не может вследствие чудовищных процентов: размер их иногда достигает 100 или 200 процентов»¹³⁰.

Также Г. Цаголов считал разорительными патриархально-родовые и феодальные пережитки (калым, поминки, плата за кровь и т.д.), называя их специфическими явлениями осетинской общественной жизни.

Весьма остро выступал публицист о судьбе крестьян в статьях «К вопросу о временнопроживающих», «Край беспросветной нужды». В статье «Платежи и повинности горцев Терской области» отмечал, что бедняк «прямо лезет в долги или лишается последней лошади и надела»¹³¹.

В статье «Искатель правды» разоблачает царскую администрацию.¹³²

Особенно волновала его судьба женщины-горянки. Так, в статье «Она бежала...» он писал: «Да! Я бежала, но бежала от той патриархальной трясины, которая безжалостно всасывает в

себя всякую живую душу и своим тлетворным дыханием умерщвляет священное начало личности... будем же думать, что свет победит тьму, добро возьмет верх над злом...»¹³³.

А в стихотворении «Невестке — осетинке» Г. Цаголов восклидал с душевной болью:

Дитя! Дитя!... Расцвесь ты не успела,
А уж тебя на горе обрекли...
Погибло все, чего душа хотела,
Исчезло все, куда мечты влекли...

В целом, конечно же, в 80-90-е годы XIX века ярчайшие представители осетинской интеллигенции: А. Г. Ардасенов, К. Л. Хетагуров, Г. М. Цаголов акцентировали свое внимание на проблемах вовлечения горцев в товарно-денежные отношения, на сложности и противоречивости процесса капиталистической модернизации, в условиях которой происходила адаптация традиционного горского общества к индустриальной цивилизации, что имело большое значение как в развитии этнического сознания и самосознания осетин, так и в эволюции мировоззренческих взглядов осетинского общества в целом, в процессе формирования художественной культуры нового — **буржуазного типа.**

Глава 9. Осетинская художественная литература в XIX в.

9.1. Особенности зарождения и становления

В XIX в. активно шел процесс пробуждения национального самосознания. И это способствовало развитию национальной культуры, в первую очередь литературного языка и литературы. Возрос интерес к историческому прошлому Осетии, к фольклору ее, этнографии, языку. Велика в данном процессе роль русских ученых Щегрена, Миллера и др., декабристкой идеологии и русских поэтов и писателей Нарезного, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова.

Философско-социологические и эстетические идеи русских поэтов и писателей и декабристов, сосланных на Кавказ, формировали художественно-эстетическое сознание горцев. Они и предложили свои принципы воплощения революционного общественно-эстетического идеала, активно используя эстетику горского фольклора в своей художественно-эстетической практике. Так, скажем, М. Ю. Лермонтов в поэме «Демон» использовал осетинскую легенду Гудского ущелья о красавице и злом духе.

Именно русская художественно-эстетическая традиция определила характер и сущность зарождающейся осетинской поэзии как сферы воплощения социальных идеалов, высоких чувств и глубокой мысли. И именно тогда в осетинском эстетическом сознании утвердилось представление о том, что искусство ценно именно как средство гражданского служения и воспитания борцов против рабства и самодержавия.

Эстетическая и художественная мысль осетин настолько возмужала уже во второй половине XIX в., что основным ее требованием стала творческая самобытность художника.

Важным характером духовной жизни осетин явилось и **развитие народного образования**, что вызывало глубокий интерес к повышению проблем национальной культуры.

Большую роль в развитии эстетической и художественной мысли в Осетии сыграло и возникновение периодической печати, внесшей свой вклад в процесс становления новой национальной культуры. Трудно переоценить, как мы уже отмечали, и роль русского театра в формировании этико-эстетического и художественного сознания горцев и, прежде всего, конечно, молодой осетинской интеллигенции, получившей еще одну возможность приобщиться через театр к передовой русской и мировой культуре.

И, разумеется, было большим событием в истории эстетического и художественного сознания осетин создание **оригинальной национальной литературы** на основе литературного языка, разговорной народной речи; зарождение национальной живописи, основоположником которой был К. Л. Хетагуров.

В национально самобытной литературе, живописи, которые утверждаются в XIX в. на позициях реализма и народности, отражаются существенные стороны быта и культуры, труда и борьбы, истории и современности Осетии. Это главное в становлении осетинской эстетической и этической мысли на протяжении сложного XIX века. Параллельно в ней происходит и философское осмысление всей совокупности этнического бытия осетинского народа. Первые осетинские поэты и писатели (как, впрочем, и последующие тоже) постоянно опираются на опыт русской литературы и науки, проявивших огромный интерес к истории, культуре и духовной жизни горцев. Все это определило в конечном итоге **историческую общность эстетического и художественного сознания русских и осетин, единство судеб их художественных культур**. Это проявилось и проявляется по сей день в специфике исторического развития осетинской культуры, этики и эстетики.

Для осетин русская культура и русский язык стали очень важными стимуляторами их духовной жизни.

Осетинская литература отражает процесс развития философско-этической и художественной культуры осетинского народа. Эстетической и этической проблематикой вплотную занимались уже первые собиратели фольклорного и этнографического материала. И потому уже вторую половину XIX в. можно рассматривать как период постепенного перехода к научным, теоретическим основам литературоведения, этики и эстетики, опирающимся на методы и понятийный аппарат философии.

Важную роль в развитии художественно-эстетической и этической мысли сыграла борьба просветительства с невежеством. Художественно-эстетическая и этическая проблематика возникла в связи с философским осмыслением становления новой гуманистической идеологии, в том числе и литературы, театра, печати. Осетинских просветителей не могли не занимать такие вопросы, как происхождение и сущность искусства, природа прекрасного, эстетический вкус и идеал, воспитательное и познавательное значение художественного творчества, проблема добра и зла и т.д. Развитие светского образования также стимулировало возрастание интереса и к разработке проблем литературы, этики и эстетики. Ведь суть философии просветительства специфична. В среду осетинской интеллигенции проникало философское образование, которое знакомило ее с величайшими достижениями западно-европейской философии (с творчеством Шеллинга, Канта, Гегеля, французских просветителей). Теоретическая философская, этическая и эстетическая мысль пробивала себе дорогу и через становление литературоведения, фольклористики. Ведь с появлением первых художественных произведений перед писателями и поэтами возникала масса проблем этического и эстетического, литературоведческого характера, которые они должны были решать, чтобы создать произведения, выразить этическую идею в неких художественных образах. Так, возникали вопросы стиля, формы, сюжета, даже и метода и т.д. И они их решали практически. Так рождалась **теоретическая**

этическая и эстетическая мысль, утверждающая специфические законы художественного творчества, каноны, правила на основе совершенства вещей и явлений действительности (т. е. «первой» реальности), отраженной в литературе (т. е. «второй» реальности). Роль и значение литературы в воспитании вкуса, распространения его на все сферы человеческой жизнедеятельности, на нравственность в условиях осетинской действительности трудно переоценить.

Основу осетинского искусства концептуально составляло самое изящное, нравственно возвышенное, включающее в себя самое совершенное, что действует на чувство, занимает человеческую душу, уничтожая все недостойное в ней. И тогда же утверждалось, что прекрасное — предметы и явления, совершенные в своем роде. А прекрасное в искусстве — это реалистическое подражание. Так, эстетика искусства обрела свой объект: основные положения теории подражания. Критерием же реальности становится вкус, т.е. способность ощущать впечатления, производимые искусством в человеческой душе. Благодаря вкусу и творческой фантазии художник создает произведения, соперничающие с самой природой, как, скажем, стихотворение «Мать сирот» Коста Хетагурова и его же живописная работа «Дети-каменщики». Такие деятели национальной культуры, как Коста, понимают важность создания художественной литературы и искусства. Они признают общественную роль, познавательное и воспитательное значение чтения, а не только его развлекательную функцию. Находя в слове наличие живого всепобеждающего чувства, они стремились воспитывать этические и художественно-эстетические вкусы своих современников. Они также понимали, что воспроизведение жизни — не простое копирование и описание, а трудный и сложный творческий процесс, при котором творец отбирает предметы, явления и черты самые существенные, и только так поэзия, искусство в целом, стремится к нравственному идеалу.

Итак, в целом, конечно же, зарождение осетинской культуры, в частности, литературы обусловлено было объективными условиями и факторами развития общественного бытия и сознания осетин.

Большую роль в развитии общественного и художественного сознания осетин, как существенной части их культурного мироотношения к реальной действительности, сыграло просветительство. У истоков осетинского просветительства стоял Иван Ялгузидзе (Габараев). Родился он в 1775 г. в селе Залда Джавского ущелья Южной Осетии в семье священника.

И. Ялгузидзе создал осетинскую письменность на основе грузинской графики, составил первый осетинский букварь в 1821 г. Еще ранее, в 1811 г., он перевел с грузинского языка роман «Тариели», что, конечно же, способствовало развитию его литературного дарования и становлению поэтического мастерства будущего автора поэмы «Алгузиани». Он переводил также на осетинский язык церковные книги и обращения к народу, который с энтузиазмом поддерживал все его культурные начинания. В рапортах высокопоставленным чиновникам И. Ялгузидзе писал о жестоком угнетении трудового народа, гневно обличал бесчинства князей Мачабели и Эристави, которые всячески притесняли своих крестьян. Он понимал природу сословно-классового антагонизма в обществе, одобрял суть борьбы, происходящей между крестьянами и помещиками. Большую роль сыграл И. Ялгузидзе в становлении народного образования в Осетии. Он понимал, что народ имеет будущее, если будет просвещаться, а потому с таким усердием добивался издания «нескольких букварей», «дабы сим продолжить их (осетин — Р. Ф.) путь к образованию». Вот что он пишет в предисловии к Евангелию на осетинском языке: «Меня, по рождению и по происхождению осетина, маленьким мальчиком привел царь Грузии Ираклий II и отдал учиться с тем намерением, чтобы со временем [я] был вам, соотечественникам — осетинам, чем-нибудь полезен. Я тоже по мере своих сил старался учиться, и слегка приоткрылись слабые глаза моего молодого ума,

вследствие чего в самой незначительной степени стал понимать грамоту на грузинском языке и узнал, что народ, не имеющий книги [письменности], лишен правильного понимания, не знает как следует самого себя»¹³⁴.

«Так я по мере сил трудился над тем, чтобы вы, мои единокровные осетины, не оставались без книг [письменности], и теперь молюсь и умоляю всех, чтобы в дальнейшем вы сами и ваши дети из рода в род все более просвещались умом»¹³⁵.

Деятельность И. Ялгузидзе как просветителя имела большое значение для развития осетинской культуры и способствовала приобщению осетин к русской и грузинской культурам. Он верил в то, что Россия обеспечит его народу благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития.

В поэме «Алгузиани» нашли отражение духовные искания передовых осетин во второй половине XVIII столетия, особенности национального самосознания осетин. Своим идейным пафосом поэма предопределяла гуманистическую сущность осетинской литературы.

Царевич Алгузон решил взять в жены дочь чеченского царя красавицу Эстерь. Отец Алгузона против этого брака. Ведь Эстерь — дочь неверного.

Алгузон похитил Эстерь и занял страну черкесов и их престол. Чеченский царь Каиран договорился с калмыками-нонами и вышел разгромить Алгузона. Алгузон побеждает нонского и чеченского царей и их царства присоединяет к своему государству.

Алгузон защищает опального военачальника Амосарского княжества Аслана Гамрекели, и этим настраивает против себя амосарского царя, между ними вспыхивает вражда и царь гибнет от руки Алгузона, который присоединяет его владения к своему царству. Вскоре он становится отцом, у него рождается сын, но, прожив семь счастливых лет, Алгузон гибнет от руки убийцы, подосланного вероломным Гамрекели. С горя умирает и его любимая жена Эстерь. Их хоронят вместе, а на памятнике

сохраняется надпись о могуществе героя — царя Амосарского, самодержца Миланкарского, повелителя осов, черкесов, чечен, кистов, Эльбруса и Кавказа.

Так, в самом сюжете выражены «воодушевление национальной идеей», идея «превосходства христианства»¹³⁶.

Алгуз — храбрый воин; мужеством и отвагой он превосходит всех. В битве проявляет себя как лев. Он — благородный рыцарь, никогда первым не нападает, его моральное превосходство над другими героями очевидно.

Алгуз верен данному слову. Он не может простить предателей, людей, которые с легким сердцем отступают от данного слова и предают. «Вы Проклятые, злые враги, то вы наши, то чужие, тут вы не принадлежите человеку, там богу, вы пища для кита морского»¹³⁷, — заявляет он людям из отряда Хетаджи.

В поэме создан образ хитрого, вероломного человека. Это Аслан Гамрекели, которого Алгуз приютил у себя, обласкал и одарил, сделал князем Горанды. В ответ Аслан дал клятву своему благодетелю в вечной преданности. И в конце поэмы убивает его. Насколько сильна любовь автора к Алгузу, настолько велика его ненависть к убийце как «змее и сатане».

Алгуз наделен всеми прекрасными человеческими чувствами. Он способен на возвышенную любовь к Эстерь, ради которой герои отрекся от своего отца и принял столько испытаний, участвовал в стольких битвах. Он способен также и на благородную дружбу. Как крепка была его дружба с Поном, смерть которого Алгуз оплакивает горькими слезами.

У героя сформировались определенные взгляды на жизнь, философские воззрения.

«Если кто на дороге роет яму другим,
Забывает всех своих и идет углублять ту яму,
Тот наверно сам, заблудившись, попадет в нее и
Душа его отправится в ад, а тело останется на съедение зверям»,

— пишет автор в конце первой части поэмы. Алгуз явно проповедует «хорошее поведение, приличную благовоспитан-

ность». Только человек, стремящийся к хорошему, доброму, увидит счастливые дни. Эти взгляды героя, его отношение к жизни дорисовывают моральный облик Алгуза.

Великую скорбь человеческой души по поводу гибели героя выражено в описаниях похоронных обрядов осетин и заплачек. С какой трогательной силой звучат слова в плаче жены Кайрана:

«Ты, солнце, отринуло от нас луч свой и закатилось
Еще разок соблаговоли и отзовись на наш зов.
Потускнел для нас день светлый, вселенная, мир».

Или плач Эстерь у трупа Алгуза:

«Проснись, господин, зачем ты плаваешь по Черному морю.
Дай мне еще раз услышать твой голос...
Без вас я не могу жить, душа оставляет меня».

Алгузон погибает, как бы искупая свою «трагическую вину»: сыновнее непослушание и женитьбу на неверной. Тем самым доказана справедливость божьей воли.

Алгузон — благородный герой. Он воинской доблестью утверждает могущество осов. Он справедливым правлением утверждает могущество осов. Он справедливым правлением завоевывает сердца даже своих противников. И здесь проглядывает идеал такого политического устройства, при котором происходит «возвеличение осетин».

Незрелость просветительского сознания И. Ялгузидзе проявляется в том, что «национальную идею» автор поэмы видит в формах феодальной государственности, феодальных взаимоотношений, основанных на справедливости.

Такой идеал «национального возрождения», или форма реализации «национальной идеи» единственно возможна для осетина, который сформировался в грузинских культурно-литературных традициях второй половины XVIII века, когда существовал идеал царя-героя, рыцаря, мудрого правителя и военачальника. Идеал этот восходил еще ко времени Шота Руставели и царицы Тамары.

Словом, как верно пишет Н. Джусойты, «идейный пафос, «национальная» идея поэмы в осетинской исторической действительности могла возникнуть только во второй половине XVIII века, а литературное оформление могло получить только в грузинской культурно-литературной сфере с ее идеалом справедливого царя, прорусской ориентации и превосходства христианства»¹³⁸.

Мировоззрение и эстетические взгляды И. Ялгузидзе сформировались при дворе грузинских царей Ираклия и Георгия, т.е. в русле грузинской «книжнической традиции», ведь он вырос в грузинской культурно-литературной среде. Автор поэмы хорошо знал грузинское священное писание, грамматику и философию, русский язык и русскую культуру.

В начале XIX в. он стал очевидцем вражды между крестьянами и помещиками. И в официальных докладах подполковнику Симоновичу приводит «волнующие факты нечеловеческого отношения» князей Мачабели и Эристовых к своим крестьянам.¹³⁹ Ялгузидзе выступает против жестокого угнетения человеческой личности. И. Ялгузидзе был «движим живым сочувствием и любовью к своему народу»¹⁴⁰, он активно работал для культурного развития народа, стремился укрепить его национальное самосознание. И, безусловно, он внес значительную лепту в развитие эстетического и художественного сознания осетин в первой половине XIX в., ознаменовавшего крутой поворот в их духовном становлении.

Первый осетинский поэт Т. Мамсуров родился в 1843 г. В 1855 г. он был определен в Петербургский кадетский корпус, который окончил в 1861 г. Тогда же стал корнетом Чугуевского уланского полка. Судьба его сложилась весьма трагически. Двадцатидвухлетним юношей он по настоянию своего дяди Муссы Кундухова был вынужден уехать с семьей в Турцию. Там он поселился в имении дяди в селе Батманташ Сивасского вилайета и стал его управляющим. Он очень скучал по горячо любимой родине. Скончался в 1899 г. и похоронен в имении дяди.

До нас дошли всего лишь одиннадцать его стихотворений, из которых только два датированы: «Два товарища» («Дыууа амбалы», 1867 г.) и «Осел» («Хараг, 1889»). То есть поэт писал в течение тридцати с лишним лет. Однако проследить эволюцию его творчества, мировоззрения невозможно из-за незначительного числа дошедших до нас его произведений. Можно сказать одно: поэт остро переживал разлуку с родиной и трагедию переселенцев, народа в целом. Осетия остается единственной его любовью, которую он завещает и новым поколениям, родившимся в Турции.

В своих сатирических стихотворениях: «Скупой», («Чъынды лаг»), «Другу» («Ме мгарма»), «Больной и навещающий» («Рынчын ама рынчынфарсаг»), «Счастье» («Амонд») поэт резко высмеивает приспособленчество своих земляков. В общем же глубокая неудовлетворенность жизнью, ее трагическое восприятие пробуждают в нем религиозно-философские размышления о судьбе человека, о подлинных жизненных ценностях. Дидактическим утверждением авторского этического и эстетического идеала отличаются стихи: «О мой бог» («О ма хуыцау»), «Тишина» («Сабыр»), «Кому-то» («Камадар»). Будучи глубоко верующим человеком, Т. Мамсуров в своей поэзии размышляет о сущности божественной воли, о суетности и кратковременности человеческой жизни на земле. Так, в стихотворении «О, мой бог» он пишет:

Живут лишь краткий срок, день один,

Чтобы вновь потом предстать перед тобой.

Жизнь человеку готовит большие испытания и то дает большое везение, счастье, успех, а то погружает в бездну страданий. И единственная надежда, которая остается человеку — это упование на божий суд. Об этом говорит он в стихотворении «Тишина»:

«О, наш мир! Ты велик,
Ты нас неустанно волочишь,
То колотишь нас об утесы,
То греешь нас на солнце.

То улыбнешься нам с любовью,
Маня к себе,
То угрожаешь ножом,
Наставляя его в сердце мне.
Но как мне страшиться тебя'?!
Есть у меня надежда:
Свой суд над моей душой
Давно свершил мои бог.

Мироощущение поэта выдержано в духе исламского фатализма. Т. Мамсуров словно утверждал: все превратности судьбы предопределены богом и изменить что-либо тут невозможно. В трагической безысходности своего положения он уповает на божий суд. Будучи не в силах примириться со своей судьбой, он не смеет отрицать божью справедливость. Отсюда его горестные размышления о трагедии своего народа, часть которого потеряла, — увы, навсегда, родину и вынуждена отныне бродить неприкаянно по свету. Позднее Т. Мамсуров начинает остро обличать жестокую действительность, обвиняя ее в жестокости, бесчеловечности, низости, корыстолюбии.

Поэт с болью в сердце наблюдает раскол среди своих земляков, одни из которых, увлеченные стремлением непременно обогатиться, добиться знатности на новой родине, сделать карьеру, стали на путь приспособленчества. Другие же предпочли сохранить благородное достоинство горца. Поэт определяет свой путь в стихотворениях «Думы», «Два товарища».

Не трать понапрасну свой ум,
Мой обет ясен и открыт:
Моя душа и мое добро
Нашей милой родине посвящены.
Ты и сам знаешь меня:
В бедности я не живу —
Мой топор и моя коса
Хлеб насущный для меня добудут.

Трудно сказать, когда произошел этот разрыв в душе поэта, определившем мировоззрение его, человека, принадлежащего к знати по происхождению и воспитанию. Важно, что по своим мировоззренческим устремлениям и социальному самоопределению он очень близок к позиции Коста Хетагурова и Сека Гадиева. Вот что писал Коста о своем разрыве со «спесивыми»:

Пусть посмеются надо мной знатные
Ты им не друг!
Мой плуг, мои волю
У меня тоже наготове!

(К. Хетагуров «Ныфс»)

Схожи мысли и солидарного с Коста Сека Гадиева:

И чего смешного находят знатные
В моей арбе, нагруженной дровами;
У меня готовы волю,
И коса — прилажена к косовью

(Сека «Анусыкадар»)

У всех трех поэтов проявляется образное мышление хлебороба-крестьянина. С одной стороны выступают знатные, спесивые, с другой — труженик у Коста, у Сека и Темырболата.

Сходство обнаруживается и в отношении Темырболата и Сека к скупому в стихотворениях «Чъынды» Мамсурова и «Ирон хъаздыг» Сека. В обоих случаях сатирическое обличение, презрение к наживе и стяжательству, к фетишизации богатства. И это подтверждает демократизм Мамсурова.

Говоря о связи Мамсурова с осетинским литературным процессом, бросается в глаза совпадение его идейных позиций и образного мышления, стиха с творчеством Сека Гадиева. Схожи и дидактические размышления Мамсурова с этическими сентенциями Сека, создавшего жанр дидактического куплета.

По их этической системе честь и достоинство человека обусловлены его личными качествами, благородством, любовью к

людям, а не нажитым добром, чинами, знатностью.

В мире наживы, карьеризма, чиновной бюрократии оба видят прежде всего деградацию человеческой личности. Этот мир чужд, ненавистен обоим поэтам. Они обличают его неистово и непримиримо.

Критерием оценки для Т. Мамсурова становится степень преданности человека далекой родине, святой его идеал. Особенно показательно стихотворение «Больной и навещающий», в котором больного упрекает в малодушии, призывает его быть твердым, не бояться смерти.

Хоть немного приободришь,
Чтобы не покинула душа.
Лишний страх в беде не поможет, —
И для смерти мужество нужно!

И это в традиции мужества горца. Как пишет Сека,

В беде мужчине надо быть
Твердым, как гранитная стена.
Мужчине не пристало плакать, как девице,
Горевать — бабой неразумной.

Больной в стихотворении Т. Мамсурова — это символ далекой родины. В трактовке поэта, больной был смелым и мужественным, добротой, силой и правдой достигал он славы.

Мужество и правду
Я держал в руках.

— Сделай добро народу! —

Было для меня, мой свет, законом (обычаем).

Мужество, справедливость, служение родине — вот идеал, с высоты которого родина судит о своих сынах. Но горе матери-родины в том, что дети ее отвернулись от этого идеала, уронили честь и достоинство предков.

Увидят в своей среде
Осла с золотой поклажей,

И тотчас переменят ему званье,
И со славой проводят.

Поэт ищет причины трагедии народа и видит их в политике царизма на Кавказе. Она, эта бесчеловечно жестокая политика, вынудила горцев в одночасье сорваться с насиженных мест и пуститься в поиски лучшей доли. «Думы» и «Два товарища» увековечили трагедию горцев 1865 г., т.е. их уход в Турцию. Но в них же выражено и своеобразие национального самосознания осетин в ту сложную историческую эпоху. Впервые в поэтической форме на родном осетинском языке заявил народ о своей земле как о единой и дорогой его сердцу родине. А трагедия части народа, переселившейся в Турцию, осмыслена как общенациональная трагедия. То есть, впервые остро осознана общность национальной судьбы и ушедших, и оставшихся. К сожалению, он не увидел в этой общности социальной противоречивости, острое осознание и поэтическое выражение которой стали важнейшей задачей творческого самовыражения представителей осетинской культуры следующего этапа в формировании национального самосознания.

Говоря о национальном единстве всех осетин, Т. Мамсуров не видит внутренней противоречивости понятия единства. Для него критерием в оценке человека и общественных явлений остается патриархальный мир горца с его этикой и эстетикой. То есть, поэт остается в рамках дореформенного уровня понимания национального самосознания. И в истории осетинской литературы, в историко-культурном процессе осетин, он остается как выразитель мировоззрения горцев дореформенной эпохи. Как подчеркивает Н. Джусойты, «В эстетическом обиходе осетин до Мамсурова мы видим господство эпоса, лиро-эпических героических песен, песен бытового, лирического, обрядового и сатирического жанров. Поэзию Мамсурова трудно соотнести с каким-нибудь видом из этого разнообразного репертуара. Речь может идти скорее всего о том, что осетинская народная поэзия и народное красноречие, весь стилистический

арсенал народа послужил для него той художественной почвой, на которой выросло его индивидуальное искусство, а народная трагедия 1865 года и народные настроения, вкусы, миропонимание, сим-патии и антипатии, нужды и заботы дали содержание его поэзии»¹⁴¹.

Заслуга Т. Мамсурова в том, что он впервые создал новый жанр, жанр стихотворения, который генетически и, по сути, очень близок фольклорному жанру народной песни, о чём говорит само название стихотворений поэта, которые сам автор называет «Ирон зарджыта» («Осетинские песни»). Для этапа формирования национального художественного самосознания это было вполне естественно, логично. Новизна, которую внес поэт в художественно-эстетическую практику своего народа на столь важном историческом этапе, явилась в ярко выраженной индивидуальности, настроении, мысли, стиле и стихотворной форме. А индивидуальное начало усиливало лиризм, определяло диалектику особенного, единичного, личностного в содержании и форме.

Индивидуальное выражает всеобщее в чувстве автора, ведь повествование в «Думах» Т. Мамсурова идет не только от личного имени автора:

Этой ночью до утренних звезд
Я не мог ни минуты уснуть.
Свои веки, больные от слез,
Безуспешно старался сомкнуть, —
(Перевод Е. Н. Гегелашвили)

В авторском «я» выражается воля и мощь, горе и страдание целого народа:

О горы, о родимый край!
Как нам жить без вас? —

воскликает поэт. Такая форма «персонификации» народа не характерна для эстетики фольклорного типа художественного сознания.

Александр Кубалов был гораздо моложе Коста Хетагурова, после смерти которого еще тридцать лет писал свои произведения. Как идейно-эстетическое явление, его дореволюционное творчество ближе всего стоит к поэме «Алгузиани». По идейному пафосу, этическим и эстетическим представлениям оно укладывается в систему дореформенных идеалов, с которыми так настойчиво воевал И. Кануков.

Родился Александр в 1871 г. в селе Старый Батакаюрт в семье учителя. После окончания школы он учился во Владикавказской прогимназии и гимназии, а в 1894 г. поступил на юридический факультет Киевского университета, который окончил в 1899 г. Затем вернулся во Владикавказ, где и проработал до 1937 г., когда был арестован. В 1944 г. погиб.

Поэма А. Кубалова «Афхардты Хасана» написана в 1894 году. В том же году он представил рукопись Гаппо Баеву, который в 1895 г. во Владикавказской газете опубликовал прозаический перевод ее на русском языке, а в 1897 г. выпустил в свет отдельной книжкой.

Поэма «Афхардты Хасана» состоит из авторского вступления, четырех эпизодов и заключения сказителя.

Вступление — обращение поэта к сказителю, слепому Бибо.

В первом эпизоде — плач вдовы Госама над колыбелью сына. По характеру это — плач-рассказ, плач-наставление, плач-завещание. Несчастная Госама повествует сыну Хасане печальную историю о том, как спесивый кудайнат Мулдаров, представитель могущественного рода, убил его отца, скромного труженика и достойного человека Соламана, за которого некому заступиться. Более того, Кудайнат пытался оскорбить и молодую вдову, но получив от нее удар кинжала, отстал. За смерть отца и унижение матери должен отомстить сын. Таково завещание Госамы. Здесь все выдержано в традиции народных причитаний — лексика, фразеология, повторы. Рассказ матери прерывается проклятиями в адрес убийцы мужа, ласковыми обращениями к сыну в колыбели. Все сливается в одном стилистическом спла-

ве: неотомщенное горе, боль и слезы, проклятия, ненависть к убийце и глубокая материнская нежность. Но все здесь зовет к мщению за поруганную справедливость. И далее следуют два кровавых эпизода мщения.

Кубалов был далек от передовых идейных исканий своего времени. И он не сумел подняться выше уровня идеалов патриархального крестьянства и его певца, слепого Бибо. Правда, поэму «Афхардты Хасана» он записал от Бибо Зугутова и обработал в годы пребывания в гимназии, почти юношей. Но, к сожалению, и в другие годы он остался на той же почве скудных, неразвитых идеалов.

Тем не менее, Александр Кубалов, поэт большого дарования, сыграл существенную роль в формировании эстетической культуры своей эпохи и потому занимает важное место в истории осетинской литературы на начальном этапе ее становления.

Известный писатель, собиратель фольклора и общественный деятель Гаппо (Георгий Васильевич) Баев родился в 1870 году, в селе Ольгинском в крестьянской семье. Получить образование помог ему генерал М. Баев, его дядя. В 1894 г. он окончил юридический факультет Новороссийского университета и вернулся во Владикавказ. В 1905 г. был избран в гласные Владикавказской городской думы и состоял заступающим место городского головы до 1911 года, а затем до Февральской революции был городским головой Владикавказа.

В марте 1917 году он с другими был инициатором создания союза объединенных горцев, но на первом съезде союза (май 1917 г.) , когда против него выступил Е. Бритаев, он ушел из этой организации. В период установления Советской власти на Тереке он переехал в Тифлис. Здесь он сотрудничал в антисоветских газетах Ахмета Цаликова («Вольный горец» и «Ног цард»), писал преимущественно на литературные темы. Свои же политические взгляды изложил в трех статьях: «Осетия под опекой Добрармии», «Правитель Осетии» и «Ног царды зиу» («Строительство новой жизни»).

В статье «Ног царды зиу» он излагает свою программу будущего осетин. Программа выдержана в духе прежней его либерально-демократической позиции: сохранить земли, на которых живут осетины и расширить их, развить книгоиздательство и просвещение, а также ремесла, промышленные предприятия, установить добрые отношения с соседними народами, узаконить самоуправление. Он эмигрировал в феврале 1921 г., т.к. Осетия, которую он любил, решила идти своим путем социальных преобразований, на котором не оказалось места для него.

Юрист по образованию, чиновник по профессии, Гаппо Баев в рамках официальной законности отстаивал интересы народа и приобрел большую популярность в обществе. В публицистике его прослеживается либерально-демократическая линия, в статьях по экономическим вопросам проглядывает идеал мелкособственнического фермерского землевладения и буржуазно-демократического общественного устройства. Он явился первым издателем произведений осетинской литературы, собирал и издавал осетинский фольклор, был первым биографом ряда осетинских писателей и первым библиографом осетиноведения.

С 1894 г., вернувшись в Осетию, Баев энергично берется за книгоиздательство на родном языке. И ему удается издать поэму Кубалова «Афхардты Хасана» и сборник Коста Хетагурова «Ирон фандыр».

Гаппо с Коста Хетагуровым был дружен, хотя их идейно-эстетические и политические позиции не совпадали. Хетагуров то критиковал его в письмах, то публично защищал его в печати.

Вернувшись в Осетию, Баев выступил со статьей «Из жизни осетин. Калым». В ней он, как в свое время Инал Кануков, осуждает калым, как «позорное ярмо», как реакционный обычай, разоряющий народ, вызывающий хищения, месть, убийства. «Калым ведет к развращению нравов», — заявляет он.

Такая позиция импонировала Коста Хетагурову, который понимал социальную природу этого обычая и, соответственно, предлагал иные средства к его уничтожению.

Гаппо Баев собирал памятники осетинского народного творчества, переводил и публиковал их на русском языке. Так, в начале 1895 г. он опубликовал прозаическое изложение «Сказания об одиноком» в газете «Северный Кавказ» (№ 14), которую редактировал Коста Хетагуров, а в «Терских ведомостях» (№ 31) прозаический перевод поэмы «Афхардты Хасана». Позднее он издал «Галабу» («Бабочка» — 1900), «Ирон аргъ-аутта» («Осетинские сказки» — 1900), «Ирон амбисандта амауыци-уыцита», («Осетинские пословицы и загадки» — 1900) и «Фарн» («Мир» — 1901, 2-е изд, 1907). В первую вошли произведения Александра Кубалова, Георгия Цаголова, Асламурзы Кайтмазова и др., остальные составлены из произведений фольклора.

В сборник вошло также прозаическое изложение басни Крылова «Стрекоза и муравей» и прекрасная басня из осетинского фольклора «Олень и тур», изложенная Г. Баевым.

Сюжет этой басни и самый свободолобивый смысл очень пришелся по вкусу Гаппо.

Олень, живущий в зеленой и теплой долине, хвастается горному туру: «Пью воду из чистых родников, а не лижу льда, как ты; сплю на мягких листьях, а не на твердых камнях скал, как ты; я ем сочную траву и мягкие листья деревьев, а не горький мятлик в горах, как ты... Я бегаю по ясным зеленым полянам, а ты по стылым ледникам и пустынным скалам, коротаешь свою жизнь в одиночестве. Нет, твоя жизнь не жизнь, тур!».

В это время раздался выстрел охотничьего ружья. Олень метнулся в чашу, а тур взобрался на свои скалы и думал про себя: «Нет, уже лучше жить в бедности, но свободным в горах, чем, дрожа от страха в сытости».

Свободолобивый пафос басни, привлечший внимание Гаппо, более чем очевиден.

Так, Гаппо сыграл весьма существенную роль в формировании культурного сознания своей эпохи.

В 1899 г. на празднике столетия со дня рождения А. С. Пушкина Г. Баев выступил от имени благодарных горцев в газете «Казбек» со статьей «Пушкин в жизни горцев». Отмечая, что творчество великого Пушкина оказало «огромное влияние на все русское общество» «своею мощною красотой, неподражаемой простотой..., глубокой жизненной правдой», он заметил, что Пушкин «является добрым гением и в жизни горцев», ибо он «первый в чарующих стихах воспел неувядаемую прелесть их родины — их семейный и общественный быт, суровые патриархальные обычаи... любовь их к свободе, мощь духа». Произведения Пушкина имели большое значение «в великом деле приобщения горцев к благам русской гражданственности», под их влиянием «возник интерес к горским племенам!»¹⁴² — интерес исторический, этнографический и филологический.

«Нечего и говорить, — пишет далее Баев, — что для всех образованных горцев эти поэмы приобретают сугубое значение. Для них эти лебединые песни заменили вполне отсутствие родной литературы, они поддерживают в них ту любовь к добрым традициям своего быта и к своим темным землякам, благодаря которой интеллигенция только и может выполнить свою великую миссию в деле приобщения народных масс к благам культурной жизни»¹⁴³.

Ведя литературоведческий анализ поэмы «Тазит», Г. Баев подчеркивает художественную значимость образов главных героев. Так, он отмечает исторический разлад между двумя типами мировоззрения и психологии.

«Галуб — тип семейного владыки — деспота, это — коршун гор, мировоззрение которого выражено в мыслях о Тазите»¹⁴⁴, — пишет он, противопоставляя Галубу Тазита.

«Из Тазита поэт сделал симпатичный образ молодого поколения горцев. Это натура созерцательная, с глубоким внутренним содержанием. Его не прельщают набег, воинская слава,

добыча, душой его движет сострадание к рабу. Симпатии поэта на стороне этой чудной натуры»¹⁴⁵, — пишет Гаппо.

В указанной статье и в других Баев обнаруживает хорошее знание русской классической и мировой литературы, большую любовь к ней и богатейшую духовную культуру. О любви же горцев к М. Ю. Лермонтову Г. Баев писал: «Если к Пушкину они питают чувство благодарности и уважения, как к родоначальнику песен о горцах, то Лермонтов сделался для них предметом восторженного культа преклонения и безграничной любви. С чувством нескрываемой гордости всякий передовой горец говорит: «Это наш народный поэт!» Он писал на другом языке, но теперь этот язык сделался для горцев вторым родным языком! Они его понимают»¹⁴⁶.

В статье Гаппо описывает, как торжественно открывали памятник Лермонтову, и подчеркивает: «Первый голос благодарности прозвучал из груди первого горца-поэта»¹⁴⁷. И далее Гаппо приводит стихотворение Коста «Перед памятником», написанное в 1889 г. Так впервые было опубликовано это стихотворение К. Хетагурова.

Г. Баев на осетинском языке издал 8 брошюр, в том числе произведения фольклора, поэму «Афхардты Хасана» А. Кубалова и «Ирон фандыр» К. Хетагурова. Он гордился ими и по праву считал их основой осетинской литературы.

Писал Гаппо и критико-биографические статьи о Коста Хетагурове, Александре Кубалове, Георгии Цаголове и Цоцко Амбалове. В них ярко проявились его эстетические взгляды.

Впоследствии интеллигенция, ориентируясь на высокие образцы требований, предъявляемых Коста Хетагуровым, продолжала его традиции. Надо заметить, что в начале XX в. складывалась не простая социально-историческая ситуация. И тому были свои причины: идеология марксизма проникала в общественное сознание горцев. Вскоре грянула и первая русская революция. Вместе с тем успешно развивалась осетинская литература.

В конце XIX — начале XX вв. весьма активно идет процесс формирования и развития литературно-эстетической мысли осетин.

Для человеческого общества в течение многих веков при-
суще общение с искусством как частью жизни, необходимой
потребностью людей. В ходе развития человеческого общества
формировалось и совершенствовалось искусство, сделаны на-
учные открытия в области литературы и искусства, эстетики.

Каждая эпоха ставила перед эстетикой, литературой, ис-
кусством новые задачи. **На повестку дня вставляли обществен-
но-политические, литературно-эстетические и моральные
проблемы, формировались свои критерии оценки добра и
красоты.** Исходя из этих критериев ставились определенные
конкретные задачи перед литературой и искусством, проводи-
лись дискуссии о сущности, миссии и значении искусства в жиз-
ни народа. Осетинское общество конца XIX — начала XX веков
только благодаря своим специфическим особенностям, имело
именно те литературно- эстетические взгляды, эстетические
вкусы и понятия, присущие основным традиционным чертам
характера, особенностям жизни самого народа. Именно только
народ, способный в течение многих веков сохранить свою не-
повторимую самобытность, обладающий сильным чувством са-
мосохранения, мог дать миру таких разносторонне талантливых
писателей, представителей литературы и искусства, обществен-
ных деятелей и мыслителей.

Прогрессивные идеи В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского,
Н.А. Добролюбова, Г.В. Плеханова дали импульс формирова-
нию, становлению, развитию этико-эстетической мысли осетин.

Передовые литературно-эстетические и этические взгляды,
теоретические положения русских революционных демократов
были восприняты передовыми осетинскими писателями-мыс-
лителями, явились для них подспорьем при разработке многих
актуальных проблем искусства своего времени. Именно они
рассматривали сущность искусства в тесной связи с проблема-

ми самой жизни — социальными, эстетическими и этическими идеалами общества.

По их мнению, искусство должно находиться в органической связи с передовыми общественными идеалами эпохи, взглядами и идеалами прогрессивных представителей, с идеалами, направленными на преобразование жизни на земле.

Таким образом, видные писатели, представители осетинской этической и эстетической мысли, занимающиеся проблемами искусства родного народа, выдвигая идеи о специфических особенностях искусства, опирались на передовые достижения, комплекс научных знаний, выработанных всем прогрессивным человечеством.

Порой нелегкой оказывалась доля горских просветителей. Достаточно напомнить о полной драматизма судьбе осетинских просветителей. Так, А. Гассиев дважды увольнялся со службы из-за «политической неблагонадежности». И. Канунов пробыл в Уссурийском крае 17 лет. За свои революционно-демократические выступления был сослан в Херсон К. Хетагуров, а А. Ардасенова арестовали за революционную народническую деятельность в Москве и после трехлетнего одиночного заключения, в 1876 г., сослали в далекую Якутию, откуда он вернулся только в 1885 г.

Однако, несмотря на жестокие гонения, преследования, они активно включались в решение актуальных задач своего времени, посвятив свою жизнь благородной задаче облегчения участи народа.

Огромную роль в становлении литературы играл жанр очерка, которым мастерски владели просветители. Большой полнотой отражения жизни отличается от этнографического художественный очерк, сюжетную основу которого составляют типичные факты жизни отдельных людей, обобщающие вообще жизненные явления. Здесь эволюция жанра очерка не условно-формальная, а содержательная: в нем происходит не только наполнение событийного каркаса фактами биографического толка, а обобщаются значительные жизненные явления. Функ-

ция художественного характера здесь не только в том, чтобы быть организующим фабулу: он приобретает самоценное значение, ибо в нем обобщаются социальные явления и жизненные факты.

Весьма любопытен художественный *очерк* И. Канукова «В осетинском ауле» (1870). Как верно отмечает З. Суменова, со страниц произведений Канукова «встает собирательный образ осетинского народа в один из важнейших моментов его исторического развития»¹⁴⁸. Герой очерка, неграмотный горец Хатахцко, начинает понимать, что «теперь времена другие настали, времена джигитства миновали...» и поэтому «пора расстаться с оружием и взяться за соху...». «В настоящее время на джигита, разъезжающего на своей лошадке по аулам с оружием, — добавляет он, — я смотрю как на человека вредного, бездельника, который, шатаясь по домам, объедает других»¹⁴⁹. Он убежден, что только труд, самоотверженный труд, избавит человека от нужды. Постепенно он постигает и другую мысль: о необходимости просвещения для горцев.

Развитие национального самосознания и процесс гуманизации эпохи поставили конкретную философскую проблему: что составляет человеческое счастье, честь, достоинство? В известной мере ответ на этот вопрос зависит от диалектики общественного мироощущения: этическая и эстетическая концепция зарождающихся горских литератур тесно связана с реальной действительностью. С обогащением социальной практики в сознании горцев происходит переоценка ценностей, они начинают переосмысливать разные бытийные понятия, в том числе такие как кровная месть. Эта мысль одна из основных в очерке И. Канукова «В осетинском ауле». Мечь не извечное, национальное качество характера, а зло, обусловленное объективными условиями существования. Сама по себе эта мысль служит побудительным началом в движении сюжета: постепенно усиливается событийное развертывание действия, причем действие настолько динамичное, психоло-

гически напряженное, что в каждой «клеточке» сюжета, в каждом конкретном эпизоде неожиданно глубоко раскрываются важнейшие свойства характера. Эта особенность послужила специфическим условием перерастания очерка в рассказ «Две смерти» (1878), вернее, одной из сюжетных линий очерка, связанной с судьбой замечательного молодого человека, весельчака и любимца аульной молодежи Данела.

Такая эволюция не случайна. Писатель использует оригинальные принципы изображения характера: раскрытие его в причинно-следственных связях со внешними по отношению к нему событиями и обстоятельствами. Резко контрастируют в повествовании разные взгляды, жизненные позиции, социально-психологические особенности мировоззрения героев. Это дает большой качественный результат: рядом с эпическим повествованием, т. е. с описанием обстоятельств и событий, появляется драматизм, право «гражданства» получают человеческие чувства и эмоции, глубоко раскрывающие драматизм другого рода, драматизм народной жизни, судьбы народа. И это наталкивает на постановку философских проблем, связанных с прошлым и будущим народа: что его ждет завтра? А вместе с ним и каждого человека, ведь отдельное, частное не существует вне связи с общим, целым. Эта философская «струя», подспудно живущая в каждой «клеточке» повествования, заметно обогащает художественность в произведении, способствуя накоплению новых повествовательных традиций в молодой литературе, в частности, рождает стиливую многослойность.

Сам по себе процесс весьма любопытен: эволюционный переход одного качества в другое, — появление драматизма в художественной повествовательной структуре — служит скачком в жанровом развитии молодой прозы: очерк, накопив в себе большой жанровый потенциал, становится основой для более сложной эпической формы. Очерк как бы «отдает» рассказу приемы эпического изображения жизни, которыми он уже овладел, которые он уже накопил, — так конкретно в эволюции ху-

дожественного сознания проявляется действие всеобщего философского закона отрицания отрицания. Но обогатив, рассказ приемами эпического письма, очерк в молодых литературах не прекращает своего творческого бытия: он постоянно находится в процессе становления, развития. Ведь в горских литературах нет «временных» жанров, жанров, так сказать, без будущего, и это один из ярчайших показателей их постоянного, настойчивого движения по пути качественного обогащения.

Зарождение и формирование каждого жанра в данных литературах идет объективно, в соответствии с потребностями общественного и духовного, нравственного развития горских народов. Конкретно формирование того или иного жанра происходит как становление нового типа художественного освоения мира в конкретных пространственно-временных координатах его бытия.

Процесс *этот* объективный, соотносимый, в известной мере, с явлениями социальной жизни, в частности, со сменой на Кавказе одной общественно-экономической формации другой. Социальные революции, освободительное движение, проникновение марксистских идей о среду горской творческой интеллигенции заметно ускоряли процесс созревания нового типа художественного сознания, — литературы, обогащения его жанровой структуры. Ведь ускорился а процесс формирования личностного сознания и самосознания.

Появление тех или иных жанров на литературной карте Осетии обусловлено было еще и стремлением решить творческую задачу: рассказать правду, горькую неприглядную правду о подлинном Кавказе, показать истинный национальный характер.

Узловые проблемы, которые на определенном этапе развития общественного и художественного сознания образовали жанр романа: размышления о судьбах народа, нации, ее историческом духе, будущем и т. д., — вначале формировались в очерке, рассказе. И жанры эти создали общественно-психологический климат вокруг данных проблем, взбудоражили общественное

сознание, активизировали в нем новые процессы и этим тоже готовили рождение романа.

Что конкретно вносил жанр очерка в развитие художественного сознания горских народов, чем существенным его обогатил? Во-первых, публицистичностью и документальностью. Публицистичность очерка проявилась неоднозначно и в разных формах. Скажем, «вторжением» автора в повествование. Автор в очерке присутствует прямыми рассуждениями и как действующее лицо, связанное с героями. Он как бы фиксирует достоверность, подлинность изображаемого. Изучая самый процесс события, ситуации, обобщая конкретные факты нелегкой жизни горца, писатель как бы приглашает и читателя присмотреться и задуматься над ними, увидеть внутреннюю, логическую связь между разными явлениями, уловить их социальный смысл. Глубоко эмоционально и публицистично звучит голос автора в очерке И. Канукова «В осетинском ауле»: «Бедная Дойон! Сколько тяжких оскорблений перенесла ты от его (мужа — Р. Ф.) грубого обращения в продолжение своей замужней жизни?... Бедная осетинка! Скоро ли ты избавишься от положения рабыни»¹⁵⁰.

Так, следуя от частного к общему, писатель от конкретного факта идет к большим социальным обобщениям, связывает проблему женской эмансипации с проблемой более широкого звучания: социальной свободы личности вообще. Здесь публицистика не только дополняет художественные описания, но и органически входит в образную ткань, обогащая ее: в структуру образа входят и размышления — оценки автора.

Осетинский очерк появился в эпоху крушения старого мира, старого сознания, ломки общественных отношений, когда остро ощущалась потребность в документальной литературе. В эпоху крутых поворотов началась ожесточенная борьба в сфере социальных идей: надо было раскрыть смысл происходящего. Наступило время в горской действительности, когда идеи превращались в факт истории. Так, исторические обстоя-

тельства, борьба политических сил вызвали к жизни очерковый жанр, проникнутый духом времени, отражающий своеобразие эпохи, впервые показавший крупным планом рядовых горцев. И это еще ярче, еще образнее показало драматизм происходящих событий, брожения в народном сознании.

Жанровая природа северокавказского очерка с момента его зарождения проявилась в существенной тенденции обобщения количественных накоплений, отражающих новое социальное качество горского бытия. Поэтому значительную роль в жанровой определенности, системности очерка сыграла документальность, утверждающая принцип правдивости и достоверности. И не только. Она обобщала жизненный опыт горцев, их мысли, чувства, своеобразно соотнося конкретные факты, эпизоды, случаи, помогающие столкнуть, сравнить настоящее с прошлым, новое со старым, развернуть аналогию и т. д.

Интересна композиция осетинского очерка, заключающаяся в определенном расположении и связи частей, находящихся в причинно-следственной зависимости: между ними существуют логические зацепки. Один из методов построения такого очерка — ассоциативный, при котором движение материала, наблюдений автора, как и связь между частями художественного целого, определяется авторскими рассуждениями, его индивидуальным жизненным опытом, ассоциациями. Это позволяет более свободно обращаться с такими координатами социального бытия, как время и пространство, ведь суть ассоциаций составляют обобщения, раздумья, живые наблюдения, образные характеристики и т. д.

Сюжет и композиция очерка И. Канукова «В осетинском ауле» связаны с поездкой автора, т. е. художественное целое в нем организуется образом автора. Поэтому и рассказ в очерке ведется от первого лица. Форма же дневника позволяет писателю глубоко раскрыть внутренний мир героев. Сюжет очерка сложен: он состоит из разных, вполне самостоятельных картин, которые могли бы стать сюжетом рассказа, повести, романа.

Отсюда «открытость» сюжета очерка, его содержательная насыщенность, динамизм. Вполне естественно, что образ Данела, одного из обаятельнейших героев очерка, впоследствии был развит в рассказе «Две смерти» (1878).

Будучи основной формой раскрытия содержания, сюжет очерка в процессе своего развития проясняет взаимоотношения действующих лиц, их характеры, эволюцию их взглядов и поведения; в разных обстоятельствах жизни раскрывает социальные конфликты. В изображении жизни народа в очерке использован принцип художественной детализации: в нем тщательно описаны сабли, улицы, одежда, портреты. В очерке даны красочные, эмоционально насыщенные диалоги. Все доступные ему средства художественной выразительности автор использует для раскрытия своей философии истории: судьба народа, его бытие, настоящее и будущее, должны измениться кардинально, ведь он духовно, нравственно так богат. Решению этой же творческой задачи служит и путевой очерк И. Канукова «Горцы-переселенцы», написанный в форме воспоминаний взрослого о своем детстве, о трагических событиях в его семье и в жизни его народа: переселение части горцев в Турцию в 60-ых годах. В нем личное и общественное, общенародное тесно переплетаются, и автор даже не стремится их отделить, настолько они слились в его сознании, в его чувствах. Типичен и интересен образ горца, отца мальчика Дудара, который не выдержал жизни вне родины и вернулся. Он сдержан, мудр, трудится не покладая рук. Рисуя этот образ, автор философски углубленно осмысляет будущее родины, и, обращаясь к прошлым поколениям горцев, говорит: «Для ваших детей и внуков занимается заря новой жизни, жизни труда и мысли»¹⁵¹. Значительны философские размышления о судьбе человека, о связи времен и поколений. Очерки такого типа многое дали будущему историческому роману, подготовили его. Осетинский очерк развивался как форма познания человека в типическом и личном, в его связях с обществом и присущими ему социальными конфликтами. И тем

самым он явился знаменательным этапом на пути к крупным жанрам: развивающаяся литература глубоко постигала определенные стороны народной жизни, национального характера, и это помогло ей освоить и раскрыть новые грани и тенденции в реальной действительности, в формировании образа мироздания в совершенствовании черт и своеобразия художественной интерпретации мира.

Таковы были особенности зарождения и становления осетинской литературы в XIX в.

9.2. Роль Коста Хетагурова в эволюции художественного сознания осетин

Коста Леванович Хетагуров является основоположником осетинской литературы и живописи. Он впервые теоретически осознанно осмыслил и обобщил этические и эстетические аспекты освоения национального мира осетинским народом.

Предметом этики и эстетики Коста является весь мир его национальной действительности, рассматриваемый им с точки зрения подлинного гуманизма, т.е. с учетом того, как этот мир способствует приближению человека к его собственной природе.

В своей этической и эстетической системе Коста сформулировал общие принципы этико-эстетического освоения мира в любой сфере человеческой деятельности: в искусстве, в быту, в реальной жизнедеятельности. Конечно, в искусстве Коста продемонстрировал высшую сферу этико-эстетического познания национального мира по законам красоты. В эпистолярном творчестве поэта отразились его представления об этическом и эстетическом смысле индивидуальности, скажем, в письмах к Анне Поповой и к Анне Цаликовой.

При этом этика и эстетика поэта взаимосвязаны.

В своей просветительской деятельности поэт всемерно осуществлял нравственное и эстетическое воспитание. В публи-

цистике Коста сознательно выделил разные сферы эстетики: эстетику быта, эстетику внешности человека, эстетику экологической культуры и т.д. В художественном творчестве (живописи, поэзии, прозе, драматургии) Коста отразил национальные представления о возвышенном и низком, о прекрасном и безобразном, о трагическом и комическом как важнейших категориях эстетики в их глубинной соотнесенности с идеалом, вобравшим в себя народные представления о жизни, о человеке, о целях и лучших формах общественного развития, словом, выражающим народный взгляд на мир и место в нем человека.

Осмысляя структуру этического, Коста задумывался о происхождении и способах функционирования нравственного начала в жизни народа. При этом он исходил из того, что субъект (человек или общество), воспринимая мир, переживает его. И содержание его отношения к миру, к себе и составляет сущность этического. В системе этики поэта можно выделить несколько уровней его концепции этического:

- 1) этическое в человеке;
- 2) этическое в обществе;
- 3) этическое в искусстве как высшей форме освоения национального мира по законам красоты.

Итак, рассмотрим уровни этического. Учитывая сиротскую долю поэта, можно представить, как он с детства воспитывался в особо нежном и трогательном отношении с природой. И первые представления о формах эстетического, таких как возвышенное, прекрасное т.д. Коста получил именно от природы. Благодаря безупречной красоте родного края, Коста научился любить бесконечно Родину и как ее частицу — родной народ.

Во всем, что составляет личность Коста, активно проявляется, прежде всего, сущность его эстетического и нравственного отношения к природе.

Она же, эта сущность этико-эстетического отношения поэта к природе, заключается в том, что он рассматривает ее как **ценность**. И это составляет ядро его этико-эстетического отноше-

ния к ней. В представлении Коста природа — такая же **ценность духовной культуры родного народа**, как и другие, ибо **воспитывает и формирует в человеке его духовный нравственный стержень**. И, значит, она бесценна.

Как видим, сущностная особенность этико-эстетического отношения Коста к природе выступает как целостно-образная основа его мироотношения. Это его отношение **ценностно, эмоционально-чувственно, духовно, лично, универсально, эвристично**. Этико-эстетическое отношение Коста к природе активно-деятельно и противостоит отчуждению человека и природы. То есть гуманизирует человека, приближает его к его истинной природе. А потому этико-эстетическое отношение поэта в этом смысле приобретает уже социальную функцию.

Природа для Коста — и храм, и мастерская, и любимый, родной дом, жизненно важное пространство его человеческого бытия, объект его человеческой жизнедеятельности. И вот, когда поэт не находит **аксиологического, ценностного содержания эстетического отношения человека к природе**, то это заставляет его страдать. С искренней сердечной болью пишет Коста в статье «До сих пор еще не решенный земельный вопрос»: «Все Алагирское ущелье до Мамисонского перевала уже расхищено. Общество «Алагир», «Французское» и всевозможные анонимы захватили целые десятки верст. Когда-то вековые сосновые леса, краса Алагирского ущелья, вырублены дотла. Остались только одинокие сироты, спасшиеся от дикости людской на недоступных карнизах «чудо-великана»: тысячи брусьев, сброшенных с огромной крутизны в ущелье, не выдерживая такого падения, своими искалеченными «трусами» загроздили дно ущелья русла реки Ардон. Больно до слез, какое множество леса гниет здесь без всякой пользы...»¹⁵².

Особенность этико-эстетического отношения Коста к природе в том, что заложенная в нем способность к эстетическому переживанию дает возможность ему не только улавливать, угадывать естественную гармонию природы, но и воссоздать, хра-

нить и творить ее. Здесь поэт обогащает содержание понятия «гармония» в отношениях человека и природы как субъекта и объекта художественного творчества. И этим он тоже закладывает основы осетинской этики и эстетики. В живописных работах Коста природа родного края предстает в своем удивительном качестве: она выступает как **духовная ценность**, а в структуре художественного мира произведения — как одно из главных действующих лиц. **Так, Коста вводит в эстетику формирующегося осетинского профессионального искусства один из важнейших ее принципов — принцип ценностного анализа природы.**

Второй важнейший принцип этики и эстетики Коста — **принцип единства человека и природы**, ибо без него нет в мире гармонии, добра и красоты. По представлению Коста, как человек немислим, не полон, не самодостаточен без родной природы, так и она мертва, не самодостаточна без него. Удивительны жанровые картины Коста. В картине «Дети — каменщики» художник поднимает тему безрадостного детства, непосильного труда на фоне прекрасной природы. Невозможно детей с их бедной одеждой, с не по-детски умными и выразительными глазами представить на фоне другой природы, — настолько органичны и естественны, реалистичны и природа, и маленькие герои картины. И прав был Махарбек Туганов, написав, что «это тот же «Додой» в живописи».

Третий принцип этики и эстетики Коста — **это принцип целостности природы и поразительной уникальности каждой человеческой индивидуальности.** Как непревзойденный мастер портрета, Коста прослеживает уникальную неповторимость каждого человека из внутренней целостности природы, которая выразилась в индивидуальном характере конкретного человека. По мнению Коста, **многообразие человеческого рода всегда проявляется в своем единичном выражении как конкретный индивидуальный характер.** Но обуславливается человеческая индивидуальность природным началом и детерминируется

социально-историческим фактором. Это уже четвертый принцип этики и эстетики Коста. Эстетика природы Коста исходит из того, что **природа как духовная ценность воспринимается только тем человеком, для которого жизнь вообще имеет смысл нравственный.**

Потому что этико-эстетическое отношение к природе, по представлению Коста, заложено в человеческой душе как **важнейшая исконная духовная потребность.** А значит грубое потребительски-прагматическое отношение человека к природе недопустимо, бесчеловечно.

Этическое в человеке Коста исследует, выделяя в нем разные начала: природное, социальное и духовное. Словом, те параметры, благодаря которым, по мысли Коста, обусловлена способность индивида к творческому восприятию и созиданию.

Этика человека Коста формируется с учетом следующих факторов.

1. Исторически обретение свободы человеком ставит остро проблему его индивидуализации. С присоединением Осетии к России горец получил большую свободу как субъект исторического творчества, исторического процесса. А потому такой актуальной и становится индивидуальность человека в этике и эстетике Коста.

2. Важным элементом этики и эстетики Коста является высочайшая оценка личностного начала в человеке, его внутреннего мира, его созидающей деятельности. Человек становится основанием формирующегося профессионального искусства, новой культуры. Соответственно и эстетики, теоретически осмысляющей новое искусство, культуру, национальное бытие.

3. Такие формы эстетического, как возвышенное, прекрасное, безобразное, трагическое, комическое, этические категории «добро» и «зло», Коста творчески реализует под знаком индивидуальности, т.е. в основном применительно к человеку. Словом, в человеческой индивидуальности поэт выражает полноту конкретного содержания предмета своей эстетики и этики.

4. В этике и эстетике Коста индивидуальность человека заявляет о своей национальной самобытности, оставаясь в контексте социальных связей своей эпохи.

5. Эстетика и этика Коста исследуют человека в его единстве с миром (с природой, социумом, эпохой); в единстве с его деятельностью; в активных формах проявления его жизнедеятельности.

6. Проблемная направленность этики и эстетики Коста, таким образом, заключается в актуальном осмыслении этической и эстетической значимости индивидуальности в целом.

7. Эстетика и этика Коста, как специфическая форма знания о личности, обогащают представления современного ему общества об индивидуальности человека, его опыте, воображении, вкусе.

8. Эстетика поэта, заинтересовавшись каждым жестом, словом, взглядом, переживанием индивидуального человека, сделала их объектом собственного исследования. В этом и выразилась традиция русской революционно-демократической этики и эстетики. И Коста таким образом реализовал свое понимание красоты как полноты жизни и неповторимости индивидуальности, как поле битвы добра и зла.

Коста, придавая большое значение этико-эстетическому смыслу индивидуальности, понимал, что внутренняя сущность человека обязательно проявляется и в его внешнем облике. Этот важнейший эстетический принцип связи внутреннего мира человека с его внешностью, пятым по счету, Коста в полной мере реализовал в своих живописных работах, особенно в портретах. Но и в реальной жизни он выделял эстетику внешнего вида человека.

Этическое в социуме, по мысли Коста, обуславливает процесс гуманизации как сущности исторического прогресса. Большую ценность имеет идея исторического развития осетинского общества и осетинского искусства, которую выдвинул Коста как важнейшую тенденцию своей эпохи, так же как и высокое развитие духовности народа.

В контексте всего сказанного особое значение приобретает борьба Коста против феодальной замкнутости и деспотизма государственной власти, против крепостничества, духовной косности, т.е. всего того, что тормозит движение осетинской культуры по пути цивилизации и прогресса. В связи с этим Коста большое значение придавал этико-эстетическому воспитанию народа, эстетике быта и организации досуга населения.

О стремлении Коста к осуществлению эстетического воспитания населения говорит его «Письмо в редакцию газеты «Казбек», где он пишет: «Кружок лиц, заинтересованных в достижении физического развития взрослых и детей путем рациональной постановки гимнастики, предполагающих, ввиду назревшей необходимости, основать во Владикавказе, по примеру других городов, гимнастическое общество»¹⁵³. Или же другое его «Открытое письмо любителям рисования и живописи», в котором поэт объявляет: «Многочисленные просьбы, обращенные ко мне любителями рисования и живописи, убедили меня в том, что во Владикавказе необходимо открыть класс рисования и живописи, для чего необходимо просторное помещение, и я надеюсь, что городская управа отведет нам в одном из городских училищ просторный класс, чтобы открыть в нем общедоступный класс рисования и живописи»¹⁵⁴.

Сферу быта Коста рассматривал как пространство непродуцированной социальной жизни, в котором осуществляется очень важный процесс удовлетворения как материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, так и духовных потребностей в культуре, общении, отдыхе, развлечении. Коста понимал, какое большое влияние быт, как уклад повседневной жизни, оказывает на труд, общественную деятельность, настроение и поведение людей. Дифференцируя быт на общественный, городской, сельский, семейный, индивидуальный, поэт рассматривал структуру его с точки зрения соотношения материальных и духовных аспектов.

Историзм мышления Коста проявлялся и в том, что он по-

нимал, что именно под влиянием социальных, географических условий у народа вырабатывается тот или иной комплекс традиций, обычаев, обрядов, органически связанных с жизнедеятельностью и повседневным бытом, что отразилось в его очерке «Особа». А потому такое большое значение придавал он общественным формам удовлетворения потребностей людей: сети бытовых предприятий, общедоступных библиотек и т.д. В них он видел цель не нивелировать потребности и вкусы людей, а стремление ликвидировать отставание быта горцев от современных требований. С большой благодарностью и любовью Коста относился к Варваре Григорьевне Шредере, основательнице первой библиотеки во Владикавказе. Об организации же сети разных предприятий, призванных гуманизировать быт и бытие горцев, поэт специально пишет «Открытое письмо к осетинской интеллигенции», в котором замечает: «К величайшему прискорбию, до сих пор сбыт кустарных изделий остается таким же убыточным, как 50 лет тому назад»¹⁵⁵. И тут же в качестве важнейшей задачи предлагает: «Прежде всего, надо открыть во Владикавказе контору с магазином, куда бы население Владикавказского округа, а там, бог даст, и все население Терской области могло направлять все изделия своего кустарного производства»¹⁵⁶.

Такова вкратце этика социума у Коста и основные ее направления и функции.

Большой интерес представляют вопросы этики художественного творчества Коста.

Эстетические и этические взгляды Коста — это выражение передовых демократических тенденций, которые возникали в осетинской национальной культуре второй половины XIX в.

Прежде всего, надо отметить, что искусство он рассматривал как средоточие всех этико-эстетических проблем, во-первых, и, во-вторых, как социальный феномен, который активно влияет на ход общественного развития в целом. А потому и задачи искусства Коста рассматривал как практическое распростра-

нение реального просвещения, понимаемого им как процессуальное развитие мысли, т.е. разумного начала, и нравственности; как нравственно-духовное и индивидуальное развитие личности и общества в целом.

Коста выдвигал целую программу развития искусства, которая, с его точки зрения, призвана была определить место его как специфического, уникального явления в жизни современного ему общества со сложным комплексом стоящих перед ним первоочередных проблем. И цель его — научить общество размышлять о жизни, исследовать ее, стремиться к ее улучшению, к прогрессу.

В связи с этим Коста ставит на первое место воспитательную функцию искусства, определяющую его социальный статус. Соответственно перед ним возникает круг новых проблем. И, конечно же, проблема содержания искусства и методы, способы передачи этого содержания. Общественно полезное содержание и критикующий общественные недостатки метод — таковы принципы, из которых исходит Коста при определении требований к национальному искусству. Ибо только тогда, по убеждению К. Хетагурова, оно есть не «роскошь» и не «забава» в жизни общества.

Далее Коста развивает свое понимание искусства. Способность искусства к правдивому воспроизведению жизни, убежден К. Хетагуров, — условие его общественной ценности и важный критерий собственно этико-эстетического достоинства искусства.

В программе искусства поэта важная роль отводится познавательно-преобразующей возможности реалистического художественного творчества. Коста полагал, что **искусство не только преобразует, но и, наравне с наукой и публицистикой, формирует общественное бытие и общественное сознание.** По мысли Коста, искусство предлагает вначале общественному мнению новые мысли, мысли-задачи, которые со временем воздействуют на органы власти и государства. То есть верил, что

с помощью более прогрессивных идей можно воздействовать на общественную жизнь. Отсюда злободневность и социальная активность искусства, — таково его понимание проблемы социальной функции искусства, занимающей в программе Коста ведущее место.

В понимании социальной природы и функций искусства Коста проявил близость к русским революционным демократам, к русской культуре в целом.

В философии истории Коста придерживался идеи исторического прогресса, источник которого он видел в развитии индивидуального и общественного сознания, выдвигающего все новые идеи и представления о жизни, о человеке, о культуре. При этом национальное рассматривал как форму выражения общечеловеческого.

Эстетическая и этическая теория Коста на практике вела к оригинальной и успешной попытке обосновать принципы осетинского реалистического искусства. Специфику же искусства поэт определял как форму «мышления в образах», которая ничуть не ниже логического мышления, — утверждал он, вопреки теории Гегеля.

Коста впервые выдвинул в осетинском профессиональном искусстве принцип историзма, в соответствии с которым остро осознается необходимость связи искусства с социальными потребностями общественной жизни. И соответственно он отверг идею «искусства для искусства» изначально.

В концепции реализма Коста большое место занимает и трактовка художественного образа как органического единства общего и индивидуального и ее роли в процессе создания реалистического характера.

Коста же выдвинул принцип народности искусства как отражения особенностей осетин и национального характера, выражения его интересов и потребностей духовного развития.

Коста выработал представления о гармонии внешнего и внутреннего, которая является условием красоты человека,

цельности человеческой личности, величия его души, высокой нравственно-духовной культуры, — своеобразного идеала душевного благородства человека. Это легко просматривается в любом художественном произведении Коста, и в живописи, и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, и в публицистике, в письмах поэта.

Национальная действительность, национальное бытие предстает у него как основной предмет искусства. Отсюда особая ценность творчества Коста: в нем явления национальной действительности осмыслены этически и эстетически, т.е. в их конкретном, общечеловеческом и общенациональном значении. И так рождается важнейшее качество творчества поэта: художественность, которая и формирует специфику искусства — художественный образ. Природа искусства Коста диктует необходимость проникновения в него философских, этических, социально-политических идей, которые, однако же не подменяют собой эстетического. То есть, существует своя диалектика связи искусства и других форм общественного сознания, формирующая искусство Коста.

Для Коста реальные этические и эстетические свойства и особенности явлений национальной действительности и составляют основу его художественного образа. Так проявляется специфика художественного освоения Коста природой и общественным содержанием национальной действительности. И здесь надо искать корни и своеобразие художественного образа Коста, природу социально-функциональной широты и масштабности художественности поэта.

Критический пафос Коста — публициста сконцентрировался на отрицании реакционного в жизни общества и созидании нового национального искусства.

В поэзии, прозе, драматургии Коста, в его живописи, в театральной деятельности его особенно ярко проявились этические и эстетические взгляды поэта.

Проживая с 1885 по 1891 год во Владикавказе, Коста само-

забвенно отдается художественному творчеству и создает лучшие свои картины. В те же годы он много сил отдает организации местных художественных сил, устраивает первую во Владикавказе выставку картин, проводит и художественно оформляет благотворительные вечера с постановкой живых картин. Тогда же работал Коста и художником-декоратором в городском театре, проявил выдающиеся способности на этом поприще. Успешно выполнял он по заказу местной церкви и иконописные работы. Так появилась картина «Святая Нина» (1887 г.), о которой газета «Северный Кавказ» писала: «Какова эта картина в отношении исполнения, ясно показывает то обстоятельство, что многие из посетителей выставки просят у Хетагурова позволения зайти за перегородку, отделяющую картину от публики, и воочию убедиться, что Святая Нина действительно нарисована, и не представляет из себя «алебастровой статуи», как это кажется многим... Вся фигура, все принадлежности костюма поражают изумительной натуральностью, но особенное внимание посетителей останавливает на себе выражение глаз у Святой Нины: взор ее, обращенный в пространство, так и светится глубоким, всецело охватившим ее вдохновением...»¹⁵⁷.

В 1888-1889 гг. Коста, разрисовывая стены Алагирской Церкви, создает целую галерею осетинских национальных типов.

Удивительны жанровые картины Коста, пейзажи, портреты, рисунки. В них он выразил огромную любовь к родине, к природе родного края. Коста ярко отразил быт народа в таких полотнах, как «Гонка араки», «За водой». Удивительны своей жизненностью, глубоким реализмом портреты К. Жукаевой, А. Поповой, автопортрет; пейзажи «Природный мост», «Тебердинское ущелье», «Перевал Зикара».

Коста выступал с развернутой эстетической системой, хорошо зная материал искусства, его историческое своеобразие, выявляя универсальное в эстетическом восприятии выразительных форм. Ведь он воспринимал искусство как саму жизнь в ее ключевых символах. А потому в художественной концеп-

ции мира, которую поэт созидал, была заключена какая-то завершенная структура бытия, в которой отразилась определенно установленные отношения между человеком и действительностью.

Коста формировал свои представления о красоте, добре и зле, развивая осетинскую эстетику «изнутри», т.е. осмысляя реальные процессы искусства. Так он выделил собственный предмет эстетики, т.е. нашел ее междисциплинарный характер.

Коста внес столько нового в осетинскую культуру, что наследие его вполне дает возможность осмыслить ученым-исследователям такие понятия, как «художественная», «этическая» и «эстетическая ментальность» поэта и ввести их в научный оборот. Это поможет открыть новые грани выдающегося таланта гениального поэта и художника, театрального и культурного деятеля своей эпохи.

К. Хетагуров философски относился к бытию как объективной реальности и четко различал в нем различные уровни: 1) материально-предметную реальность, 2) объективно-идеальное бытие, куда он относил ценности культуры, 3) бытие личности. Подобная философия бытия у Коста сложилась в атмосфере научного и культурного подъема в результате присоединения Осетии к России и тех духовных процессов, которые были присущи сложному историческому этапу конца XIX и начала XX в. В свою очередь эта философия бытия Коста Хетагурова оказала огромное влияние на целую эпоху национального развития, — нравственного, культурного, — осетин в свете новых идей своего времени, ярко выразив духовную сущность и самобытную содержательность общественного сознания.

Коста предъявил высочайшие требования к формирующемуся профессиональному искусству: художественной литературе, изобразительному искусству, театральному искусству. И определил его основные функции и задачи, исходя из специфики его природы и сущности. Это социальная функция, социальная значимость искусства. Коста, страстно мечтавший видеть

свой народ в ряду цивилизованных народов мира, и посвятивший свою жизнь без остатка тому, чтобы помочь ему «дорогу к свободе проложить», выделял в ценностях национального духа, национального сознания, национального характера и культуры в целом общечеловеческую сущность, исторически и социально обусловленную. В своих мировоззренческих установках, в теоретических подходах, которые безусловно были, — иначе бы он не был основоположником профессионального искусства Осетии, — в своем художественном творчестве Коста заложил общие принципы этико-эстетического освоения действительности. И в своем же художественном творчестве он практически оформил и закрепил эти принципы, а профессиональное искусство представил как специфическую сферу человеческой деятельности по освоению мира по законам красоты. Вообще человеческое бытие, существование социума в представлении Коста — гуманиста — это и есть освоение мира по законам красоты, а история человеческой личности или человеческого общества — это все более многогранное освоение мира, происходящее по законам красоты. В этом как раз и заключена сущность его гуманизма.

Воспитанный в традициях русской революционно — демократической этики и эстетики, Коста приступил к художественному творчеству, уже не интуитивно, а теоретически постигнув законы этики и эстетики, теоретически осмыслив и обобщив художественную практику. И это помогло ему совершить огромный творческий подвиг — заложить основы осетинского профессионального искусства: художественной литературы, изобразительного искусства.

Прежде всего, этические и эстетические взгляды Коста, сложившиеся в стройную систему, помогли сформировать определенную этническую картину, концепцию мира. Целостная система этических и эстетических принципов Коста трансформирована в его художественных образах.

Мировоззрение же Коста формировалось в процессе всей

его жизнедеятельности, в процессе его активного отношения к жизни.

Во многом разделяя мировоззрение русских революционных демократов, Коста своеобразно отбирает жизненный материал и проявляет своеобразное видение мира. И тут очень четко проявляются его этическая и эстетическая система. Как большой художник, Коста не только творит, но и осмысляет законы творчества, формулирует эстетические законы. Задав определенные этико-эстетические нормы, надо заметить, очень высокие даже по теперешним нашим представлениям, Коста совершил еще один, культурологический и патриотический подвиг: он поднял уровень этического и эстетического сознания потребителей своего искусства (читателей, зрителей) на новую высоту, он заставил их задуматься о том, о чем они раньше не думали, прочувствовать то, что прежде не чувствовали.

Реализовав столь высокие этические и эстетические критерии в своем художественном творчестве, Коста формировал эстетический вкус, составляя высшее духовное переживание, т.е. эстетическое наслаждение. При этом Коста, безусловно, гуманизировал и эмансипировал общественное сознание, воспитывал у публики новое отношение к жизни и к миру, формировал новую картину мира. А последователей его творчества — художественно образовывал: учил творить.

Коста постоянно решал вопрос о сущности искусства, его закономерностях, о специфике литературы, театра, живописи, о специфике художественного образа, художественного метода. Но, решая эти вопросы, он не мог не думать о природе прекрасного, возвышенного, трагического, комического, соотношения добра и зла. Конечно, он решал эти вопросы в русле традиций русской революционно-демократической этики и эстетики.

Социологический подход к искусству дал возможность Коста рассматривать искусство с точки зрения общих у него с другими формами познания, особенностей. Но помимо этого, Коста поставил и проблему анализа художественного творчества,

предусматривающего установление закономерностей, присущих искусству в его специфических внутривидовых границах. И именно так, т.е. в комплексе двух подходов, его этические и эстетические взгляды принимают форму целостной и завершенной теории, глубоко проникают в сущность художественного отражения действительности.

При этом, конечно же, основа его эстетики — его понимание реализма и художественной типизации. Проблема специфики художественной формы познания, проблема соотношения в искусстве пользы и красоты.

Форму художественного повествования Коста рассматривает как более доступную для масс, более наглядную, чем наука. И в то же время оно способно, по мысли Коста, воплощать в себе огромные пласты народной жизни, что не дано другим формам общественного сознания. То есть он четко определял у искусства собственный предмет, различал разделение сфер интересов и возможностей искусства и науки при исследовании специфики данного предмета. Это художественное отражение жизни народа и изучение тайн природы, в том числе и природы человека.

Коста ценность искусства определял в зависимости от того, в какой мере оно отвечает духовным и практическим нуждам народа. То есть, он переносит центр тяжести художественного отражения жизни на малопривлекательные, но существующие в обществе факты и явления. Путь же эволюции видел в процессе постепенного усложнения, т.е. в движении от усвоения обществом элементарных норм к более совершенным формам общественного бытия.

В своем непосредственном художественном творчестве Коста проявил себя как великий творец добра и красоты в искусстве. Таким образом, он показал свое полное понимание природы добра и красоты. Понимание же проблем реализма и художественного творчества в целом Коста Хетагурова сформулировано в его теоретических положениях.

В письме к Ю. А. Цаликовой от 17 июля 1899 г. поэт пишет

по поводу выхода сборника «Галабу»: «В «Галабу» действительно много детского лепета, и я очень удивляюсь Гаппо, как он, такой витиеватый присяжный поверенный (с 4 июля), не имеет никакого понятия о простых технических требованиях стихосложения. Можно быть каким угодно бессодержательным декадентом, но стих должен быть сложен по правилам, выработанным веками, — иначе это не стих... Я не говорю о рифме, — она имеет второстепенное значение, хотя и является главным техническим затруднением для поэтов при разработке серьезной темы... У него же в «Галабу» ничего нет — ни техники, ни рифмы, ни даже сколько-нибудь осмысленной идеи. Чепуха ужаснейшая! Печатать и распространять такую галиматью — это значит извращать... смысл и цели изящной литературы и вкусы жаждущих ее иронов... По-моему, лучше еще 100 лет не печатать ничего, чем распространять такую дребедень...»¹⁵⁸.

Коста заложил основы теории отдельных видов национального искусства: поэзии, живописи и т.д. И через это решал и общеэстетические и этические проблемы тоже. То есть, он ставил осетинское искусствознание на научную основу. Заложил основу истории отдельных видов искусства. С Коста начинается осмысленная тенденция распада теории искусства на теорию его отдельных видов. С него же начинается развитие профессионализма как способности или возможности наиболее полного и целостного отражения национального мира.

Еще обучаясь в Ставропольской гимназии, Коста изучил тайны поэзии, специфику классического стихосложения. Это дало ему возможность заложить основы осетинского стихосложения, а осетинский язык осмыслить как важнейший строительный материал и во многом выявить его эстетику. Приступив к работе в области живописи, Коста вынужден был обратиться к современной ему науке (анатомии, геометрии) и он поступил в Академию художеств. Здесь он, используя теорию живописной перспективы русской школы, сформировал основы осетинской живописи. Параллельно формировал свою ори-

гинальную этико-эстетическую систему, которая, во-первых, помогла ему взглянуть на осетинскую действительность сквозь призму оценки художественного произведения, во-вторых, она стала для него ареной борьбы за высокую художественность формирующегося искусства.

Коста также заложил основы осетинской литературно-художественной критики.

Об этико-эстетических взглядах Коста выразительно свидетельствует его отзыв об Александре Кубалове и его поэме «Афхардты Хасана». «Кубалова, — пишет он, — к сожалению, я не знаю, — видел его только раза два. Судя по его «Афхардты Хасана, я не вижу в нем тихой вдумчивости в смысл и цель жизни и поэзии. И это не потому, что он еще молод, — нет!.. Даже по детским опытам особенности автора можно видеть ясно», насколько он «поверхностен или вдумчив и глубоко восприимчив»¹⁵⁹. Хетагурову не понравилась позиция автора, т.е. «смысл и цель жизни и поэзии» сказителя патриархального крестьянства, слепого Бибо в преддверии рождения буржуазных отношений. Отзыв, данный Коста в сентябре 1899 г. в Херсонской ссылке, явно выражал эстетическую платформу революционного демократа, уже создавшего свои лучшие произведения, ставшие шедеврами революционно — демократического искусства, обогатив осетинскую действительность и сознание забитых горцев новыми идеалами.

В письме же к Г. В. Баеву от 19 июля 1899 г. он пишет: «Если я пишу то или иное слово так, а не иначе, то я пишу сознательно, я над ним долго ломал голову и не хочу ни тебе, ни кому бы то ни было позволить изменить их без моего ведома, бездоказательно, и тем более в стихотворениях, где не должно быть ни одного лишнего звука или недостатка в нем и где каждая буква занимает рассчитанное заранее автором место. Стихотворение не газетная заметка, которую какой-нибудь трусливый и невежественный редактор может коверкать...»¹⁶⁰. И далее добавляет очень важный момент, определяющий важнейший принцип его

творчества и формирующейся литературно-художественной критики тоже: «Я пишу то, что я уже не в силах бываю сдержать в своем изболевшем сердце...»¹⁶¹.

Во многом Коста продолжил традиции фольклорного художественного мышления осетин и русской классической этики и эстетики. А потому в основу эстетических и этических исканий своих поставил живого, реального человека и его природу. Так родилась картина «Святая Нина», поэма «Фатима», «Ирон фандыр».

То есть, ориентируя рождающееся искусство на определенные светские формы, Коста утверждал красоту чувственно воспринимаемой действительности; соответственно и разрабатывал новые способы и средства для восприятия ее богатства и многообразия. И здесь при изучении интерпретации религиозной и другой тематики культуры он чувствовал потребность в теоретическом осмыслении этико-эстетических проблем (вышнего — низкого, доброго и злого, прекрасного — безобразного, трагического — комического) ведь он формировал концептуальные основы своей и осетинской этики и эстетики в целом тоже.

Итак, Коста определил в целом художественно-эстетический тип последующего культурного развития осетинского народа и по сегодняшний день тоже, тесно связанный с этикой.

У Коста сформировалась очень цельная этико-эстетическая картина мира, в которой каждый составляющий ее структурный элемент, будь то природа, человек, социум, — занимает только ему отведенное место и играет свою роль в общей концепции мироздания поэта. И только в общем созвучии всех составляющих реализуется в полной мере важнейшее этико-эстетическое свойство действительности — красота и добро как гармония в мире.

Итак, в этике и эстетике К.Л. Хетагурова доминирующим являются категории: добро, истина и красота. При этом природе и сущности прекрасного Коста определяет своеобразно. В

его представлении концептуально прекрасное — прежде всего, **высокая духовность**, которая облагораживает наш несовершенный объективный мир. То есть, в понимании Хетагурова, **суть прекрасного приобретает социальную, нравственно-этическую ценность и значение.**

Главным инструментом в трактовке категории прекрасного поэт избрал, естественно, художественный образ, который выступает как высшая форма освоения мира по законам красоты. У Коста художественный образ приобретает качественную характеристику. Во-первых, это формальный аспект — совершенство формы; во-вторых, это содержательный аспект — глубина мысли; в-третьих, это высочайшее мастерство (поэт мастерки владел художественно-изобразительными средствами), в-четвертых, это масштабность и значительность художественно-эстетической и философско-этической концепций.

То есть в художественных образах К. Л. Хетагуров формирует свой идеал добра, истины и красоты, выявляет идеальную меру человеческой души, соотносит ее свойства с социальными и нравственно-этическими нормами современного ему общества. И поскольку художественный образ — это единство мысли и чувства, рационального и эмоционального, то поэт через конкретно-чувственную природу частных явлений делает широкие художественные обобщения, в том числе выражает и свою этическую программу.

При этом исходит из своей главной творческой и философской установки: прекрасное — это, прежде всего, высокая духовность. По концепции К. Л. Хетагурова, **только духовный опыт указывает путь, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга. Только он может подсказать, что подлинно главное и ценное в жизни. Дать человеку те ориентиры, ради которых стоит жить, бороться и умирать.**

Только этот внутренний индивидуальный духовный опыт делает человека полноценной личностью с подлинно гуманистическим характером, со способностью духовно творить, т.е.

наполнять духовным содержанием общественную жизнь, и такие понятия, как свобода, семья, родина, государство, наука и искусство.

Духовность, по мысли поэта, вбирает в себя все грани жизни человека. Что же касается содержания духовных процессов, нравственных ценностей, то они тоже входят в духовность человека. Все эти аспекты духовной жизни, ее содержания, фиксируются в художественном образе у поэта не просто в своем мозаичном многообразии, а в органическом единстве, взаимосвязи, целостности.

Итак, духовность человека превращает его в субъекта отношения; это отношение активно проявляется в двух направлениях: вовне, к обществу, и вовнутрь, к самому себе. Эти две грани взаимосвязаны и, выявляя одна другую, детерминируют друг друга, что весьма существенно влияет на эстетику формируемого художественного образа.

Духовностью обладает каждый человек, как носитель социального опыта. И тут проявляется важная особенность отношений «человек-общество». Человек не просто часть общества, ведь в нем ассимилированы огромные пласты социального опыта, благодаря тому, что этот опыт существует как духовная жизнь отдельного человека. И только в этом опыте, по мысли гения, он может постичь, что такое любовь, добро, красота, истина и сформировать свои собственные ценности. Услышать в себе самом голос совести, постигнуть, что такое честь, достоинство, благородство.

Самым глубоким и могучим источником духовного опыта в эстетике К. Л. Хетагурова является любовь. Поэтому такое большое место в творчестве поэта занимает это удивительное, жизнеутверждающее чувство.

Проанализировав его эстетическую и этическую концепцию, приходим к выводу, что в представлении Хетагурова сущность человека во многом определяется его способностью любить. Ею же обусловлены его поступки, поведение, характер,

сама судьба человека. Там, где начинается любовь, там кончается безразличие, вялость, экстенсивность. Человек собирается и сосредотачивается, его внимание и интерес концентрируется на одном объекте, на любимом; здесь он становится интенсивным. Душа его начинает как бы накаляться и гореть. Любимое содержание — будь то человек или музыка или любимые горы — становится живым, реальным центром души, важнейшим в жизни, главным предметом ее.

Чувства и воображение любящего сердца доходят иногда до того, что человек действительно проявляет полное самоотречение: любимый предмет оказывается для него выше его самого. Он становится для него живым центром его жизни, которому он служит, нисколько этим не унижаясь, и приносит многое ему в жертву. Он совершает единственное, что для него в такой ситуации естественно и неизбежно делать. Такова природа и сущность любви, концепция любви в этике К. Л. Хетагурова.

Стали хрестоматийными стихотворения Коста о любви. Особенно искренне звучит следующее:

Лучше скажи мне могучее слово,
Чем бы весь мир я сумел убедить,
Что в этом мире нет счастья другого.
Как бесконечно прощать и любить.

Концептуальны представления К. Л. Хетагурова о патриотизме, также формирующие эстетическое понятие прекрасного.

Прежде всего, по его представлению, чувство патриотизма не мешает человека самостоятельности. Конечно, самостоятельность — обычный, данный индивиду от природы способ бытия. Но наряду с ним сохраняется и могучее содружество людей, в котором формируется национальная духовная культура. В нем, в этом содруестве, все достояние нашей родины: и духовное, и материальное. И оно общее для всех и каждого. Именно оно порождает чувство родины. А это чувство делает великое дело в человеческом сердце: душевное одиночество отходит на задний план и уступает место духовному единству людей. Такова,

по концепции поэта, идея родной нации. Человек же лишенный ее, обречен на духовное сиротство. Обретение ее — величайший акт жизненного самоопределения. У каждого, как следует из концепции Хетагурова, должно быть острое ощущение, что иметь родину и свою национальность — это великое счастье, а утрата их — величайшее горе и что тоска по ней естественна и необходима для нормального состояния человеческой души. Бессмертны строки Коста Хетагурова:

Я смерти не боюсь, — холодный мрак могилы
Давно меня манит безвестностью своей,
Но жизнью дорожу, пока хоть капля силы
Отыщется во мне для родины моей.,.
Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

Есть закон человеческой культуры, в силу которого все великое и значительное может быть сказано человеком или народом только по-своему. А все гениальное рождается как проявление национального опыта, духа и склада. Так, он писал: «Выработанные веками народные традиции, «адат» и обычное право — вот единственные факторы, которые господствовали и управляли свободными племенами Северного Кавказа, представляющими собою не правовое государство с властями во главе, а общинное товарищество, управлявшееся лишь обычным правом и выборными лучшими лицами их товарищества. Общинные и народные вопросы всегда решались собранием родовых и общинных представителей, избираемых всегда заново для каждого случая. При этом все члены таких совещаний пользовались одинаковым правом голоса и на решение вопроса имели преобладающее влияние лишь их опытность, мудрость и красноречие, а не родовитость и происхождение. Одним словом, никогда и нигде среди туземцев Северного Кавказа не было произвола над массой»¹⁶².

К. Л. Хетагуров полно выразил национальную «самость», обращаясь к глубинам духа своего народа, к тем глубинам, которые заложили века всенародного труда и страданий. Коста обладал ведущим его духовным началом. Именно оно дало ему возможность подняться на ту высоту, с которой перед ним открылся всечеловеческий духовный горизонт, позволивший Коста воскликнуть:

Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Вселенная — отечество мое.

Согласно концепции К. Л. Хетагурова, для истинного патриотизма характерна не простая приверженность к внешней обстановке и к формальным признакам быта, но любовь к духу, скрывающемуся в них, к духу, который их создал и выстрадал. То есть важно не внешнее, а внутреннее, не видимость, а сокровенная сущность.

«Эти... «дикари», — писал Коста Хетагуров, — сумели сохранить такие традиции, какими может гордиться лучший европеец. Рыцарская неприкосновенность чести, святость долга, верность данному слову и многое другое до того присущи каждому туземцу, что с ними следовало бы считаться всем...»¹⁶³.

И далее с сожалением замечал: «Наивные туземцы в первые годы после покорения края не теряли надежды если не вполне вернуть свою свободу, то, по крайней мере, сохранить свою духовно-нравственную самобытность, потому каждое мероприятие русской власти, направленное против таковой, они встречали с большим неудовольствием...»¹⁶⁴.

Своеобразна в эстетике поэта и **концепция совести**: прежде всего, она рассматривается им как **мера внутренней свободы**. Ибо, по его глубокому убеждению, человеку легче было бы постичь закон внутренней свободы, если бы он чаще прислушивался к «голосу совести». Ведь человек, переживая это душевное состояние, реализует внутреннюю, духовную свободу, и у него невольно открываются глаза на его подлинную природу. Он сам становится духовно свободным и сильным, способным на са-

мые прекрасные поступки и деяния. Человек, переживший акт совести, завоевывает себе доступ в сферу, где долг не тяжел, где инстинкт смирится духом, где живут любовь и добро.

Таким образом, совесть в эстетике и этике К. Л. Хетагурова — одно из чудеснейших свойств человеческой природы.

Это самая мощная духовная сила, которая раскрывается в нас как наша собственная глубочайшая сущность. То, на что указывает нам наша совесть, к чему она завет, всегда нравственно-совершенное.

По убеждению гения, совесть необходима, чтобы потрясти и оживить человеческие сердца. А потому совесть требует все большего внимания и напряжения.

Лучше пропой ты мне песню такую,
Чтобы она прозвучала в сердцах
И разбудила бы совесть людскую

В их повседневных житейских делах, — написал Коста. Ему же принадлежат и следующие строки:

В блестящих хоромах мне душно,
Меня ослепляет их свет...
Их строило рабство веками,
Сгорают в них стоны сирот,
В них вина мешают с слезами...
Нет, будьте вы счастливы сами,
Где так обездолен народ!

Акт совести, в отличие от всякого формального закона, имеет в виду не общее, присущее всем людям, а индивидуальное состояние одного человека. Он не уравнивает людей, а напротив, индивидуализирует каждую человеческую личность и ведет каждого к реализации всего доброго и прекрасного, благородного, что ему доступно.

В концептуальном понимании сути категории прекрасного важно своеобразие формирования эстетического идеала в творчестве Коста.

А сердце народа!
Как нива оно,
Где светлые всходы
Взрастить мне дано. Мой край плодоносен,
Мой полон амбар,
И в море колосьев Ныряет арба.
Не бойся за сына,
Отец! Ты не прав,
Тебя без причины
Тревожит мой нрав! —

пишет Коста в стихотворении «Надежда».

Эта надежда на лучшую долю, которой достоин народ, столько переживший на пути своего исторического развития; долю, которую он обязательно достигнет в будущем, в данном стихотворении звучит явственно, в полную мощь.

Такова вкратце концепция добра, истины и красоты в этике и в эстетике К. Хетагурова.

Как гениальный художник слова, К. Л. Хетагуров охватывает в явлении самое существенное, самое характерное, и, отталкиваясь от его конкретно-чувственной природы, обобщает, создает свою концепцию мира и человека, формирует собственную художественную антропологию.

При этом важнейшей категорией в эстетике поэта является нравственный идеал, вобравший в себя народные представления о жизни, о человеке, о целях и лучших формах общественного развития, — словом, выражающий народный взгляд на мир и место в нем человека.

Вот что пишет Коста Хетагуров в стихотворении «Мне нравится, мой друг...», формируя в своем сознании самый прекрасный идеал, доступный человеку и достойный его:

...верь, что мы, как любящие братья,
Воздвигнем на земле один всеобщий храм,
Храм жизни трудовой, насилью недоступный,
Сознательной борьбы, без пыток и крови,

Храм чистой совести и правды неподкупной,
Храм просвещения, свободы и любви.

Хетагуров использует этико-эстетический идеал как образец, норму, определяющую способ поведения человека во всех сложных жизненных ситуациях. Более того, как всеобщую форму человеческой жизнедеятельности и, разумеется, во всех сферах общественной жизни: социальной, политической, нравственной, эстетической и т.д.

Этико-эстетический идеал Хетагурова отражает объективные тенденции развития реального мира.

Во второй половине XIX века в сознание осетинского общества активно проникают идеи революционно-демократического движения. Это было обусловлено влиянием прогрессивной русской культуры, лучшие представители которой протянули руку дружбы и братской помощи северокавказским горцам. При их активной поддержке зародилось северокавказское просветительство.

Хетагуров, обучаясь в Ставропольской гимназии, духовно мужал, нравственно формировался под влиянием революционно-демократической идеологии, страстными пропагандистами которой явились лучшие преподаватели гимназии. Со многими из них лично дружил молодой Хетагуров. Во многих стихотворениях поэт отдает дань уважения и признательности своим учителям.

Я знал его...
Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей,
Когда и труд, и силы, и заботы,
— Всего себя он отдавал лишь ей.
Он нам внушил для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарей...
Я знал его, я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей, —

писал Хетагуров в стихотворении «Памяти Я. М. Неверова». Эти же идеи революционно-демократического направления звучат в стихотворении «Памяти А. Н. Плещеева»:

Ему не надо слез. Лишь то святое дело,
Которому он жизнь с любовью посвятил,
Пусть не умрет в тебе, — иди под знамя смело,
Храня его завет и не жалея сил!..

Словом, этико-эстетический идеал Хетагурова явился конкретно-чувственным выражением тенденций и закономерностей развития действительности, вернее, осетинского общества второй половины XIX в.

Хетагуров рассматривал природу, природное начало как условие цельности человека и окружающего его мира, как основу идеального совершенства. Отсюда такие глубоко оптимистические, удивительно жизнеутверждающие строки Хетагурова, посвященные весне:

И всюду жизнь, тепло и свет,
Приволье и цветы...
Везде любовь, везде привет
И всюду, всюду ты!

Идеал недостижим, и природа, изначально призванная быть условием идеального совершенства или условием цельности и целостности человека и окружающего его мира не становится такой, ибо социальный строй, социальные отношения мешают природе полностью реализоваться. И тогда звучит призыв к борьбе:

Дети Осетии,
Братьями станем
В нашем едином
И дружеском стане.
С нами высокое
Знамя народа.

К свету, с победною
Песней похода!
К правде сверкающей
Смело шагайте!
Трусы, бездельники,
Прочь! Не мешайте!

Для Хетагурова идеал содержательно несет в себе представление об итоговом совершенстве индивида как представителя рода человеческого. Идеал включают в себя осознание поэтом того, что человек и есть самоцель своей жизнедеятельности. То есть Хетагуров отразил в художественных образах свое представление об идеале как высшей норме человеческого совершенства. Прежде всего, это совершенство реально, если человек способен жить во имя людей, для народа и видеть в этом высшее для себя благо.

Сердце открой для отрадных мечтаний, —
Жизнь нелегка.
Много порой возникает желаний
У бедняка.
«Если б, — он мыслит, — неся сквозь невзгоды
Светлую весть,
Мог я снискать себе счастьем народа
Славу и честь!
Если бы в сердце живей отзывалась
Ближнего боль,
Если бы высшим из благ мне казалась
К людям любовь!»

В художественной антропологии Хетагурова важнейшую роль играют философское осмысление жизни и философская трактовка смысла жизни.

Человек на фоне всего остального мира выделяется только благодаря своему разуму и чувствам. Значит, эволюция человека — это, прежде всего, эстетическое совершенствование

мира, процесс становления его красоты, — приходит к выводу поэт.

А если так, то очень важно, по мнению Хетагурова, каков сам человек и что он несет миру:

Гость юный пьет бойко, и все же не скажет,
Что миру несет он с собой, —
Насилье и зло ли достойно накажет,
Иль вызовет правду на бой?
Безумных ли пиршеств он будет кумиром,
Купаясь в слезах и крови?
Поднимет ли знамя свободы над миром
Во имя Христовой любви?

И это вполне естественно для мироощущения Хетагурова, ведь самый высокий идеал достойной человеческой жизни для него — борьба за счастье родного народа.

Лишь народу из всех его многих заслуг
Возврати лишь одну ты обратно.
Ну, хоть чем-нибудь дай ему повод признать,
Что врагом ты не будешь народным
И что новых петель не захочешь вязать,
Чтоб ему помешать стать свободным,

— пишет Коста. И хоть он уверен, что:

Лучше скажи мне могучее слово,
Чем бы весь мир я сумел убедить,
Что в этом мире нет счастья другого,
Как бесконечно прощать и любить.

И тем не менее в решительную минуту поэт сам определяет, что важнее для него:

Я не стою любви, я не смею любить, —
Меня родина ждет уже к бою, —
Коль врага ее мне не удастся сразить,
То не встретимся больше с тобою...

Своеобразно также формирование этико-эстетического идеала в творчестве поэта. Так, Хетагуров представление об идеале связывает с понятиями долга и ответственности. Скажем, Фатима, героиня поэмы «Фатима», предпочла чувству любви чувство долга.

Перенесла я слишком много,
Чтоб так бездушно разрушать,
Мою святыню... Бойся бога, —
Теперь я замужем, я мать. —

Говорит Фатима Джамбулату. Так раскрывает высокий духовный облик женщины Хетагуров, воплощая в образе своей любимой героини высочайшие нравственно-этические образцы народных представлений о женской добродетели, о красоте и подлинном благородстве, которые идут из глубин национального духа.

Так, Хетагуров, благодаря своему мастерству, сумел развить в осетинской литературе реалистическую концепцию красоты, связав в своей эстетике нравственный идеал с типизацией и отражением жизненной правды, с социальными идеями свободы, равенства и братства. Отсюда и своеобразие его этико-эстетического идеала, важнейшей сутью которого становится борьба за счастье народа. В то же время поэт трактует красоту как меру гармоничности, истинности бытия. А красота — это ни что иное, как жизнь праведная, честная, трудовая, та, которую творят чистыми мозолистыми руками.

Публицистика Коста представляет собой качественно определенную систему информации, многогранное, внутренне целостное явление, обнаруживающее в себе органическую связь всех видов литературы. Предназначение ее в том, чтобы в сложной и изменчивой текущей жизни современного поэту общества путем ее правдивого отображения помочь осмыслить и оценить факты и явления с определенных социально-политических позиций. И, соответственно, воздействовать на социального субъекта (личность или общество в целом) в сложившейся ситуа-

ции. Направить и организовать деятельность данного субъекта на конкретное решение социально-классовых задач.

Публицистика Коста имеет сложную внутреннюю структуру. Каждое публицистическое произведение имеет две подструктуры: логико-понятийную и эмоционально-образную, выполняющих вместе собственно-информационную и ценностно-ориентационную функцию.

Так, поэт весьма убедительно анализирует создавшуюся социально-историческую ситуацию: «Вработанные... длинным рядом поколений, на исключительной почве свободы, социальные идеалы и верования залегли в таких глубоких тайниках духовной самобытности туземцев, что ее по существу совершенно еще не коснулись ни магометанство, ни даже христианство, несмотря на очень давнее их проникновение на Северный Кавказ». «Вот в общих чертах те особенности строя, с которым пришлось иметь дело русскому правительству с самого начала борьбы за край. Здесь надо было покорить в отдельности не только всякое племя, но и каждую общину, а зачастую и просто фамилию, засевшую где-нибудь за неприступной скалой. Здесь каждая община, каждая фамилия в отдельности представляли самостоятельную политическую единицу и имели право располагать своею судьбою по своему усмотрению»¹⁶⁵.

В данных сложных структурах скрыт глубинный смысл и этико-политическая цель, которая успешно трансформировалась, благодаря мастерству автора, в определенную организационно-воспитательную задачу. Если бы одна из этих подструктур вдруг распалась, конкретное произведение бы из сферы публицистики перешло в смежную область: науку или искусство. То есть, это особый тип художественного познания мира.

По форме, содержанию и строению публицистика Коста отражает обыденное сознание. Только информация, которую она содержит, пропущена сквозь сито научных и идеологических теорий, мировоззренческих и философских позиций самого передового класса, самых прогрессивных идеалов сво-

ей эпохи. Отсюда ее существенные качества: достоверность и ценностная ориентация. Так он верно замечает: «режим, установившийся на Северном Кавказе после его покорения, с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно — социальным строем туземцев во всех его «разнообразных проявлениях...»¹⁶⁶.

«Новые властители Северного Кавказа, к сожалению, не вполне поняли правовые и бытовые особенности завоеванных племен и решили сразу применить к ним такие государственные нормы, к восприятию которых они решительно не были подготовлены предшествовавшей своей историей. На независимого, свободолюбивого, храброго и воинственного туземца решили, без всякой предварительной подготовки, наложить бремя, о котором он ранее не имел ни малейшего понятия. Это и послужило одной из главнейших причин несогласий, установившихся между победителями и побежденными...»¹⁶⁷.

Диалектическое единство логического и образного начал в публицистике Коста прослеживается буквально во всех ее жанрах. Конечно же, в каждом конкретном случае соотношение их различно. В тех, которые ближе к научной статье, преобладает научная строгость, а тех, что ближе к искусству — художественная образность. Но исходная точка во всех публицистических произведениях Коста — единство и взаимосвязь двух форм познания: логической и чувственной. О наболевшем поэт любил говорить открыто, громко, «разумным языком критики» (К. Маркс), конечно же, и полным страсти языком самой жизни.

В этой диалектической противоречивости двух существенных начал и следует искать природу эстетического в публицистике Коста и выявление этико-эстетических возможностей отдельных его публицистических произведений.

Публицистика Коста решает свои творческие задачи, сближаясь одновременно с наукой об обществе и искусством, являясь переходной формой между наукой, идеологией и искусством.

Коста значительно расширил границы этико-эстетического освоения национальной действительности, обогатил опыт самой осетинской этической и эстетической мысли. В сфере его публицистики проявилось это многообразно. В частности, в стремлении сделать документальное отражение образным, придать факту, информации художественность, добиться красоты подачи материала. Таков здесь процесс обогащения эстетических средств освоения действительности. Для Коста эстетическим содержанием публицистики становится выразительность документа, факта, явления. И добивается он наивысшей выразительности в результате эстетической субъективации отражаемого объекта.

При этом роль автора усложнилась. Если писатель обычно в ценностной структуре своего творчества делает упор на общечеловеческие ценности, на исследование наличия или отсутствия его в конкретно-историческом проявлении, то в публицистическом творчестве Коста шел иным путем: в общечеловеческих ценностях выявляя конкретный классовый смысл и содержание; в общечеловеческом потоке событий и явлений осмысляя единичную судьбу частного человека. Единство документального и художественного, синтетическое по своей природе, и создает в данном смысловом контексте образность публицистики Коста и вырастает в художественное качество.

Жизненный факт, проходя через авторское ценностное сознание Коста, проходит сложную трансформацию. С помощью отдельных штрихов, сцен эпизодов, портретов, поданных в своеобразном сюжетном сцеплении, вдруг трансформируют самые абстрактные понятия в абсолютно зримые, обретающие художественную «плоть и кровь» образы. То есть жизненная их достоверность становится совершенно очевидной. Так поэт приходит к весьма серьезному выводу: «Для управления же народом в несколько десятков тысяч, — пишет он, — необходимо знать еще и характер, обычаи, нравы и жизнь народа и вообще располагать огромным запасом самых разнообразных сведений»¹⁶⁸.

Мастерство Коста — публициста в том, что он находит тему, выбирает наиболее подходящий жанр, строит стройную систему логических доказательств, дает образное представление об изображаемом объекте, разрабатывает композиционное построение, подбирает средства художественной выразительности. То есть автор ищет адекватную форму выражения для того или иного конкретного содержания; так формируется его публицистическое искусство.

Эстетико-аксиологический подход к изучению публицистического наследия Коста позволяет судить об эстетической и этической ценности этого наследия, о роли его в развитии этического и эстетического сознания народа, в целом национальной культуры. О связи истины и красоты в творчестве поэта.

В публицистике Коста истина, добро и красота органически взаимосвязаны, взаимообусловлены. Это основной принцип публицистического творчества поэта.

Природа публицистической информации Коста объективна, т.е. в основе публицистического выступления поэта всегда лежит реальный жизненный факт, пропущенный через мировоззренчески-идеологическую и научно-художественную «призму» авторского ценностного сознания и прошедший его своеобразную интерпретацию.

Публицистический факт в данном случае имеет объективное содержание, т.е. отражает конкретное событие, социальное движение. Но содержит в себе и субъективный элемент: Коста всегда выступает с позиций революционно-демократического мировоззрения. При этом талант его такой мощной силы, что этико-эстетическое восприятие того или иного публицистического факта его только усиливается, хотя автор и верен закону меры. Эффект при этом получается очень сильный: воспроизведение жизни в публицистике Коста, как и во всем его творчестве, приобретает гораздо больший масштаб, чем реальный факт в самой действительности. А дело в том, что Коста общается читателю истину, руководствуясь законами красоты,

т.е. придавая факту классово-идеологическую направленность при осмыслении, достигает и эмоциональной выразительности и заразительности.

Коста не просто правдиво передает конкретный объективный факт, он в своей позиции всегда предельно доказателен, способен к широким обобщениям, умеет вести общественно значимую полемику, словом, решает важные пропагандистские задачи, которые ставит перед собой. То есть, Коста в полной мере умеет прочувствовать и изобразить жизненную правду явлений. Он ищет особую образность на стыке документального и художественного, в синтезе которого и формируется жизненная правдивость идей, характеров и ситуаций публицистики Коста.

Публицист, конечно же, оперирует избирательным видом типизации. Он ищет те факты действительности, в которых есть определенные обобщения личности, в которой сфокусированы общественно значимые черты.

Информационные жанры публицистики Коста имеют большой арсенал средств для образного воплощения действительности, для усиления эмоционального воздействия на читателей, для создания образов, вызывающих различные эстетические чувства: прекрасного, возвышенного, комического и т.д.

Репортажи Коста, как формы зримого отражения и осмысления события, динамично и образно раскрывают факт через непосредственное восприятие автора — очевидца, создавая для читателя эффект присутствия. При этом наряду с документально-точным изображением факта обязательно присутствует и художественно-образное, эмоционально насыщенное.

В заметках же Коста превалирует и своеобразная стилистическая окраска, особенно сатирический элемент в критических материалах или с легким юмором в некоторых заметках.

Более богатыми этико-эстетическими возможностями отличаются аналитические жанры публицистики Коста, в которых автор осмысляет общее как выражение совокупности отдельных фактов и явлений.

Такие публицистические статьи Коста, как «Неурядицы Северного Кавказа», очерк «Особа» очень близки к научным. В них автор проявляет научно-исторический подход к событиям прошлого осетинского народа и современной действительности. В них автор проявляет эстетику политически острой, актуальной, диалектической и полемической мысли. Во-первых, в них обязательно присутствует эстетический идеал долженствования, т. е. представления о том, какой должна быть жизнь человеческая в абсолюте, т.е. в формах проявления абсолютной свободы, если б она была вообще возможна. То есть наряду с красотой идеи в статьях присутствует и искусство авторского размышления и обобщения, во-вторых. В-третьих, особая динамика движения мысли. В-четвертых, форма ее воплощения.

Словом, для эстетики публицистических статей и очерков Коста характерно органическое единство рационального и эмоционального, логического и образного.

Важной чертой этики и эстетики публицистических произведений Коста является органическое единство выразительности и изобразительности. Публицист активно и творчески использует языковые средства не только для выражения мысли, но и с целью эмоционально-образной передачи впечатлений, а в целом — для успешной художественной типизации.

Заслуга Коста в том, что он повысил уровень использования этико-эстетических возможностей изобразительных средств, широко применил реалистические сравнения, остро и метко отразившие особенности национальной и социальной действительности. Использовал и другие средства усиления экспрессивно-эмоциональной стороны языка: метафоры, эпитеты, аллегории, гиперболы, иронию, поэтические фигуры языка.

Публицистика Коста выполняла сложные задачи: во-первых, информировала о событиях общественной жизни, обо всем, что важно для общества; во-вторых, не просто информировала, но и оказывала воздействие на ориентацию в сложной социальной

действительности, оценивая социальные явления бытия национального, регионального, стремясь направить и организовать разные силы и их деятельность на решение определенных социально-классовых задач.

Поэтому сущностную структуру публицистики Коста, пропущенной через нравственно-эстетическое его сознание, и составляет социально-политическую ценностную ориентацию. Сущностная же структура социально-политических ценностей в публицистике Коста реализуется через: а) структуру информации, организованную в формы, близкие обыденному сознанию конца XIX в. (жанры: заметка, репортаж, фельетон, аналитическая статья, очерк); б) систему нравственно-эстетических ценностей, слитых с информацией.

Словом, в публицистике Коста, в ее внутренней структуре органически присутствует этико-эстетическая оценка, имеющая собственную структуру. Это: 1) эстетические свойства отображаемого объекта; 2) эстетические свойства нравственно-идеологических ценностей самого автора-субъекта; 3) эстетические свойства, рожденные в результате единства в публицистике Коста объективного факта и его оценки.

Итак, этическая и эстетическая ценность публицистики Коста определяется его органической связью с объективной действительностью. Эстетическое совершенство публицистических произведений поэта отмечается внутренней гармонией формы и содержания, рационального и чувственного, логического и образного. Конечно же, огромное влияние оказала и сама личность Коста, его мировоззрение, социальный опыт. Заслуга его в том, что он эстетизировал публицистику и в то же время поднял осетинскую этическую и эстетическую мысль на качественно более высокий уровень. Он своей публицистикой помогал народу осознать глубину и важность своего нравственного и эстетического сознания.

Появление новой философии культуры, с которой выступил в 80-ых — 90-х гг. XIX в. К.Л. Хетагуров, не было случай-

ным явлением в осетинской действительности. Прежде всего, существуют объективные условия ее зарождения. С присоединением Осетии к России произошло открытие новой страницы в истории народа, эпохи новой философии. Появилась объективная потребность в народном сознании осмыслить **идею свободы индивидуального и общественного развития**. Несмотря на усиление феодального и колониального гнета, народ слагает чудесные легенды и героико-исторические песни о Чермене, Тотразе, Таймуразе и др., наиболее полно выразивших **народные представления об идеальном человеке, идеальном представителе своего народа**. То есть, формируется явно новый тип сознания, новый тип культуры. И соответственно, должна была быть сформулирована или оформлена новая концепция культуры, которая бы отражала не только идеологическую сферу, но и структуру социально-политических институтов.

Так появилась философия культуры К. Хетагурова. Прежде всего, определим основные направления философии культуры Коста, значение и генезис основных ее понятий. Конечно же, он специально не ставил цели определения данных понятий: Коста даже сознательно не стремился создать целостную философскую систему культуры. Потому, естественно, и не формулировал какие-либо специальные понятия этой своей системы, хотя на самом деле практически он ее создал. Достаточно обратить внимание на понятия, касающиеся разных проблем материальной, духовной или художественной культуры осетин и контекста, в котором он их употреблял, и сомнений в ее реальности не остается. Во многом эти его определения носят характер метафорических сравнений, поэтических описаний, аналогий, цитат из произведений русских писателей или устного народного творчества осетин, что говорит, несомненно, о своеобразии его ценностного, этико-аксиологического подхода к явлениям национальной культуры. Поэтому его определения трудно соотнести с общепринятыми в научной сфере, и это надо учитывать при осмыслении философии культуры Коста.

Философия культуры поэта выростала из его духовного опыта, представляющего собой внутреннее качество, формируемое его личностью путем углубленной учебы и самосовершенствования; духовного опыта, который генетически восходит к духовному опыту его народа.

Акт философского познания зависит от специфики предмета, на который этот акт направлен, и детерминирован ею. Объектом философского осмысления Коста стал широкий круг явлений национальной действительности: искусство, природа, экономика, наука, быт, история, этика и т.д.

Прежде всего, К. Хетагуров четко различал такие понятия, как культура и цивилизация. В основе культуры по его представлениям, лежит духовная культура. И при этом понятие «культура» включает в себя очень важные, существенные в жизни человека и общества явления: нравственность, науку, искусство, политику, хозяйство и т.д. В сферу же цивилизации Коста относит одежду, жилище, пути сообщения, технику, промышленность.

Осмысляя философию культуры Коста, надо иметь в виду, что подлинная культура для него, конечно же, прежде всего всегда национальна, т.е. формируется на конкретной почве. Совокупность же таких культур в лучших своих достижениях и составляет общечеловеческую культуру.

Чтобы правильно понять и оценить философию культуры Коста, ее надо рассматривать в русле русской революционно-демократической традиции, на базе которой сформировалось его мировоззрение.

Система культуры Коста носит ярко выраженный **ценностный характер**. При этом основным критерием для него в оценке того или иного явления национальной культуры служит внутренняя сопричастность данного явления сущности народной жизни, народного духа. То есть, по глубокому убеждению поэта, бытие народное диктует искусству, науке, что и как делать. А акт творчества вообще имеет смысл лишь тогда, когда исследует

предмет в меру его нужности, важности человеку, социуму. Это первая особенность. Вторая же — в понимании важности и активности деятельного характера целостной системы культуры Коста.

Проявление этих двух особенностей в творчестве поэта наблюдается постоянно и очень зримо. Это касается как непосредственно художественного творчества Коста (в живописи, поэзии, прозе, драматургии), так и эпистолярного его творчества и публицистики. Поэтому вполне аргументированно можно сказать, что вся его творческая многогранная деятельность — это развернутый культурный проект возрождения Осетии.

Ценностные основы философии Коста, с помощью которых ему видится реальная возможность возрождения Осетии, заключается в просвещении, в приобщении народа к общечеловеческой культуре через русскую культуру и русский язык, в гуманизации и эмансипации общественного сознания, в создании человеческих условий существования для горцев, в уравнивании их в правах с русским населением края в реальной повседневной жизни.

Коста всегда стремился вызвать душевную чуткость людей, любовь их друг к другу. Звал к проявлению братской взаимопомощи и доброты в отношениях друг с другом. Так, в статье «Зиу», с подзаголовком «письмо к землякам», Коста пишет: «Добрые, дорогие земляки! Обращаюсь к вам, чтобы восстановить в вашей памяти славные традиции наших дедов. Вспомните, как они внимательно относились к своим бедным, больным, потерявшим способность к труду, пострадавшим от стихийных разрушительных сил... Вспомните наш лучший традиционный обычай — зиу, когда каждый осетин от всей души откликнулся на нужду другого... В настоящее время сильно нуждается в такой помощи Гокинаевский хутор Черноярской станицы, страшно пострадавший от пожара...»¹⁶⁹.

Это стремление сеять «разумное, доброе, вечное» в общественном сознании и утверждать его в повседневном народном

бытии как норму, как меру нравственно здоровой, духовно зрелой формы жизни, конечно же, есть реальное проявление философии культуры Коста.

В статье «Неурядицы Северного Кавказа» Коста исследует природу бытия горцев, видя в ней источник их самобытности. «Выработанные веками народные традиции, «адат» и обычное право, — пишет К. Хетагуров, — вот единственные факторы, которые господствовали и управляли свободными племенами Северного Кавказа, представляющими собою не правовое государство с властями во главе, а общинное товарищество, управлявшееся лишь обычным правом и выборными лучшими лицами их товарищества. Общинные и народные вопросы всегда решались собранием родовых и общинных представителей, выбираемых всегда заново для каждого случая. При этом все члены таких совещаний пользовались одинаковым правом голоса, и на решение вопроса имели преобладающее влияние лишь их опытность, мудрость и красноречие, а не родовитость и происхождение. Одним словом, никогда и нигде среди туземцев Северного Кавказа не было произвола над массой. Выработанные, таким образом, длинным рядом поколений, на исключительной почве свободы, социальные идеалы и верования залегли в глубоких тайниках духовной самобытности туземцев...»¹⁷⁰, — объясняет Коста. И далее анализирует природу конфликта между горцами и новой властью. А режим, — пишет он, — «установившийся на Северном Кавказе после его покорения, с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем туземцев... На независимого, свободолюбивого, храброго и воинственного туземца решили, без всякой предварительной подготовки наложить бремя, о котором он ранее не имел ни малейшего понятия. Это и послужило одной из главнейших причин несогласий, установившийся между победителями и побежденными и продолжающихся, увы! до сего дня»¹⁷¹. Естественно, горцы стремились, как подчеркивает Коста, «сохранить свою духовно-нравственную самобытность, и потому каждое мероприятие

русской власти, направленное против таковой, они встречали с большим неудовольствием»¹⁷².

В статье «Маленькая история» К. Хетагуров говорит о выдающейся роли первой Владикавказской женской школы, открытой в 1862 г. и преобразованной в 1866 г. в школу с пансионом и названной в честь великой княгини Ольги Федоровны «Ольгинской». Выпускницы, пишет Коста, «возвращались в родные аулы, внося свет христианского благовоспитания в дымные сакли своих родителей, затем выходили замуж за своих же сельских учителей, причетников и даже простых сельчан, и делались примерными хозяйками, любящими женами и достойными удивления матерями — воспитательницами нарождающегося поколения»¹⁷³.

В статье «Избави бог и нас от этаких судей» Коста тепло и с уважением говорит о роли осетинской интеллигенции. «Многочисленный состав осетин-офицеров всех родов оружия доблестно и с честью служит в рядах великой русской армии. Осетины-врачи, юристы, инженеры, ученые, лесничие и т.д. честно работают для общегосударственной культуры и общечеловеческой пользы, несмотря на то, что и военные, по долгу службы, и кончившие курс в высших учебных заведениях, по той же и многим другим причинам, не живут в своих аулах, они все-таки оказывают огромную материальную, а главное, моральную поддержку своей родине. Своей блестящей службой, честностью, трудолюбием и способностью к всевозможным отраслям культурной деятельности, они, несомненно, много содействуют укреплению доверия правительства к осетинам и усилению к ним симпатий и уважения смежных с ними народов и племен»¹⁷⁴. В процессе адаптации осетин в мировом культурном пространстве, по мнению поэта, важное значение имеет как нравственное, духовное самоощущение каждого отдельного представителя народа, так и его восприятие окружающим и инациональным миром. И здесь уровень требовательности к каждому, мера его ответственности, по мысли Коста, велика.

Любовь, совесть, свобода, семья, родина, нация — вот важнейшие, фундаментальные основы философии культуры Коста. Все эти ценности в представлении поэта взаимосвязаны и взаимообусловлены. В утверждении их святости и незыблемости в национальном сознании важная роль принадлежит искусству, науке, просвещению. Поэтому Коста определяет национальное искусство и народное образование как мощный фактор в духовном и нравственном самоопределении осетин.

В сфере своей социальной и художественной антропологии Коста исходит из особенностей собственного отношения к культуре. А суть этого отношения заключается в том, что в философии культуры поэта нет ничего такого, что не касалось бы конкретно народной жизни. Это и есть для Коста основной эстетический критерий и в сфере его художественного творчества. Да, пожалуй, в оценке любого культурного явления тоже. Коста выдвигает своим практическим художественным творчеством идею культурно-национальной цельности. Дело в том, что в Осетии каждый социальный слой имел свою субкультуру. Это мешало созданию единой целостной национальной культуры и не поддерживало единства нации. И потому Коста стремился укоренить в народном менталитете идею единства нации через создание единой национальной культуры, концептуальные функции которой он видел в служении интересам народа, его единству. Потому же он в публицистическом творчестве так активно выступал за укрепление хозяйственного механизма в крае, против разболтанности правосознания населения.

Одним из основных в формировании системы культуры поэта является принцип культурно-исторической преемственности. Ибо Коста понимал, какое большое культурное наследие получило от предшествующих поколений современное ему осетинское общество.

Большое значение в системе культуры Коста придавал вопросу создания национальной интеллигенции. В эпистоляр-

ном и публицистическом творчестве своем поэт неоднократно подчеркивал, какую огромную роль призвана сыграть осетинская интеллигенция в нравственном и художественном, эстетическом просвещении народа. И в связи с этим говорит и об ее исторической ответственности.

По мнению Коста, в связи со спецификой непростого исторического пути, интеллигенция должна помочь народу воспринять духом, она призвана помочь выработать новый национальный характер в изменившихся и изменяющихся исторических условиях.

Словом, в рамках традиционного для русского революционно-демократического мировоззрения подхода к вопросам культуры, Коста создал собственную концепцию становления осетинской культуры, собственную философскую систему национальной культуры.

Коста также разработал собственную оригинальную методологию философии искусства, специфика которой заключается в том, что он органически соединил чисто эстетический анализ (формальный анализ) с анализом духовно-философско-нравственным.

Корни национального искусства, как и корни культуры в целом, Коста видел в сфере реальности, а потому предмет его для поэта пребывал в состоянии «очевидности». Отсюда специфика художественного мышления Коста, в соответствии с которой форма для поэта не самоцель и не существует сама по себе: она всегда содержательна. Здесь заключены генетические истоки его художественного мировоззрения, этики и эстетики его реализма, во многом определившие и художественно-эстетический тип последующего культурного развития осетинского народа.

Феномен гениальности К. Хетагурова — прежде всего в генерирующей функции его творчества по отношению к культурным и социально-историческим процессам бытия осетинского народа.

Перед исследователями — хетагуроведами ныне стоит ряд актуальнейших проблем. Во-первых, необходимо выявить культуросозидающую природу его как творца и соответственно дать социальную и индивидуальную характеристику всего его творческого опыта. Во-вторых, раскрыть формы проявления феномена его как творца в историко-философском и культурологическом аспектах. В-третьих, определить социально-психологические границы феномена его как творца. В-четвертых, выявить роль его традиции в современном национальном сознании национальной культуры. И, в-пятых, изучить особенности взаимодействия социального и экзистенциального в творческой деятельности Коста.

Необходимость предлагаемых аспектов исследования обусловлена тем, что смысл бытия К. Л. Хетагурова как национального гения в мире, в обществе заключается в проявлении и социокультурной актуализации объективно значимых для этноса ценностей, являющихся для Коста высшей задачей и целью всего творчества его. Он персонифицирует процессы обновления, объединения и консолидации общества и всех прогрессивных сил своей активной неутомимой творческой деятельностью. При этом сфера его творческих возможностей огромна: он аккумулирует в себе все предшествующее развитие культуры. И это, безусловно, важнейший источник неисчерпаемых способностей к инновационным открытиям. В этом и кроется глубина и поливариантность его личности, обуславливающее смысл его деятельности, диалектическое взаимодействие в ней социального и экзистенциального.

Искусство Коста — многофункционально. В нем проявляются познавательные-коммуникативные, этические и эстетические компоненты. С точки зрения гносеологии искусство Коста — это способ интуитивного постижения истины, способ выражения истины, способ выражения в индивидуальной художественной форме всеобщей сущности вещей. А с точки зрения онтологии истина в искусстве Коста сочетается с по-

знавательной активностью творческого сознания поэта. Словом, исключительность Коста как гения заключается в его способности постичь гармонию разума и воображения, т. е. сути идеи совершенства, которая весьма грандиозно воплощается в его творчестве.

Орудием творческого познания для К. Хетагурова было духовное видение, которое отлично от рассудка, постигающего лишь связи между явлениями, и также от сложной системы ощущений, суть которых — в способности только созерцать.

Художественно-познавательная деятельность Коста — это путь специфического восхождения к осознанному внутреннему совершенству, механизм прозрения, постижения истины внутренним оком, душой.

Гениальность, индивидуально-психологические особенности помогли Коста стать творцом новых исторических форм сознания, стать явлением начала нового — модернизации. Так, суть исторического времени раскрывается в нем и через него, что позволяет поэту создавать новые системы ценностей.

А ценностные системы, у истоков которых стоял великий Коста, формируются, развиваются и трансформируются в историческое развитие осетинского народа. Так, существуя в конкретном обществе, К. Хетагуров реализовал собственный смысл существования, заключающийся в бесконечном стремлении к высшему и абсолютному благу для нации, народа. При этом Коста понимал благо как идеал и как добродетель, как нечто тождественное совершенству, как синтез истины, красоты и любви.

Коста очень высоко ставил роль художника в жизни современного ему общества и в соответствии с ней выдвигал проблему его социальной, нравственной, гражданской ответственности.

Сам Коста весьма ответственно подходил в поэзии к проблеме творческого созерцания и отражения фундаментальных основ национального бытия, которое он глубоко осмыслил и отразил в системе художественных образов.

В философии искусства Коста большое значение имеет выработанный им художественно-ценностный подход к явлениям культуры.

Таким образом, одним из центральных понятий философии культуры Коста является понятие творчества. Истинное творчество в представлении Коста возможно только при очевидности акта непосредственного переживания предмета, утверждения в нем человеческой души. Ведь именно эта человеческая душа во всем богатстве ее реальных проявлений и есть для Коста основной предмет познания.

Таковы в основном направления философии культуры К. Л. Хетагурова, определившие важнейшие вехи и в целом нравственно-этический и художественно-эстетический тип последующего культурного развития осетинского народа и по сегодняшний день тоже. То есть, художественное и культурное развитие осетин в семье братских народов России и сегодня продолжается в русле основных концептуальных направлений философской системы культуры К. Л. Хетагурова.

Глава 10. Социально-историческая и культурная обстановка в Осетии в начале XX в.

Еще в 80-е годы XIX века зарождается рабочее движение в Осетии. И связано это было с трудными условиями работы на Садонском руднике и Алагирском заводе: зарплаты были низкие, у рабочих был тяжелый быт при 12-часовом рабочем дне. Также их замучили бесконечными штрафами за малейшую провинность.

Первые выступления рабочих, доведенных до отчаяния условиями жизни и труда, относятся к 1881 году, когда они отказались работать. Но приехавший к ним начальник округа полковник Голубов убедил их в необходимости вернуться к работе.

Сказались и явные противоречия в экономике: разрыв между сельскохозяйственным, устаревшим способом производства и быстрым ростом промышленности, передовой технологией в сфере промышленного производства.

Так, в начале XX в. Осетия встретила начало империализма и вступила в водоворот мирового товарного обращения, вследствие чего ломаются остатки старинной осетинской патриархальной замкнутости. При этом создаются фабрики и заводы, рождаются разные формы капиталистической организации в промышленности, в сфере банковского кредита, обмена и т.д., а с августа 1904 г. акционерная компания обеспечивала электроэнергией улицы г. Владикавказ.

При этом подъем промышленности порождал хищническое отношение к горнорудным богатствам края. В начале XX в. в Осетии растет добыча цветных металлов. В крае работают общества и компании: «Терское горнопромышленное общество», «Горно-химическое общество Алагир», «Кавказская ртуть» и т.д.

Все это вызвало возмущение осетинской интеллигенции. Так, Е. Бритаев считал, что надо «избавить народ от проклятого ига царской власти»¹⁷⁵. А в вопросах государственного устройства Осетии требовал «широкого» местного самоуправления»¹⁷⁶, т.е. создание таких условий власти, «которая допускала бы самих иронов к устройению своей судьбы»¹⁷⁷.

Также и Ц. Гадиев в 1906 г. писал: «Мы уже не можем жить по-прежнему, мы больше не в состоянии терпеть наши мучения и страдания... Массы поняли, что власть одних над другими не является велением небес, и поднялись на борьбу, кто пером, а кто и делом»¹⁷⁸. В 1905 г. в с. Ардон состоялся съезд осетинской интеллигенции, вынесший резолюцию революционного характера: она требовала присоединения к российской социал-демократии. Надо заметить, что революционные кружки во Владикавказе появились уже в 1902-1903 гг., а Владикавказская группа РСДРП была создана в 1904 г. и сразу же развернула революционную агитацию.

Развитию революционных настроений способствовало начало русско-японской войны в 1904-1905 гг.

«Лучшие представители осетинской военной интеллигенции, составлявшие гордость российской армии, воевали на фронтах русско-японской войны, показывая личное мужество, храбрость и достоинство офицера, героя и патриота. Так, например, офицеры-осетины (ставшие впоследствии генералами) Дзамболат Абациев, Александр Борукаев, Асланбек Тебиев, Заурбек Тургиев, Афако Фидаров, Созрыко Хоранов и др. продемонстрировали качества воинов-патриотов: целенаправленность в действиях, отвагу, смелость, находчивость, подлинное бескорыстие и любовь к Родине»¹⁷⁹.

В 1904-1905 гг. в Северной Осетии активизируется революционное движение, распространяются листовки о бессмысленности русско-японской войны: «Народ и война», «К мобилизуемым» и т.д.

В мае 1905 г. во Владикавказе состоялась всеобщая забастовка рабочих с требованиями: установление 8-часового рабочего дня, ликвидация сословного строя и помещичьего землевладения, введение демократических свобод (свободы слова, печати, собраний). В июле того же года прошла стычка рабочих Владикавказской железной дороги. Тем же летом выступили и крестьяне с требованием решения земельных вопросов.

В 1905 г. администрация Ардонской духовой семинарии сообщала в Тифлис: «В Осетии ведется энергичная политическая пропаганда, и в ней принимают видное участие учителя осетинских школ». Такие учителя, как М. Гарданов, Х. Гетоев, Х. Уруймагов, Г. Гуриев и др. выступали как против правительства, так и за преобразование системы школьного образования, основу которого составляли по-прежнему церковно-приходские школы «Общества восстановления православного христианства на Кавказе»¹⁸⁰.

С острыми публицистическими статьями выступали К. Л. Хетагуров (в конце XIX в.) , Г. М. Цаголов, Г. И. Дзасохов, А. А. Гассиев, Е. Ц. Бритаев, Ц. С. Гадиев и др.

Развитие капиталистических отношений в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.) вело к усилению социальной дифференциации осетинского крестьянства, населения вообще.

Так, 31 января 1916 г. начальник Терской области Флейшер писал в «Ставропольско-Терское управление земледелия и государственных имуществ»: «Отлив мужского населения в армию повлек за собой недостаток рабочих рук, вследствие чего в области стало замечаться сокращение площади посевов...»¹⁸¹.

Это же подтверждал и С. М. Киров: «... кто бывал в горных аулах, тот не мог не заметить, что земельная собственность горца легко может быть прикрыта его собственной буркой»¹⁸².

При этом появлялись «временнопроживающие», о которых Г. Цаголов писал: «временнопроживающие» — один из самых обездоленных и многострадальных слоев нашего горского населения, родина их — нагорная полоса Терской области»¹⁸³.

Ведущее положение в экономике осетинской деревни занимала сельская буржуазия: кулачество, ростовщики, арендаторы и т. д. Положение крестьян было ужасным. Как писал Г. Цаголов, «В настоящее время среди аульного населения наблюдается страшная хозяйственная дифференциация. С одной стороны, мы видим буржуазию, сельских богатеев, имеющих иногда довольно солидные средства, с другой — аульную голытьбу, имеющую в лучшем случае одну лошаденку или пару еле двигающих ноги бычков...»¹⁸⁴.

Самое ужасное было то, что «Важнейшим вопросом в жизни горцев стал вопрос о деньгах». Взять проклятый всеобщий эквивалент (т.е. деньги — Р. Ф.) неоткуда горцу. Поэтому он должен по необходимости в ущерб питанию семьи, малых детей значительную часть молока, мяса, сыра, пшеницы сносить на рынок и превращать в деньги»¹⁸⁵.

Словом, происходит страшное дело: «Арендные земли попадают в руки «пауков»... Паук вздергивает цены до головокружительной высоты. Алчнее становится и без того алчная натура его и крепнет в деревне его всеотравляющая мощь...»¹⁸⁶.

В результате распространяется такое явление, как отходничество, т.е. уход крестьян на заработки на Бакинские нефтепромыслы, Садонский рудник, в города России, на Дальний восток, в Северную Америку. Все это, конечно же, итог имущественного расслоения и обнищания населения.

Первая мировая война (1914-1917 гг.) внесла большие изменения в жизнь осетин, которые сформировали: пехотную пешую бригаду, два осетинских конных полка, воевавших в составе «дикой дивизии», впоследствии преобразованной в «туземный корпус»¹⁸⁷.

В таких условиях, конечно же, усиливаются революционные настроения, подогреваемые революционерами всех мастей. Не удивительно, что «всевозможные общественные организации... в последнее время стали проявлять явную тенденцию внести в свою работу политическую окраску...»¹⁸⁸.

Особенно активным оказались большевики во главе с С.М. Кировым, приехавшим во Владикавказ в 1909 г. и сотрудничавшим в газете «Терек». По его инициативе в газете помещались материалы, посвященные творчеству К. Хетагурова, произведения А. Гулуева, драматурга Д. Кусова, писателя Дз. Гатуева, поэта и публициста Г. Цаголова. В газете постоянно печатались статьи и очерки о положении масс А. Гассиева, С. Такова, Г. Дзасохова, В. Абаева и др.

В статье «К изучению Кавказа», опубликованной в феврале 1911 г. в газете «Терек», С.М. Киров писал: «Если смотреть на Кавказ открытыми глазами, без всякого предвзятого мнения, то мы найдем в нем много элементов совершенно мирной культурной работы... И вместо того, чтобы по возможности возделывать непочатую кавказскую ниву, чтобы по мере сил содействовать произрастанию в ней здоровых зерен культурной жизни, интересующаяся Кавказом столичная пресса преподносит своим наивным читателям обширные повести «В стране абреков и прочих»¹⁸⁹.

Большое влияние на развитие культурного процесса в Рос-

сии имели статьи С. М. Кирова о Толстом, Достоевском, Островском, Некрасове, Салтыкове-Щедрине, Тургеневе. Все это формировало вкусы осетинских читателей. Значителен его вклад и в развитие театрального искусства Осетии. Он внимательно и заинтересованно следил за репертуаром Владикавказского театра, за ростом мастерства актеров, формированием их мировоззрения, разумеется, выполняя поручение своей партии. В развитии этико-эстетической мысли общества С. М. Киров ориентировался на утверждение принципов реализма и гражданственности, борьбы против декадентских тенденций.

Тогда же продолжал трудиться Г. М. Цаголов, который поднимал насущные проблемы жизни горцев: земельный вопрос, налоговую политику, правовое положение горских народов, нужды просвещения горского населения и другие.

Он резко критиковал пороки самодержавия, называя буржуазную цивилизацию «лакейской», колониальную политику царизма, деятельность торгово-ростовщического капитала, наличие патриархальных пережитков (калым, поминки, кровную месть и др.), перенаселенность горных ущелий с их суровыми природными условиями, т.е. все то, что усугубляло тяжесть положения горцев.

В статье «Культурное движение среди осетин» Г. Цаголов призывал осетинскую интеллигенцию задуматься над вопросом о смысле жизни, над тем, кому она служит? Утверждения о том, что она работает «для родины, для народа, для Осетии», — признак аморфности ее политических идеалов, полагал он, ведь «родина, народ, Осетия» — нечто туманное, расплывчатое, неясное, трудно осязаемое. Ведь в этой родине, в этом народе, в этой самой Осетии... в настоящее время благополучно существуют группы с самыми противоположными интересами». А потому интеллигенция должна встать на защиту интересов народа. Словом, Г. Цаголов требовал революционной ломки социальных устоев «края беспросветной нужды»¹⁹⁰. В стихотворении «На могиле Коста Хетагурова» он писал:

Вокруг редет мгла... Руси порабощенной
Зарю счастливых дней грядущее сулит...

Г. М. Цаголов боролся за всеобщее образование, выступал за открытие новых светских школ и очагов культуры, за обучение детей на родном языке, при этом подчеркивая и прогрессивное значение русского языка, необходимость глубокого изучения его в осетинской школе.

В начале века активно выступал и А. Гассиев. В рукописи сохранились его работы: «Осетинская грамматика, критически и сравнительно обработанная», «Этимологический словарь осетинского языка с пословицами, идиомами и сравнительно-филологическими замечаниями», «Задачи устройства быта сельского населения на Кавказе» и др.

Продолжал работать и Г. Б. (И). Дзасохов. Он окончил церковно-приходскую школу, Ардонскую семинарию и Казанскую духовную академию. Вернувшись в 1905 г. на родину, Дзасохов был вовлечен в водоворот революционных событий, стал редактором первой во Владикавказе социал-демократической газеты «Искра» — органа меньшевистского Терско-Дагестанского комитета РСДРП. Но вскоре Дзасохов был арестован, осужден и отправлен в ссылку. Поражение революции 1905-1907 гг. вызвало в нем растерянность и пошатнуло веру в возможность освобождения горцев.

Проблемы школьного образования затронуты в таких его статьях, как «О женской учительской школе Осетии», «О просвещении инородцев», «О конечной цели воспитания и образования», «Школа и жизнь», «Заветы Пирогова-педагога», «О просвещении мусульманского населения», «Среднее образование среди горцев» и др.

Много сил и времени Г. Дзасохов отдавал литературной критике. Он составил книгу К. Хетагурова, вышедшую из печати в 1909 г. «... Если когда-либо суждено будет развиваться осетинской литературе, то стихотворения Коста в ней займут самое почетное место»¹⁹¹, — пророчески возвещал Г. Дзасохов.

Умелым литературоведом-критиком он показал себя, анализируя творчество русских писателей. Часто публиковались его литературоведческие статьи в газетах «Казбек», «Терек», «Приазовье», «Южный телеграф» и др. Это его бротшора «Русское общество в произведениях Антона Чехова», очерк «Короленко среди современных писателей», текст его публичной лекции «Достоевский и Ницше», статьи: «О художественном таланте А. П. Чехова», «О реалистическом модернизме в современной беллетристике», «Настоящее русской литературы», «Письма к друзьям» и др.

Во всех своих статьях он верно определяет особенность передовой русской художественной литературы, ставшей своеобразной трибуной общественно-политической и философской мысли эпохи. Это ее призвание — служить народным интересам и способствовать тем самым общественному и историческому прогрессу, полагал публицист.

В деле просвещения народа и становления его национального самосознания большую роль сыграл Х. А. Уруймагов. Будучи учителем, он был последовательным сторонником идей демократической и общественно-педагогической мысли России; сторонником народной школы, свободной от «религиозных, сословных и государственных» ограничений и предрассудков, ведь цель ее — «всестороннее гармоническое развитие всех способностей человека»¹⁹². В своих публицистических статьях: «Школьное дело в Осетии», «Как христиановцы лишились школы», «Учебники в осетинских школах», «О значении осетинских школ в сельскохозяйственном отношении», «Начальная школа в Осетии» и др. Х. Уруймагов пропагандировал высокое назначение осетинской школы, утверждал ее великую роль в формировании духовности и нравственности народа. Он считал, что «школа должна преследовать исключительно цели культурного подъема населения, а отнюдь не стремление к ассимиляции, искоренению тех или иных этнографических особенностей населения»¹⁹³. Не приемля идей ассимиляции и потери осети-

нами своей культурно-эстетической самобытности, он в то же время выступал за повседневное приобщение горцев к русской культуре. «Мы, осетины, давно вошедшие в состав культурной семьи русского общества, пользующиеся плодами русской цивилизации, ясно осознаем, где спасение нашего народа. Это — образование на русском языке, важность которого... всем нам очевидна»¹⁹⁴, — писал он.

При этом Х. Уруймагов отдавал себе отчет в том, какую колоссальную работу нужно выполнить, чтобы создать почву, «благоприятную для умственной жизни народа и духовного его развития». А потому и вопрос о народном образовании, как он полагал, «есть самый важный, ведь в его разрешении лежит создание тех условий, от которых зависит успех всякого народа на пути прогрессивного движения»¹⁹⁵.

Г. Дзагуров родился в 1888 г. в с. Христиановском в семье учителя. Окончив Владикавказское реальное училище, он поступил на филологический факультет Харьковского университета, который окончил в 1912 г. Тогда же был направлен в Забайкальскую область, где проработал до 1917 г., и вернулся домой. К тому времени он успел собрать ценный фольклорный материал, составить список осетинских слов с переводом на русский язык для словаря В. Ф. Миллера, написать статью «Об ударении в осетинском (дигорском) языке», которая была высоко оценена В. Ф. Миллером.

С тех пор началась активная работа собирателя народной словесности, благодаря которому ныне сохранились лучшие народные песни, сказания, сказки.

Такова была общественно-политическая мысль в Осетии в начале XX в., отраженная в сознании и поступках лучших представителей интеллигенции.

Формирование интеллигенции в Осетии относится еще к первой половине XIX в. По своему социальному происхождению ее составляли алдары-бадеята (феодалы, дворяне), духовенство, крестьяне. Различна была и ее идейно-политическая

ориентация. Одни служили царскому правительству (А. Кодзаев, Г. Баев); другие примыкали к революционно-демократическому движению в России (А. Ардасенов, М. Абадиев, Д. Сохиев и др); третьи — активно защищали интересы народа и составляли прогрессивно-демократическую часть интеллигенции (К. Хетагуров, А. Гассиев, Г. Цаголов), были сторонниками ориентации на Турцию (М. Кундухов). В большинстве своем осетинская интеллигенция ориентировалась на Россию и русскую культуру. В основном северокавказская интеллигенция составляла два лагеря: просветительно-реформаторский (1860-1870-е гг.) и народничество (1880-1890-е гг.). Просветители И. Кануков и А. Гассиев воплощали «идеал европеизма», единства с Россией, антипатриархальной, антитрадиционалистической направленности. Народники же: К. Хетагуров, А. Ардасенов были сторонниками идеи социально-культурной горской «самобытности».

Итак, во второй половине XIX в. формируется осетинская интеллигенция, под влиянием русской интеллигенции и культуры. Права была В.Р. Лейкина — Свирская, подчеркнув, что «социальным критерием в изучении интеллигенции... служит ее профессиональная трудовая деятельность в пределах определенных функций, исторически обусловленных и расширяющихся по мере культурного развития общества. В функциях, осуществляемых интеллигенцией, — а в основном они состоят в работе для народного просвещения и здравоохранения, в исследовательской деятельности в области науки и ее технической практики, в отражении жизни в литературе и искусстве и т.д. — непосредственно отражается реальный культурный уровень страны»¹⁹⁶.

В конце XIX — начале XX века по проблеме формирования горской интеллигенции Кавказа появляются труды русских авторов. В некоторых из них несколько архаизировались общественные отношения. Так, Ф.И. Леонтович отмечал; что у горцев «сохранились институты глубокой старины»¹⁹⁷. М.М. Кова-

левский писал о том, что у дагестанцев господствует «родовая форма организации»¹⁹⁸.

Сторонники великодержавно-монархической школы пытались доказать отсталость горских народов и справедливость проводящихся там политико-военных методов. Это: Р. А. Фадеев¹⁹⁹, Н. Ф. Дубровин²⁰⁰, В. А. Потто²⁰¹, Д. Романовский²⁰², А. Л. Зиссерман²⁰³, В. Н. Иваненко²⁰⁴, С. Эсадзе²⁰⁵. А сторонники буржуазно-либерального направления больше обращали внимание на реакционную сущность политики царизма по отношению к горцам, на их тяжелое положение, на необходимость продуманной и гибкой национальной политики. Это: Г. А. Евреинов, А. Гассиев, П. В. Гидулянов, П. Гаврилов, Н. П. Тульчинский, Г. И. Туманов,

Итак, во второй половине XIX в. в осетинской культуре появились фигуры ренессансного типа — энциклопедически развитые, воплотившие в себе основные тенденции культурно-исторического развития. Такие, как К. Хетагуров, М. Туганов, — творческие индивидуальности «возрожденческого» типа, составившие единую культурную эпоху, **целостный культурный стиль национальной жизни**. Они во многом определили внутреннюю логику развития осетинской культуры, духовности и нравственности.

В конце XIX— начале XX в. сформировался новый качественный этап в осетинской культуре как относительно самостоятельной системе.

Относительная самостоятельность различных сфер культуры (музыки, изобразительного искусства, поэзии, публицистики, театра и т.д.) проявилась и в осознании собственной специфики, своего языка, и в формировании форм нового синтеза (театра, например), и в концептуализации понятия «творчества», и в представлениях о свободе творчества, ответственности творческой индивидуальности.

А понимание критериев творчества шло из области художественной культуры и религии, философии, нравственности,

политики, идеологии, социологии и вело к самой социальной практике, т.е. к реальной жизни. Свою роль сыграло, конечно, и переосмысление традиций русской демократической общественной мысли, послужившей благодатной почвой для новых форм культурного синтеза, как в центре России, так и в национальных окраинах. Суть понятия «творчества» вбирала в себя много компонентов: искусство (как индивидуальное творчество), философию, мораль (как способ существования творческого разума) и социальность (реальность).

Разумеется, целостный стиль культуры, как и всей духовности, нравственности на рубеже XIX и XX в., в начале XX в. во многом был детерминирован спецификой национально-этнического философского сознания и его доминантной — Ирондзи-надом буржуазного типа как этнического мировоззрения осетин.

Тенденции же пересмотреть ценности прошлого, вырабатывать новый подход к культуре, к жизни порождали острые противоречия, внутреннее напряжение культурно-исторической эпохи и вели к формированию новой системы ценностей. Коста Хетагуров воспринимал творчество как духовное обновление, как культурно-нравственный переворот. В начале XX века Цомак Гадиев и его современники и единомышленники, также понимали творчество как культурно-нравственный переворот, отменяющий старые художественные формы, рождающий новые, доселе невиданные. Они и восприняли революцию как очищающую грозу, водопад, сметающий на своем пути все старое, отмирающее.

Эта политическая ситуация, сложившаяся в сознании российского общества на рубеже двух веков, и особенно в начале XX в., дает ясное представление о духовной смуте, царившей в среде мыслящей и озабоченной судьбами своего народа интеллигенции, в т.ч. осетинской. В Осетии, на окраине Российской империи, атмосфера нагнеталась еще больше. С одной стороны, открывались школы, культурные учреждения, формировалась национальная

интеллигенция, с другой, — все напряженнее становилось политическое положение в Осетии и в целом на Кавказе.

Правительство, открывая светские школы на Кавказе, полагало это «мерюю, совершенно необходимою по военным и политическим обстоятельствам края в видах и упрочения нашего владычества (т.е. царских властей — Р. Ф.) на Кавказе»²⁰⁶, — как писал Е. И. Козубский. И в то же время активно идут процессы культурного строительства в Осетии.

Ставропольская гимназия продолжала играть значительную роль в подготовке северокавказской интеллигенции. Она была открыта 18 октября 1837 г. и вначале в ней было всего 5 классов, а с 1854 г. — 8 классов. Учащиеся гимназии изучали русский язык и словесность, историю, статистику, Божий закон, географию, естествознание, черчение, французский и ногайский языки, а факультативно — и греческий, арабский, немецкий языки.

До 4 класса все учащиеся занимались по общей программе, а с 5-го класса будущие чиновники, учителя и студенты, — каждый в своей группе — по спецпрограмме. Так, для будущих учителей в программу ввели педагогику и дидактику, а для тех, кто собирался дальше продолжать свое образование в российских вузах — и латинский язык. Все учащиеся занимались физическими упражнениями в специальном спортивном городке. Ежегодно на содержание гимназии казна тратила 8.519 рублей.²⁰⁷

Первые горцы-гимназисты в Ставропольской гимназии появились с 1849 г., а в 1883 г. в пансионате гимназии находилось: 20 осетин, 4 аварца, 3 абхазца, 3 ингуша, 3 кабардинца, 5 кумыков, 5 лезгин, 4 черкеса, 2 ногайца, 1 карачаевец и 1 чеченец.²⁰⁸

Как отмечал М. В. Краснов, «Ставропольская (кавказская) гимназия служила и служит просветительным целям не одной своей губернии, не одного Северного Кавказа, но частично и Закавказья...»²⁰⁹.

В 1905 г. на ее содержание из казны было выделено 71062 руб., тогда как на содержание Владикавказской гимназии — только 26583 руб.

...Стремление создать газету на осетинском языке зародилось в среде интеллигенции еще в XIX в. Так, в 1891 г. священник А. Гатуев обратился к архиерею с просьбой разрешить выпускать при «Терских ведомостях» прибавочного листка на родном языке, в котором предполагалось печатать: 1) объявление святого апостола; 2) краткое поучение народу; 3) суеверия и предрассудки у осетин; 4) устные народные осетинские произведения; 5) переводные стихи и другие произведения.²¹⁰

К сожалению, не сохранились документы, свидетельствующие об ответе архиерея. Во всяком случае, листок такой не издавался. Не увенчалось успехом и начинание общества востоковедов, образованное во Владикавказе в конце восьмидесятых годов XIX в. Оно 18 января 1891 г. обсудило вопрос об издании осетинской газеты. А. Кубалов, член этого общества, решил написать книгу «Руководство к изучению русского языка», о чем он писал В. Миллеру: «Как Вы находите? Я намереваюсь... ввести картины с двоякою целью, как наглядное обучение, да и к тому же... чтобы учащийся на русском языке рассказал содержание картины»²¹¹. Кануков, член того же общества, в 1890 г. составил осетинскую азбуку, которую посвятил В. Ф. Миллеру, она очень быстро разошлась по всем школам Осетии. В 1897 г. А. Кануков вместе с А. Кубаловым предприняли вторую попытку выпуска осетинской газеты и открытия издательского общества.²¹² Попытка эта тоже не имела успеха.

В 1901 гг. Цаголов публикует в газете «Терские ведомости» статью «Осетинское издательское общество»²¹³, где определяет проблемы, цели и задачи общества и приходит к выводу, что целесообразно издавать не только осетинскую газету, но и научно-популярную литературу, т.к. часть населения Осетии крайне невежественна и нуждается в просвещении. «Тьма незнания здесь царит издревле. Нужна усиленная работа, чтобы рассеять эту тьму», — писал он. Конечно, многое делает школа, которая «должна быть путеводной звездой и для издательского общества. Какой сильный удар в этом отношении может нанести из-

дательское общество, издав ряд научно-популярных сочинений по разным отраслям знаний: естествознанию, внести в дымную и убогую саклю осетина эти маленькие брошюры в 3-5 копеек стоимостью». Очень важной задачей издательского общества Г. Цаголов считал, создание «в Осетии читателя, который любил бы книгу настолько, чтобы мог отдать за нее какой-нибудь пятак»²¹⁴.

Действительно, грамотность осетин в это время составляла всего 8% от общей массы населения. Как писал Г. Баев в письме Шанаеву, «Одним из насущных вопросов в современной жизни Осетии является вопрос о родной письменности. От рационального решения этого вопроса зависит все дальнейшее поступательное движение осетин по пути культурного развития... книг на родном языке нет, а потому по выходе из школы прекращается дальнейшее развитие и воспитание народа. Кругозор его остается одним и тем же... только родная книга может разнести свет новой жизни в глубину народной массы. Почва готова. Материалы имеются. Изданная в 1897 г. поэма А. Кубалова «Авхардты Хасана» — 1000 экземпляров — разошлась в два месяца. Цензурою разрешена к печати недавно новая книга — Коста «Ирон фандыр», к изданию ее уже приступлено»²¹⁵.

О возрастающем интересе к культуре народа пишет Т. Габуев в письме к Г. Баеву в самом начале XX в.: «... было бы очень хорошо, если бы наши известные ученые обратили внимание на наш язык, обогатили бы его, внесли бы в язык архаичные слова, забытые нами. Мы очень встревожены, что молодежь, оканчивающая Ардонскую духовную семинарию, неважно владеет родным языком. Нет книг, нет газет. Посредством чего тогда учиться языку. Молодежь семинарии очень желает учиться на своем языке, но нет книг, был «Ирон фандыр» Коста, да и тот стал редкостью. Как же нам быть? Есть у нас церковные книги, но их душа не желает терпеть и читать. Да и язык у них негодный...»²¹⁶.

В 1905 гг. Баев опять ходатайствует перед наместником Кав-

каза о разрешении осетинской еженедельной газеты во Владикавказе. Получив отказ, местная интеллигенция образовала издательское общество, которое намеревалось иметь свой печатный орган. Общество было названо «Ир» («Осетия») и первое его заседание прошло 1 октября 1905 г. Было избрано правление в составе: писателя А. Кубалова, учителя Х. Уруймагова, врача Дз. Газданова, адвокатов А. Канукова, Д. Шанаева. Г. Баева и др.

Председателем правления стал Д. Шанаев, секретарем — А. Кубалов²¹⁷. Устав общества был разработан в декабре 1905 г.²¹⁸ Но вскоре «по распоряжению начальника Терской области устав 1905 г. был изъят и деятельность общества приостановлена»²¹⁹.

В январе 1906 г. А. С. Бутаев, член общества «Ир», решил издать газету на родном языке под названием «Фидиуаг» («Глаштай»), но опять получил отказ.

Вскоре, а именно 21 апреля 1906 г., газета «Терек» сообщила, что «канцелярия генерала предложила Горскому обществу распространения образования взять на себя осуществление тех задач, которые поставило издательское общество... Вопрос этот в скором времени будет рассмотрен правлением общества распространения образования»²²⁰. Но слова эти остались пустым обещанием.

Осетинская интеллигенция с большой надеждой думала о будущей газете на родном языке. «Первая газета!.. — Писал Ц. Гадиев — Нужен был опыт, умение подойти к еще непочатому делу, нужен был сплоченный состав сотрудников, желавших работать без оплаты. Нужны были хоть незначительные организационные средства, нужен был авторитет... Был один человек, который обладал и опытом, и авторитетом, вокруг имени которого могли бы объединиться многие и многие, имя которого могло бы, наконец, стянуть средства и силы. Этот человек был Коста Хетагуров, но он умер ранней весной этого года. Однако жизнь повелительно ставила на очередь вопрос об издании осетинской газеты»²²¹. Уже был избран редакционный коллектив, который ожидал разрешения местных властей и состоял из двух групп.

Одна из них, «старшее поколение», стремилась с помощью газеты «учить грамоте, распространять знания, сообщать о том, что происходит вокруг, как живут другие народы, искоренять вредные обычаи, поднимать культурный уровень осетинского населения». «Младшая часть» ставила несколько иные цели; и прежде всего освобождение народа. Она была «охвачена лозунгами политической свободы, национализации земли, борьбы за народное дело и ее симпатии всецело и безраздельно были на стороне поднявшегося народа»²²².

Наконец-то в апреле 1906 г. А. Бугаев добился разрешения издавать осетинскую газету «Фидиуаг»²²³, тогда же был назначен официальный цензор — коллежский секретарь Д. С. Газданов²²⁴. Но газета стала называться не «Фидиуаг», как предполагалось, а «Ирон газет»²²⁵.

Редактором ее стал А. С. Бугаев. 23 июля 1906 г. вышел первый номер газеты. «Газету, свою газету, — все чаще и явственнее раздавалось в осетинских селах и аулах, — вспоминал Ц. Гадиев. — Это сознавалось большинством интеллигенции и частью служащих и рабочих-осетин... Поздно вечером, в субботу, 22 июля набор уже был закончен и сверстан...

Перед типографией собралась изрядная группа людей, ожидавших выхода газеты...»²²⁶. В передовой статье первого номера отмечалось: «Издавать газету нелегко, но чувствуя ее острую необходимость для непросвещенного народа, для которого она может стать лекарством жизни, мы будем ее издавать по мере своих возможностей. И мы не должны отставать от развитых ученых народностей. Наш народ любит книгу, любит школу.

Осетинская газета для нашего народа должна стать настоящей школой для всех...»²²⁷. То есть газета с первого номера четко определила свои культурно-просветительские задачи. Здесь же отразилась и позиция «младших». «Россия намерена изменить существующий строй. — Отмечалось в передовой. — Новый строй установит отношения между людьми... Мы должны быть готовы к этому, — вот почему сегодня, как никогда, необходима

осетинская газета... Давно пора увидеть свет и осетинскому народу. Сколько можно жить в потемках. Невольно вспоминаются слова поэта Коста Хетагурова:

Дети Осетии,
Братьями станем
В нашем едином
И дружеском стане.
С нами высокое
Знамя народа.
К свету, с победною
Песней похода!
К правде сверкающей
Смело шагайте!
Труссы, бездельники,
Прочь! Не мешайте!²²⁸

Рождение осетинской газеты было встречено другими изданиями одобрительно. Так, «Отклики Кавказа» писали, что: «...во Владикавказе вышел первый номер осетинской газеты «Ирон газет», ставящей целью... служение Осетии... и которая берет на себя благодарный, но вместе с тем тяжелый труд. Нужно обладать весьма большой настойчивостью, умением, а главное, любовью к своему народу, чтобы с честью нести это трудное дело»²²⁹. А грузинская газета «Шрома» («Вперед») отмечала: «Из наших соседей, мелких национальностей Северного Кавказа, самой культурной считается осетинская нация. В Северной Осетии (в Терской области) за последнее время заметно развилось просвещение, 23 июля вышла первая осетинская газета «Ирон газет», имеющая прогрессивное направление. Своей обязанностью эта газета считает в силу своих возможностей служить осетинам... внести в среду осетин просвещение... Новая Осетинская газета не стесняется разоблачать недостатки своего народа. Это первый признак того, что у осетин хорошее будущее и что новая газета принесет пользу нации»²³⁰. Однако газета просуществовала всего 29 дней — с 23 июля по 20 августа. За

это время вышло всего 9 номеров. Вот что сообщала газета «Терек»: «Заккрытие первой осетинской газеты, вызвавшей у населения громадный интерес к современной культурной жизни с ее новыми требованиями и запросами, произвело на всю Осетию удручающее впечатление. С нетерпением ожидается выход новой осетинской газеты. В осетинских селениях, где газеты расходились в большом количестве, подписная плата собиралась группами лиц в складчину и выписывались они на имя одного грамотного человека, который по получении номера спешил на «нихас», садился в «круг лиц, уплативших за газету и других, и громко принимался за чтение. Теперь на осетинских «нихасах» только и слышится: «Когда же к нам придет наша газета?»»²³¹.

Газета сыграла роль народной трибуны, давала возможность интеллигенции высказать свои взгляды и свое видение проблем времени.

Вообще большую роль в становлении осетинской художественной литературы сыграла журналистика.

«Коллектив писателей и публицистов, сосредоточенный в газете или журнале, — это уже направление в литературе, это живой литературный процесс»²³², — отмечает известный литературовед З. М. Салагаева.

Уже в первых номерах первой осетинской газеты «Ирон газет» была разработана программа и политическая направленность газеты.²³³ Уже в первых номерах газеты были опубликованы материалы о творчестве ведущих писателей, в частности, Е. Бритаева и Ц. Гадиева.

Как отмечает З. Салагаева, «В осетинской прессе начала XX века складывается своя литературная система, в которой и художественная проза подчиняется общему направлению этих газет и журналов»²³⁴. Так, «Ирон газет» отличалась яркой публицистичностью, подчиненной революционной идее, борьбе за народные интересы. Вокруг редакции сплотились осетинские писатели, как мы уже отмечали, выделилась «старшая часть», полагающая, что писателям в газете следует ставить только

культурно-просветительские задачи, и «младшая часть», предпочитающая революционные идеи. В целом, возглавлял редакцию революционер Асланбек Бутаев, ставший подлинным организатором литературных сил и талантливых писателей — публицистов. На страницах газеты поднимались вопросы о земле и свободе. Основным жанром стала публицистическая статья. Во всех номерах газеты (а всего вышло 9) с публицистическими статьями выступали А. Бутаев и Ц. Гадиев. Так, А. Бутаев в статье «Земельные дела» (№1) писал о безземелии «осетинских крестьян. В статье же «Кто ест землю?» (№5) отмечал отсутствие земли и у русских крестьян. В передовой статье в №8 он уже выдвинул идею объединения осетин и русских в борьбе за свободу: «Наш народ тоже должен действовать в том же направлении, что и русский. Борьба в России идет за бедных и обездоленных, за то, чтобы их больше не угнетали».

В №1 Цомак в статье «Гудское ущелье» тоже ставит вопрос о земле и спрашивает: «Когда мы избавимся от тех, которые над нами глумятся?».

Как отмечает З. Салагаева, статья Цомака весьма приближена к художественной прозе.²³⁵ Так, в первой части статьи дана картина прекрасной горской природы, во второй — картины безобразий в реальной жизни. То есть действие разворачивается по приему контраста и во многом напоминает стихотворение А. С. Пушкина «Деревня».

В №2, 3 опубликована статья Цомака «Жизнь России», в которой автор пишет о революционном движении в России, а в статье «Арагвийское ущелье» — о тяжелой жизни горцев.

Кроме публицистической статьи в «Ирон газете» зарождается и очерк на осетинском языке. Как правило, очерк исходит из реального, конкретного жизненного факта. Поэтому особенностью его как жанра в том, что значительно (по сравнению с публицистической статьей) возрастает роль автора в нем. И, значит, эмоциональное воздействие очерка существеннее. В определенном смысле можно сказать, что очерк сбли-

жается с жанром рассказа. И поэтому он играет столь важную роль в становлении осетинской литературы. Дело в том, что соотношение факта и его художественное воплощение в очерке своеобразное, творческое: факт не ограничивает возможности художественного вымысла.

В «Ирон газете» с очерками выступал Камболат Уртаев под псевдонимом «Дыдын бындз». В его очерках документализм гармонично «уживался» с художественным вымыслом. И в целом язык его очерков отличался яркой образностью, т. к. в них активно и творчески использовались осетинские пословицы и поговорки. Кроме того, автор поднимал актуальные вопросы современности. Так, он писал о жестокой эксплуатации («Крысы»), о вредных обычаях («Кто похищает девушку»), о разбое («Верующий»). В очерке «Верующий» К. Уртаев создает живые художественные образы. Так, ревностный богомолец, старик украл теленка у бедной вдовы, потерявшей единственного сына. Через подробное описание обстановки, деталей быта, портретов героев автор раскрывает художественные характеры, разоблачает лицемерие, ханжество, склонность к воровству старика, постоянно демонстрирующего свою приверженность к вере.

Впервые в «Ирон газете» появляются и рассказы. Так, рассказ Сабана Коченова «Новая бурка» написан в форме исповеди, с элементами психологизма. Две встречи героя (с лихим всадником и стариком) изменили в корне его представления о чести, героизме и благородстве. Сюжет своеобразен: старик, человек с обостренным чувством собственного достоинства, великодушно щадит героя за похищение бурки и этим фактом заставляет его сильно переживать...

В целом, конечно, работа в газете явилась замечательной школой мастерства для осетинских писателей.

В марте 1907 г. в Тбилиси выходит вторая осетинская газета «Ног цард» («Новая жизнь»). Она носила более умеренный характер, т. к. свои революционные идеи авторы доносили до чи-

тателя не через публицистику, а через различные художественные произведения. И это дало мощный толчок к развитию литературы. Тогда активно печатались в газете такие мастера, как Сека Гадиев, Рутен Гаглов, Калцыко Томаев, Ефим Гулиев и др.

Заслугой данных писателей явился необычайно возросший интерес к историческому прошлому Осетии, проявленный в произведениях, опубликованных на страницах газеты. Рассказ Н. Джигоева (псевдоним «Дзабидыр») «Бега» написан был на основе народных легенд о приходе русских на Кавказ. Историческую тему разработал в своей повести «Заброшенные башни и замок на скале» К. Томаев (псевдоним Хъ. Тыррыджы-фырт). Рассказы же и очерки Е. Гулиева изображали современную эпоху. Так, об отсталых и разорительных обычаях и обрядах он писал в рассказе «Два путника», о правах горянки в рассказе «Гость».

В рассказах и очерках Р. Гаглова разрабатывалась тема революционной борьбы. Так, герой рассказа «Две дороги» Георгий, молодой офицер, раздумывает: «с кем быть?». Впервые автор использовал эпистолярный стиль: друг Георгия, сам революционер, пишет ему, стараясь привлечь его на свою сторону. Из письма явно возникает образ настоящего борца за народные идеалы. Герой рассказа Вано Абаева «Пирушка» — тоже молодой офицер, который начинает понимать, где правда и идет на протест против своей среды.

Герой рассказа Михела Караева «В тюрьме» — молодой человек, приговоренный к повешению за революционную деятельность, но он не выдает своих товарищей. Автор убедительно раскрывает внутренний мир героя, любящего сына своей матери, верного друга.

В рассказе Е. Бритаева «Озеро» отражается поражение революции 1905 г. Лягушки, возмутители покоя, вдруг решили изгнать своих врагов — уток, бекасов, цаплю. И озеро пришло в движение. Рассказ «Озеро» написан под влиянием «Песни о Буревестнике».

В рассказах Ислама Датиева «Легенда о пасхе» и «В тюрьме» раскрывается библейский сюжет о распятии Христа, с образом которого соотносятся образы революционеров.

В газете публикуется знаменитое выступление Розы Кочисовой «К осетинским девушкам», явившееся своеобразным призывом к свободе осетинки.

В рассказе Гала «Учитель» показано, как учитель, интеллигент переходит на сторону народа.

16 сентября 1907 г. выходит первый номер журнала «Зонд» («Знание») под редакцией А. Канукова. Всего вышло два номера журнала. Журнал преследовал просветительские цели. В нем были опубликованы: рассказ С. Гадиева «Азау» и очерк Бола Дзусова «Осетины в Турции».

С 24 февраля 1909 г. во Владикавказе выходит газета «Хабар» («Известие»), целью которой была повсеместная борьба со злом, пропаганда истории, фольклора, осетинской литературы. Так, в №6 (8-15 апреля 1909 г.) в «Хабаре» были опубликованы «Наши задачи», среди которых значилось: «Печатать лучшие произведения осетин, кабардинцев, чеченцев, кумыков и других народностей Северного Кавказа. В №8 была опубликована «Песня о Соколе» М. Горького в переводе С. Мамитова.

14 февраля в Тифлисе вышел журнал «Афсир» («Колос»). Всего вышло 14 номеров. Редактором журнала был Арсен Коцоев. Журнал способствовал развитию жанра рассказа. Так, в журнале были опубликованы рассказы: Хоха Тлатова «Кого ждала очаровательная красавица»; Петра Тедеева «Что самое лучшее на земле», «Дружба»; Е. Тменова «Кто съел хлеб?», А. Коцоева «Пасха Гиго», «Ганифа».

В осетинских газетах и журналах печатались переводы произведений Л. Толстого, М. Горького, А. Казбеги, Андерсона и др. Так, в газете «Ног цард» (1907) появилось много переводов Л. Толстого, сделанные Камболатом Есиевым. В газете «Хабар» (1909, №7) редакция поместила объявление: «Редакция просит перевести на туземные языки».

В начале XX века в осетинских газетах и журналах публикуются произведения Л. Толстого в переводе на осетинский язык: «Разрушение ада и восстановление его» (Ног цард, 1907, №73), «Бог правду видит, да не скоро скажет» («Афсир», 1910, №14), «Суратская кофейня» («Афсир», 1910, №7). В них поднимались актуальные и для осетинского крестьянства вопросы, в частности, о безземелье.

Мастерами перевода явились Цоцко Амбалов, Камболат Есиев, затем Бабу Зангиев. В 1906 г. Б. Туганов перевел «Манифест коммунистической партии». Безусловно, переводческая деятельность помогала осетинским писателям совершенствовать свое мастерство.

Итак, как мы уже отмечали, этико-эстетический идеал имеет национальное своеобразие. Любой народ формирует свои специфические, присущие только ему представления о добре и зле, прекрасном, возвышенном, трагическом, комическом и безобразном в жизни. Анализ конкретных жизненно важных проблем, этических и эстетических категорий, воплощенных в художественных произведениях осетинских писателей и поэтов исследуемого нами периода, дает возможность полнее раскрыть их этические и литературно-эстетические взгляды.

Уже в конце XIX в. обостренный интерес вызывают в общественном сознании такие **фундаментальные философские и этико-эстетические понятия, как проблемы разума и любви в человеческой жизни, каноничность традиций**. В связи с этим как раз осмыслились творческими людьми вопросы о художественном методе, особенностях восприятия искусства, реализации на практике этических и эстетических категорий. Словом, закладывались основы этики, эстетики и литературоведения, теории литературы, искусствознания.

Если художественная литература и искусство в сути своей формируемы художественным сознанием народа — субъекта, творца духовно-нравственных и художественных ценностей, то литературоведение и искусствоведение вполне трактуемы как

самосознание художественной литературы и культуры в целом. У осетин, одного из древнейших народов, обладающего значительной художественной культурой, рождение литературы, а следовательно, и литературоведения как ее самосознания, было вызвано объективными факторами культурного ренессанса, который особенно ярко проявил себя в конце XIX — начале XX вв. Это пробуждение национального самосознания, исторического сознания, когда особенно обострился интерес общества к истории Осетии. Начала формироваться философская мысль, открывались храмы, музеи, школы. Менялось отношение к печатному слову, к книге, к литературе. Развивались библиотечное дело, книгоиздательство, периодика. Все это вело к становлению осетинской интеллигенции. В конце XIX появились художественные объединения, общества, проводились диспуты, организовывались выставки.

В среде интеллигенции утвердилось представление о школе, библиотеке, музее как социальных институтах культурной преемственности, а о письменности — как главном ее инструменте, средстве передачи опыта от поколения к поколению.

Происходил в конце XIX в. сложный историко-художественный процесс, в котором осетинская культура формировалась как *системная целостность*, приобретала подлинные черты общенационального развития. Объективно продолжалось *культурно-национальное строительство*.

В развитии осетинской художественной литературы и рождении будущего литературоведения определенную направляюще — ориентирующую роль сыграла концепция изображения горского национального характера в произведениях просветителей.

Литература обогатила формирующееся художественное сознание мощным влиянием русской культуры, которое продолжается и по сегодняшний день. Культурно-исторический процесс органично связан с именем К.Л. Хетагурова, основоположника осетинской литературы, осетинского литературного

языка, как мы уже подчеркивали. Итак, искусство и литературу он рассматривал как сферу сосредоточия всех нравственных, художественных и эстетических проблем, во-первых, и, во-вторых, как социальный феномен, который активно влияет на ход общественного развития в целом. А потому и задачи литературы и искусства Коста рассматривал как практическое распространение реального просвещения, как нравственно-духовное и индивидуальное развитие личности и общества в целом.

Коста также заложил основы осетинской литературно-художественной критики. В дальнейшем на протяжении всей истории осетинского литературоведения, даже и по сей день, **фундаментальный подход Коста к пониманию многих основополагающих понятий и принципов литературы и искусства**, продолжают только развиваться, не теряя ни своей актуальности, ни своей остроты.

Большую роль в зарождении осетинского литературоведения внес и Гаппо Баев, как мы уже отмечали в предыдущих главах.

Он писал критико-биографические статьи о Коста Хетагурове, Александре Кубалове, Георгии Цаголове и Цоцко Амбалове. В них ярко проявились его эстетические взгляды.

Впоследствии интеллигенция, ориентируясь на высокие образцы требований, предъявляемых Коста Хетагуровым, продолжала его традиции. Надо заметить, что в начале XX в. складывалась не простая социально-историческая ситуация. И тому были свои причины: идеология марксизма проникала в общественное сознание горцев. Вскоре грянула и первая русская революция. Вместе с тем успешно развивалась осетинская литература. Нелегко складывались судьбы талантливых писателей Ц. Гадиева, Е. Бритаева, Г. Баракова, А. Токаева, Нигера (И. В. Джанаева), Г. Малиева, С. Баграева, Ч. Беджызаты. С. Кулаева и др. Тем не менее, весьма активной была литературно-культурная жизнь во Владикавказе. Формировались творческие коллективы: «Владикавказский кружок любителей драмы и музыки» (1917). «Осе-

тинское историко-филологическое общество» (1919). Первые самостоятельные драматические кружки (1904-1905) сыграли значительную роль в пропаганде пьес Е. Бритаева, Д. Короева, Р. Кочисовой и др., в постановке переводов произведений Лермонтова, Островского, Гаршина, Вересаева, Казбеги, Андерсена, Гогобашвили, Цагарели и др.

Уже к началу XX в. осетинская культура восприняла традиции русской культуры, что способствовала диалектике и динамике связи национального и общечеловеческого. *Искусство рассматривалось как средство познания и отражения действительности и художественно-эстетического, нравственного воспитания масс.* Отсюда необходимость утверждения *принципов народности и самобытности искусства, проблема связи художника с народом, изображения роли личности в искусстве, соотношения национального и общечеловеческого в искусстве* и др.

Так, осетинское искусство развивалось, совершенствовалось, формировались этические и литературно-эстетические взгляды, представления и концепции. При этом важнейшей задачей литературы и искусства являлось **пробуждение народного самосознания, воспитания гуманизма, патриотизма и гражданственности, пропаганда идей просвещения, прогресса и свободы.** Конечно, на становление подобных взглядов влияли литературно-эстетические принципы осетинских писателей и прогрессивная этическая и эстетическая мысль народов России. В основе их этики и эстетики легли базисные положения просветительского искусства, в частности, **решение проблемы гуманизма в искусстве, специфика раскрытия духовного мира личности, духовной культуры народа, глубины души человека.**

Рождалось представление о назначении искусства — его служении народу, о том, что оно должно быть доступно широким слоям населения; что оно должно достоверно и правдиво отражать духовное богатство народа, должно преобразовывать взгляды, мысли и чувства человека, — т.е. активно уча-

ствовать в преобразовании мира в лучшую сторону, в сторону прогресса.

Научная мысль в Осетии начала складываться во второй половине XIX в. под благотворным влиянием русских ученых В. Ф. Миллера, М. Ковалевского, Д. Лаврова и др., пробудивших глубокий интерес к исторической судьбе родного народа в изменившихся социально-политических и экономических обстоятельствах передовой части осетинской интеллигенции. Они по существу изменили общественное сознание эпохи, неизмеримо обогатив его.

Продолжая глубокие аналитические традиции историко-этнографического исследования, заложенные в очерке «Особа» К. Л. Хетагурова, создают свои труды по вопросам экономики и культуры Осетии такие публицисты, как А. А. Гассиев, М. К. Гарданов, Г. М. Цаголов, Г. Б. Дзасохов и др. Большой интерес представляют книга М. Гарданова «Социально-экономические очерки (Современная Северная Осетия», 1908 г.) и книга Г. Цаголова «Край беспросветной нужды» (1912 г.), в которых используются статистические методы анализа и на большом фактическом материале сделаны серьезные научные обобщения.

В то же время закладываются основы научного литературоведения, в котором четко просматриваются особенности народного нравственно-этического сознания. Так, Г. Дзасохов пишет статьи о творчестве Коста Хетагурова, дает анализ произведений многих русских писателей, особо подчеркивая их нравственно-этические искания.

В 1903 г. Баев публикует свой очерк «Осетинский дивизион», посвященный исследованию боевого пути дивизиона в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. В том же году вышла книга Л. Н. Кодзаева «Древние осетины и Осетия», которая, однако, уже тогда передовой интеллигенцией не была воспринята как научная история народа.

Через 10 лет, в 1913 г. увидела свет «История Осетии» («Иры истори») Ване Темирханова, явившаяся свободным пересказом

некоторых исторических событий с довольно субъективной их трактовкой автором. Она, конечно, тоже не могла отвечать насущным потребностям передовой интеллигенции в области научного знания, знания истории, культуры, фольклора, этнографии.

В начале XX в. на развитие общественной мысли в Осетии свое заметное влияние оказывали идеи русского революционно-освободительного и социал-демократического движения. Идеи марксизма-ленинизма особенно активно проникали в освободительное движение осетинского народа с 1905 г., что связано было с началом первой русской революции. На рост классового и национального самосознания осетин влияли и революционно-демократические традиции Коста Хетагурова, которые молодое поколение интеллигенции продолжало в новых исторических условиях. Однако же и это поколение, как и старшее, руководствовалось такими моральными и идейно-политическими факторами, как любовь к Родине, верность интересам трудящихся, самоотверженность в борьбе за свободу и счастье родного народа, приверженность принципам патриотизма и пролетарского интернационализма, стремление создать подлинно народную, демократическую культуру. Это молодое поколение уже ориентировалось на теорию марксизма. Более того, как верно отмечал М. С. Тотоев, «...передовая осетинская интеллигенция, знакомая уже с марксистской литературой, в общественном движении, в революционно-освободительной борьбе играла более активную и более действенную роль, чем интеллигенция второй половины XIX в. Ее представители не только вдохновляли и возглавляли революционную, классовую борьбу рабочих и трудового крестьянства края, но и всей литературно-публицистической деятельностью способствовали дальнейшему развитию в Северной Осетии общественно-политической мысли, включая в это понятие и марксистскую мысль»²³⁶. Это существенно определило и некоторую новизну в развитии национальной культуры. Пришли в движение дремавшие прежде

духовные и интеллектуальные силы народа, что способствовало формированию самобытного характера культуры, которая жадно впитывала в себя опыт и традиции более прогрессивной русской культуры.

Во Владикавказе возникли любительские театральные, музыкальные» художественные кружки. Любительскими спектаклями руководил выдающийся русский режиссер Е. Б. Вахтангов.

Осетинский кружок любителей театрального искусства поставил спектакли на осетинском и русском языках: драму «Хазби» Е. Бритаева, оперетку «Фаризат» А. Кубалова, «Дети гор» Д. Кусова, «Осетины в России» Хубаева. Как отмечали «Терские ведомости», по содержанию и «по количеству действующих лиц» драма «Хазби» превосходят «все, что доселе появлялось в этом роде на осетинском языке»²³⁷. Спектакли ставились в благотворительных целях, для созидания фонда по изданию газеты на осетинском языке, для оказания помощи осетинской молодежи, обучающейся в России, а также для общегородских нужд.

На постановки осетинского театрального Кружка собирались не только городские осетины, съезжались и сельские жители. И встречи эти сопровождались осетинскими танцами.

Борьба с безобразным и низменным, что было в жизни общества, поставила искусство Осетии начала XX в. в ряд передового искусства России. Главный же вопрос осетинской этической и эстетической мысли был вопрос о сущности этического и эстетического сознания, об этическом и эстетическом отношении искусства к действительности. Само же искусство воспринято было как сложная форма общественно-эстетического сознания. Очевидной была связь искусства с жизнью общества. При рассмотрении проблем искусства главным принципом стал принцип научного анализа, историзма.

Итак, осетинская культура в конце XIX — начале XX в. пережила в своем развитии новый качественный этап. Именно в

этот период сформировалась относительная самостоятельность различных сфер культур. Пришло осознание важности и реальности собственной специфики, своей эстетики, своей этики, своего языка в музыке, изобразительном искусстве, поэзии, публицистике и т.д. Тогда же осуществлялись попытки рождения такой формы нового синтеза искусств, как театр.

Общественная потребность в эволюции художественного сознания проявилась в стремлении сохранить социально значимую жизнедеятельность народа. Это очень важный существенный момент в методологическом и теоретическом понимании и трактовке сути этического сознания вообще и этического сознания осетин, в частности, на рубеже XIX — XX веков, а особенно в начале XX века, когда резко обострилась общественно-политическая ситуация.

Этническое сознание осетин имеет свои особенности: активность и историзм в отражении действительности, диалектике чувственного и логического, индивидуального и социального, когда в художественной культуре, в искусстве, являющихся основной формой отражения этического сознания наряду с другими компонентами — объектами духовной жизни (обычаями, обрядами, традициями и т.д.), повседневным бытием субъекта (человека, этноса — народа — нации), — проявляется вся сущность социального бытия, весь человеческий опыт всех поколений осетин, живших на земле когда-либо. Определяющим же фактором этнического сознания к началу XX века становятся идеи гуманизма, нравственного и духовного воспитания каждого члена общества. И это не случайно. В сфере художественного сознания происходит логическое становление многих морально-этических представлений, взглядов, идей.

11. 1. Проза

Зарождающаяся литература приобретает и боевой, наступательный характер, выражая открытый протест против насилия над человеческой личностью. В этом тоже проявляется влияние марксистского этапа освободительной борьбы, первой русской революции, оказавшейся очистительной бурей в духовном бытии горцев. Весьма любопытны в этом аспекте рассказы Сека Гадиева 1907 года «Айсса», «Залда» и др. «Каких бы вопросов Сека Гадиев ни касался, — пишет З. Салагаева, — будь это вопросы христианско-проповеднического характера или истории Осетии, — в центре внимания его всегда тема родины, судьбы, народа»²³⁸. Часто выступал писатель с осуждением вредных обычаев и традиций горцев.²³⁹

Художественное мышление продолжает характерологические поиски, формирует свою линию в изображении национального характера, диалектически развиваясь и закладывая основы реалистических традиций, взявших от фольклора все лучшее и в корне ушедших от фольклорной традиции, от фольклорной системы изображения характера. В рассказах Сека Гадиева уже заметно нарушаются фольклорные эстетические каноны, здесь заметна тенденция к всесторонности изображения человека, к психологической дифференцированности, к психологической многоплановости.

В рассказе «Айсса» стражник не только взяточник, но и лицемер, предельно жаден, коварен, глуп. Правда, писатель еще не сумел окончательно «размежеваться» с фольклорной системой изображения человека: отрицательный герой у него во всем отрицателен. Такой подход объективно правомерен: читатель, которому адресован рассказ, тоже еще не преодолел фольклорный

уровень понимания человека и фольклорную категоричность мышления. Литература как форма общественного сознания, хотя и опосредованно, но отражает бытие. Это одна закономерность развития художественного сознания. И вторая — зависимость диалектики уровня писательского мышления от художественной культуры его народа, его социально-исторического опыта. Художественное мышление тесно связано с другими формами общественного сознания: в частности, идеологией и общественной психологией. Необходима определенная духовная работа, чтобы осмыслить художественное произведение и созданный в нем художественный характер. А к такой духовной активности читательская публика еще не подготовлена.

Что же нового вносит писатель в художественное мышление своего народа на столь ответственном историческом этапе его художественного развития? Чтобы ответить на этот вопрос, объективно надо помнить, что осетинская литература еще не владеет всей палитрой приемов художественного изображения действительности, хотя уже в ней делаются попытки неосознанно постичь законы романной жанровой формы. Так, в рассказах Сека Гадиева наблюдается усложнение событийной канвы, вставки внешне драматических эпизодов (битва, всевозможные встречи с опасностью и т. д.), типично романная интрига: любовная и т. д. В то же время в весьма любопытных, приближенных к романной жанровой форме произведениях С. Гадиева, выражается объективная, определенная временем и обстоятельствами, ограниченность художественного «кругозора»: в них глубинная суть конфликта не всегда раскрывается, отсутствуют психологически усложненные характеры, в развитии сюжета не всегда выдержана внутренняя связь, логика, не всегда последовательно анализируются мотивы и поступки героев.

Тем не менее заслуга писателя в том, что он в период роста национальных литератур региона практически осуществил сложный, трудный переход к новым принципам и формам эстетического освоения действительности в ее конкретных про-

странственных и временных координатах, показав социальный характер национального горского бытия. Причем очень важным ценностным критерием для него явилась исходная точка критики: человек как мера вещей и явлений; движущаяся, растущая человечность как возможный, достижимый этический и эстетический идеал.

Ограниченность художественного «кругозора» писателя частично проявилась и в том, что у него открытый, внешний фольклоризм. Так, в трактовке любви у писателя наблюдается фольклорно упрощенный подход, в произведениях Сека нет диалектики чувства, нет процесса «накопления» его. Но в общем-то движение души героев у писателя уже есть. «Народность Сека, — пишет В. Абаев, — естественное и стихийное выражение его личности, его душевного склада, его жизненной судьбы. Его творчество народно потому, что он родился, работал, жил в народе, вместе с народом, для народа.²⁴⁰ На наш взгляд, исследователи творчества Сека верно определяют жанровые особенности его исторических произведений: повествование в них ведется о конкретных исторических лицах и достоверных фактах, в них конкретизированы время и пространство, выражается народная точка зрения на исторические события (повествователь выступает как мыслитель и судья), динамичное развитие действия, традиционные формулы (у Н. Джусойты — «условность повествования»). В известной мере это роднит его произведения с историческими песнями и преданиями. Много сил отдавал Сека Гадиев обработке фольклорных сюжетов, в результате появились такие произведения, как «Сон Хазби», «Бой с Абхазовым», «Тега и Курдта», «Тамара и Дедопали», «Давид-Сослан».

Что значительного вносит Сека Гадиев в формирование романного мышления? Во-первых, в центре внимания его всегда судьба человека, его конфликт с окружающей действительностью, конфликт между долгом и чувством, спор, борьба противоположных интересов, глубокий разрыв между желаемым и действительным. Раскрывает жизненное многообразие, позволяю-

щее акцентировать в человеческой сути не субстанциональное, героическое, как скажем, в эпосе, а индивидуальное, оригинальное, неповторимое. В процессе типизации у Сека заметно возрастает роль индивидуализации, что позволяет констатировать тенденцию к художественному равновесию в системе характера типического и индивидуального. В общем же намечается новое качественное соотношение общего (общечеловеческого) и особенного (индивидуального) в человеке, новое художественное осмысление характеров и обстоятельств. У писателя появляется сложный сюжет и композиция, отличающиеся многособытийностью, напряженностью действия, многозначностью эпизодов. В произведениях С. Гадиева встречается стилистическое многообразие, от романтических тенденций до сатирических; причем он органически «сплетает» разнородные художественные элементы: эпичность и лиризм, публицистичность и описание «приземленного» быта. Это не случайно: писатель показывает логику возрастания сложности форм жизненного процесса. Так, раскрывая в частном явлении, характере, факте общее, он осмысляет его в контексте многих сторон и аспектов жизни. Здесь частные конфликты отражают социальные, общественно значимые, а в произведениях его полноправно входит философичность, философское осмысление жизненного процесса на земле. Народ же в них предстает как главный герой истории, ее творец и созидатель.

В контексте сказанного представляется правильной точка зрения З. Салагаевой, определившей жанр многих произведений Сека как романических повестей.²⁴¹

Внутренне преобразуется традиционный материал, традиционный взгляд на человека: они приобретают ту значимость и роль, которые становятся средствами характеристики героя. Скажем, осуждение какого-то поступка с точки зрения феодальной морали (допустим, измена Залды нелюбимому мужу в рассказе 1907 года «Залда»), но тут уже из целостного содержания материала исходит иная энергия, иной пафос, осуждение

переплетается с авторским сочувствием, даже заслоняется им. Четко выражается авторская позиция, его мировоззрение, его концептуальный подход к миру. Ведь он создает конкретную модель мира, показывает отдельную ситуацию, в форме единичного выражает всеобщее. Писатель как бы зримо формулирует художественный смысл нового жанрового образования, суть которого — опора человека на себя, в первую очередь, на себя и на мир, их глубинные связи. Отсюда и особенности: интерес к частному быту, к психике, которые объясняют поступки, движущие мотивы поведения, открытие глубокого, самостоятельного содержания в сфере личных судеб людей. Освоение такого содержания требует выработки новой формы, рождения неизвестных прежде особенностей сюжета, композиции, системы образности, речи и т. д. Опыт Сека Гадиева и его современников важен как одно из первых открытий в сфере художественной структуры, из которой заметно возрастает многогранное богатство эпической формы. Он превращает «маленького человека» в центральную фигуру повествования, искусно передавая трагизм эпохи через частную судьбу. Так, единичность обобщает социальный факт: создается облик эпохи. Это существенная находка: впервые в северокавказских литературах образ времени раскрыт через частного человека, у которого новые связи со средой, и это становится ведущим художественным принципом, организующим традиционный материал.

Так, принцип «выпадения» человека из сферы общности с коллективом, человек, ищущий себя и свое место под солнцем, становится основой структуры жанра произведений Сека. Как мы могли видеть, в эпосе тоже нет принципа неизменности человеческих качеств: диалектика художественного сознания скажется и на этом, но там наблюдается замедленная эволюция. «События» в эпосе тоже оставляют свой след на качественной определенности характера, скажем, Сырдона и его неоднозначных отношениях с нартami: углубляется пропасть между ними. Ну, а у Сека в романических произведениях неизменен только

сам принцип: движение, изменение характера героя при любых обстоятельствах. Сущность его жанрового образования кратко можно сформулировать как поиски справедливого начала бытия; один вопрос, сформулированный писателем, но поставленный эпохой, породившей конкретный уровень национального самосознания: буржуазное обособление человека.

В каждой «клеточке» повествования Сека-художника тесно переплетаются возвышенное и низменное, красота и уродство, добро и зло. И такое переплетение эстетики и этики в художественной практике писателя становится основой структуры его романических произведений, поскольку рождает новое художественное целое, иные связи, иную модель мира. Так, соотнесенность добра и зла в разных ситуациях ставит один стабильный вопрос: чего стоит человеческая жизнь, если в ней нет ничего прочного и доброго, нет теплоты, «уюта». Такая постановка не случайна. Как писал Маркс, «отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей, которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата».²⁴² Этот «освобожденный человек», обладающий уже личностным сознанием, но еще стоящий на низкой ступени духовной эмансипации, становится героем романических произведений Сека Гадиева, исследующего его поведение в новом универсуме, в потоке усложняющейся связи с социальной средой. Показ пробуждения исторического сознания народа, как и конкретизация пространства и времени, является ведущим критерием в определении жанровой сути произведений писателя. Поэтому его произведения — значительный шаг на пути овладения романной формой. Это закономерный этап в эволюции художественного сознания. **Стабилизация новых жанровых форм — процесс динамичный, говорящий об определенной завершенности того или иного этапа в движении народа по пути прогресса его самосознания. А главное назначение, функция жанровых образований — утверждение опыта на-**

родного мышления, обобщенного в ходе этого эстетического познания объективной истины. Жанровое образование — явление историческое: в ходе познания истины оно как формально закрепленная субстанция постоянно возникает и совершенствуется. Возникновение в осетинской литературе разных жанровых образований, их постепенное обогащение говорит о сложности структуры самой литературы. В общей цепи развития движение в ней осуществляется от простого к сложному: обогащение литературной структуры идет по пути наращивания жанровых образований и соответственно укрупнения характера героя, обогащения его эстетики.

Итак, содержание произведений Сека — обостренная социальная борьба в Осетии в XVIII-XIX вв., что связано, конечно же, с формированием феодализма, распадом родовых общин, с конкретными историческими событиями в жизни народа; с присоединением Осетии к России. И, отражая частную жизнь героев, ставя и решая проблему любви, осмысляя сильные страсти, создавая сильные характеры, писатель, безусловно, преодолевал фольклорный уровень развития национального художественного сознания. Он даже раздвигает рамки жанра рассказа, отражая в одном произведении несколько драм, событий, конфликтов. И тем самым Сека предопределяет определенные художественные тенденции в развитии осетинского литературного процесса.

Подход, предложенный писателем, весьма продуктивен, и только жанр романа способен разрешать несколько конфликтов, драм и множество событий. И не случайно. Как определял Гегель, в центре романа — судьба человека, его внутренний мир, чувства, переживания, его конфликт с миром.

И связь человека с действительностью в романе определена, ведь «одна из наиболее обычных и подходящих для романа коллизий — это конфликт между поэзией сердца и противостоящей ей прозой житейских отношений, а также случайностью внешних обстоятельств»²⁴³.

Эту же мысль подчеркивал и В. Г. Белинский, отмечая, что в романе изображается «жизнь и судьба какого-нибудь частного человека»... «картина частной жизни с ее заботами и хлопотами, с ее высоким и смешным, с ее горем и радостью»²⁴⁴.

У Сека Гадиева наблюдается в произведениях та же многособытийность, нагнетание эпизодов, напряженность сюжета. Повествованию же его присущи эпический размах, бытописание, публицистичность, лиризм, органическое сочетание героического и повседневного, романтического и сатирического.

Произведениям Сека присущи еще и иные черты, которые отмечал А. Веселовский применительно к жанру романа: «В романе все не традиционно, писал он, — поэт сознательный творец своего сюжета, ему принадлежат и герои, обыкновенно влюбленные... романисты отвечали лишь голосу времени. Вокруг героев устраиваются другие действующие лица, служащие главным образом их развитию и освещению, притянутые к центру, тогда как герой эпоса высится над своим миром так же естественно, как вершина в голове горного хребта»²⁴⁵.

От эпоса в произведениях Сека сохранилась широкая эпическая картина жизни, героические характеры горцев, которые защищают свое человеческое достоинство, честь, свободу. То есть писателю удается преодолеть фольклорную односторонность в изображении героев. При этом он проявляет удивительное мастерство диалога, лаконизм в языке, философский характер осмысления жизни. От легенд, героических песен Сека берет сложные драматические коллизии, сильные характеры, преданность героев своей любви; от сказок — динамика сюжета, многособытийность.

Новаторство Сека в изображении образа человека проявляется в следующем: в портретах, психологизме, многогранности образа, в раскрытии сильных страстей. Также у него наблюдается усложнение сюжета и композиции, драматизм, трагизм в описании события, пейзаж, множество действующих лиц. Писатель создает образ народа не просто как образ массы, а индивидуализирует эту массу.

Важным является и свидетельство сына писателя.

«В маленьком деревянном сундуке вместе с разными бумагами наш поэт бережно хранил две грузинские книги: 1 — известную поэму средневековья Шота Руставели «Витязь в барсовой коже». 2 — сборник горских рассказов и повестей Ал. Казбека (1848-1893). Если нельзя сказать что-либо определенное в отношении влияния Шота Руставели на нашего поэта, то в отношении влияния Ал. Казбека необходимо установить, что в своих горских рассказах («Азау», «Залда», «Дыса» и др.) Сека Гадиев, несомненно, находился под влиянием Ал. Казбека. Вообще же необходимо отметить малую значимость литературных влияний в творчестве Сека Гадиева.²⁴⁶

Конечно, как полагает З. Салагаева, «историзм творчества Александра Казбеги, острота его произведений, изображение сильных страстей, героические характеры его оказали воздействие на прозу Сека Гадиева, но у него был свой подход к историческому прошлому, своя концепция истории, вытекающая из осетинского фольклора, особый мир художественных образов, говорящий о глубокой самобытности и своеобразии его как писателя»²⁴⁷. Конечно, по свидетельству Ц. Гадиева, «совершенно случайны и эпизодичны были влияния со стороны русской литературы. Русского языка наш поэт не знал настолько, чтобы читать литературные произведения... Дети изустно переводили ему кое-какие басни Крылова, помещенные в школьных учебниках, а Сека Гадиев их обрабатывал. Таково происхождение таких переводов Сека Гадиева с русского языка на осетинский, как «Свинья под дубом», «Лебедь, щука и рак» и др.»²⁴⁸.

Как верно подмечает З. Салагаева, «агиографические произведения на осетинском языке, литература переводная, пусть и церковная, но на осетинском языке, могла оказать влияние, если не на содержание, то на форму произведений, на построение фраз, на язык его прозы в целом»²⁴⁹

Безусловно, большая заслуга Сека Гадиева в том, что он по-

стоянно находился в поисках новых путей в литературе, новых жанров: рассказов, повестей, романа.

Анализируя основные мотивы его прозы, Х. Ардасенов отмечал историзм, влияние поэтики фольклора, нартского эпоса на художественную форму прозаических произведений писателя, скажем, в изображении внезапно вспыхнувшей любви, в описании пейзажа.²⁵⁰

В свой рукописный сборник «Слеза» 1910 года Сека Гадиев включил повесть «Арагвийский алдар Нугзар», в сборник «Слепой певец» 1912 года — повесть «Хъуды Цыппу», а в сборник «Сны» 1914 года — повесть «Причитание материи Ос-Багатара».

Сека поднимает в своем творчестве нравственно-этические проблемы, в частности, проблему человеческой ценности. Так, анализируя вредные обычаи осетин, скажем, взимание калыма, он пишет: «Как мы можем продавать родного нам человека, ему установить цену как позволяет наша честь» (подстрочный перевод) («Христианская жизнь», №1, 1915, с. 15). Также беспощадно критикует похоронные обряды, ведущие народ к нищете. «Сидение в ночь в честь мертвых, скачки. Все это причины бедности. Все это безумные затеи»²⁵¹.

И далее резюмирует: «Теперь и нам пора понять, добрые люди, оставим наши напрасные затеи, чтобы нас не считали плохими (отсталыми) другие просвещенные народы» (подстрочный перевод).²⁵¹

Как верно в свое время заметил Н. В. Гоголь, «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами»²⁵².

Права З. М. Салагаева, отметив, что «...содержание его произведений — обостренная социальная борьба в Осетии XVIII-XIX вв., усугубленная распадом родовых общин, крупные

исторические события, имевшие решающее значение в жизни народа, например, присоединение Осетии к России, частная жизнь героев, реальная, повседневная, проблема любви, большие страсти, сильные характеры, — все это не могла вмещать уже фольклорная форма»²⁵³.

То есть исследователь предполагает, что в зависимости от реального жизненного материала раздвигаются рамки жанра. «Писатель берется за сложный клубок противоречий, он не ограничивается изображением одной какой-нибудь драмы, а берет сразу несколько драм, несколько конфликтов. При этом какая-нибудь из драм привлекает особенно пристальное внимание писателя, является как бы основной. Раскрытие такого сложного узла событий по плечу только большим жанрам прозы. И Сека Гадиев ведет поиски к жанру романа в таких произведениях, как «Азау», «Айсса», «Залда». Каждое из этих произведений с большим или меньшим основанием можно отнести к жанру романа на ранней стадии его развития в осетинской литературе»²⁵⁴.

Наверно, нельзя согласиться со столь смелым утверждением, хотя замечание автора о том, что в произведениях «Азау», «Залда», «Айсса», «Женщина в трауре», «Бабале» предстают перед нами человеческие судьбы и истории во всей своей полноте и сложности, трагичности и противоречивости. Здесь на первый план выступает частная жизнь героев, воплощающих судьбы народа... В названных выше произведениях Сека Гадиева, богатый занимательный сюжет, сложная композиция. Особенности их — многособытийность, нагнетание одного эпизода на другой, что создает напряженность сюжета и держит читателя в состоянии постоянной заинтересованности.

Права З. М. Салагаева, на наш взгляд, и в том, что полагает, что повествование в них имеет различный характер: эпический размах, бытописание, публицистичность, лиризм, и что им присуще «сочетание героического и повседневного, романтического и сатирического»²⁵⁵. Весьма ценным является замечание ис-

следователя о том, что в произведениях Сека сюжет и конфликты не берутся готовыми из фольклора, а представляют собой результат наблюдений автора над жизнью и плод его вымысла»²⁵⁶.

Повесть Сека Гадиева «Саударэг ус» («Женина в трауре») имеет три рукописных варианта. Впервые она была опубликована в журнале «Христианская жизнь». Все три варианта написаны по одному варианту. Время действия в повести — эпоха присоединения Грузии к России, т. е. начало XIX в. Арагвийский алдар продает детей своих крепостных Глаха и Марты (семилетнюю девочку Гурдзыхан и девятилетнего мальчика Гурдзыбека) двум бездетным братьям Дзама, усыновившим мальчика, и Таджи, удочерившим девочку. Судьбы обоих детей складываются трагически. В 16 лет нелепо гибнет Гурдзыбек: Дзама чистил ружье и случайно убил приемного сына. Не выдержав горя, отец покончил с собой.

Не более удачливой оказалась и судьба Гурдзыхан. Полюбив юного пастуха Джиргола, она выходит за него замуж. Но тут абреки нападают на село, убивают Таджи и его жену. А жену Дзама, покончившего с собой, уводят в плен. Гурдзыхан пребывает в трауре. В отсутствие мужа приходит родственник, человек без чести и совести, и насилует беззащитную женщину. Не выдержав позора, она кончает жизнь самоубийством. Муж ее Джиргол, в великом душевном волнении убивает насильника, но и сам становится жертвой кровной мести: кто-то из родственников убитого нападает на несчастного Джиргола и убивает его.

Трагически сложилась и судьба жены Дзама: ее, пленницу, увозят сначала в Дагестан, потом в Чечню. Затем алдары Мамсуровы выкупили ее и вернули в родную Осетию. Но когда ее спасители-хозяева решили ехать в Турцию, женщина не выдержала и тоже покончила с собой.

Писатель в повести проявил большое мастерство: он сумел соединить несколько сюжетных линий в одно повествование и тем самым обогатил художественные и жанровые возможности осетинской повести.

Разумеется, в произведении ощущаются и богатейшие повествовательные традиции Коста Хетагурова.

Как верно подмечает З. Салагаева, «описание бедности семьи Глаха дано в традициях Коста Хетагурова. Здесь наблюдается даже сходство со стихотворением К. Хетагурова «Мать сирот». Довольно мрачную картину горского бытия создает фраза: «Но от голода и холода даже волк страшится... над горем и голодом одерживает победу сон, наконец, все утихли, уснули».²⁵⁷

Следующая повесть писателя «Бабале» была опубликована в 1945 г. в журнале «Мах дуг» в №5 под названием «Садулла и Манидзе», и это название закрепилось за ней и по сей день, хотя у автора произведение значилось как «Бабале». Считалось, что главной героиней повести является Манидзе, а рассказ о Бабале — случайный эпизод, а потому составитель сборника избранных произведений писателя Х. Ардасенов в 1947 г. изъясил из текста и поместил в комментариях рассказ о Бабале. «А между тем история Бабале органически входит в основной текст повести, который по сюжету и композиции представляет собой несколько миниатюрных рассказов, сцепленных между собой общей темой — судьбой горянки»²⁵⁸. «Многосюжетность «Бабале», так же, как и «Женщины в трауре», свидетельствует о насущной потребности осетинской прозы в жанрах повести и романа»²⁵⁹.

В повести «Бабале» есть сюжетная линия, по которой можно проследить бесправие горянки, доходящее до абсурда. Так, трехлетнему Садулле отец сватает восемнадцатилетнюю девушку с говорящим именем Цамакуд (буквально: «ненужная»). При этом отец «благодетель» исходил из того, что в доме была нужна работница. Цамакуд же была влюблена в юношу и, не видя выхода для себя в сложившихся обстоятельствах, покончила с собой.

Вторая сюжетная линия повести связана с Садуллой и Манидзе. Потеряв родителей, восемнадцатилетний юноша Садулла влюбляется в шестнадцатилетнюю Манидзу. Но жених не в состоянии собрать калым за невесту. Наконец с помощью род-

ственников он выплатил калым. Казалось, молодые счастливы.

Третья сюжетная линия представляет собой рассказ о Бабале, отец которой, Гурам — деспот и самодур, гордящийся тем, что в его доме никогда не считались с мнением женщин. А потому отец без согласия дочери выдает ее за богатый калым глупому Кази. В знак протеста невеста в подвенечном платье в отчаянии спускается в подземелье святилища, где через год находят ее мертвой.

Четвертую сюжетную линию составляет история дочери Манидзы и Садуллы по имени Сахар. Когда умерли родители, братья выдали ее замуж за богатого деспота Гуса Сачинаева, который издевался над женой в меру своей дикой фантазии. Так, он однажды отсек ей уши и выгнал из дому несчастную женщину. В результате этот жестокий случай вызвал кровную месть между двумя родами. Семь человек погибло из рода Сачинаевых, девять — из Бигаевых. И только после присоединения Грузии к России эти распри прекратились.

Мастерство Сека Гадиева заключается в умении связать все эти, казалось бы, разрозненные рассказы-эпизоды в единый повествовательный узел, раскрывший яркую картину исторической судьбы горцев-осетин на одном из важнейших этапов их истории.

Талант писателя проявился и в умении художественно отразить эти события на широком бытовом фоне; с освещением различных обрядов: родильных, свадебных, похоронных, с проявлением горского гостеприимства, с реальными занятиями осетин: земледелия, скотоводства, охоты и т. д.

Новаторство писателя проявилось многообразно. Так, в повести «Бабале» большое внимание уделяется описанию любви, стремлению выявить ее роль в жизни и судьбе человека. Сека проявляет интерес к внутреннему миру героев, к их переживаниям. В произведении много взаимосвязанных женских судеб и характеров, причем каждая из героинь самобытна. В частности, образ Цамакуд разработан в психологическом плане: характер

ее раскрыт через ее поступки и переживания. Писатель активно использует внутренний монолог, раздумья героини о своей не легкой судьбе. Через разные средства изобразительности (портрет, пейзаж, особенности языковых средств) писатель раскрывает доминанту характера женщины, а именно неутолимую жажду любви, счастья. Он абсолютно солидарен с точкой зрения героини, уверенной в том, что человек имеет право на счастье. В то же время сердце писателя переполнено болью за героиню, не способную восстать против угнетения и рабства, не способную бороться за свободу и истинно человеческое право любить и быть любимой. В качестве протеста против адатов Бабале идет на самоубийство, Манидза же размышляет о том, что если у человека есть душа, душа божественная, т. е. ценнейший божий дар, почему она не в его собственном распоряжении: «За скотину нас, как коров, продают». Дочь Манидзы Сахар, полагая, что «в честном труде найдет счастье», идет на открытый протест и ее путь приводит героиню к большой беде — к трагедии.

Сека Гадиева всегда привлекала историческая тема: он во всех своих произведениях активно размышляет о судьбе родины. Конечно, знания свои об истории Осетии писатель черпал из фольклора и различных грузинских источников, которые были ему доступны. Так формировались его концептуальные исторические знания, без которых не могло сложиться как мировоззрение писателя уровня Сека Гадиева, так и его художественно-эстетические взгляды. Вот что пишет он о Ф.В. Миллере: «Профессор московского университета, знаток языков, крупный ученый Миллер взял на себя большой труд, он прожил в Алагирском ущелье, изучил осетинский язык и на основании его установил: осетинский народ принадлежит к индоевропейской ветви. Когда-то большой народ, вышедший из Ирана, он в процессе кочевого образа жизни и столкновений с другими племенами стал малочисленным, остатки его поселились в теснинах гор Кавказа. С течением времени, от поколения к поколению он рос в горах Кавказа, расцветал, жизнь ему улыбалась...»²⁶⁰.

Не однократно упоминает Сека книгу З. Чичинадзе «История Осетии по грузинским источникам». Так, в статье «Осетия» («Ирыстон») писатель приводит много цитат из этой книги, в частности, об осетинском военачальнике Ос-Багатаре и об искренних дружеских взаимоотношениях грузинского и осетинского народов в прошлом²⁶¹.

Кроме того, Сека говорит о безусловной заслуге З. Чичинадзе в раскрытии некоторых черт осетинского народа и о необходимости перевода данной книги на осетинский язык. Так, он отмечает: в книге З. Чичинадзе «всесторонне показаны способности, слава, героизм осетинского народа того времени...»²⁶².

Высоко ценил писатель роль фольклора, особенно исторических сказаний и песен, в освещении истории осетинского народа.

Так, издавая историческое сказание «Тага и Куырда», он подчеркивает: «Сказания, прекрасные свидетельства славы нашей Осетии, из-за того, что у нас не было письменности и некому их было записывать во время кочевой жизни наших предков, остались разбросанными в разных уголках Осетии и в течение столетий потускнели. У нас остались только отдельные сказания, передающиеся из уст в уста, но и из них в наших руках ничего нет; их надо записывать, чтобы молодежи будущих поколений было легче искать их след. Я это сказание записал от старика Ногаева Карасе, который хорошо знал эпоху присоединения Грузии к Осетии»²⁶³.

Также Сека собрал и опубликовал исторические сказания: «Хазбийы фын» («Сон Хазби»), «Апхадзийы хаст» («Нашествие Абхахазова») ²⁶⁴. С. Гадиев написал несколько статей по истории Осетии: «Тамар Дедупали» («Блаженная царица Тамара»), «Рагон ирон адам» («Осетинский народ в древности») ²⁶⁵, «Даут Сослан» («Давид-Сосолан»), «Осетия» («Ирыстон») ²⁶⁶. Так, он писал: «Смелый и воинственный осетинский народ в войне с турками и персами за единоверную Грузию не жалел своей кро-

ви. Никогда осетины не опозорили свою винтовку и кинжал, но, вероятно, этого никто не ценил»²⁶⁷.

В статье «Тамар Дедупали» («Блаженная царица Тамара») писатель подчеркивает, что грузинские правители, используя в войне осетин, после войны теряют к ним всяческий интерес, т. е. отмечает некий потребительский подход к воинам-осетинам, в которых в мирное время нет нужды. Писатель справедливо подчеркивает роль Тамары и Давида-Сослана в распространении христианства в Осетии. И в то же время он полагает, что Давид-Сослан сделал недостаточно, чтобы облегчить участь своего народа, не оценил достойно его роль в войне против внешних врагов Грузии. Он даже называет его «Искай хуымы цыргъ ах-сырф» («Острая коса на чужой пашне») ²⁶⁸.

Своеобразен историзм художественного мышления писателя. Так, о чем бы пи писал Сека Гадиев, он все факты прошлого как бы соотносит с современностью и дает им оценки с высоты современного ему мышления. Какой бы исторический период он не освещал, писатель всегда имел в виду современность. Даже церковная молитва для него служит поводом, чтобы, опираясь на историю Осетии, высказаться против отсталых осетинских обрядов и обычаев. Так, в статье «Рагон ирон адам» («Осетинский народ в древности») он пишет о вреде калыма: «Если весной вовремя не вспахать поле и не засеять его, тогда, конечно, осенью не снимешь урожая, так и юноша, если он вовремя не женится, он не увидит потомства, а не женится он потому, что ему надо платить калым или, если сказать прямо, жену надо покупать»²⁶⁹. Также он говорит и о необходимости просвещения народа, подмечая, что средства, которые люди тратят на различные отсталые обряды, лучше бы использовать для отправки ежегодно по сорок юношей в высшие учебные заведения Российского государства.

Высоко оценил Сека выдающихся личностей, оставивших неизгладимый след в народной памяти: Ос-Багатара, Чермена, Хазби и др. С. Гадиев в своем рукописном сборнике «Сны» по-

мещает переведенные им отдельные места из грузинских источников.

Данные отрывки писатель использует при написании исторической драмы «Ос-Багатары хаст» («Битва Ос-Багатара»), которая не была завершена. В пьесе создан прекрасный образ храброго, мужественного Ос-Багатара. Конечно, он воин, достойный потомок великих и могущественных предков, для которых понятие чести и достоинства были выше личной славы и даже самой жизни. Гибель героя писатель объясняет, исходя из собственной философии истории. Так, в пьесе есть эпизод, в котором Ос-Багатар, задумав совершить набег на соседей, спрашивает совета у старейшины Царазонты. Тот ответил кратко, как отрезал: «Это соседний народ, от войны с соседями земля дрожит. Подумай».

У Сека Гадиева есть замечательное стихотворение «Ос-Багатары мады хъараг» («Причитание матери Ос-Багатара»), которое по своей эмоциональной силе и драматической напряженности напоминает знаменитый плач Ярославны.

В целом же образ Ос-Багатара в творчестве Сека Гадиева — это образ доблестного человека и патриота. Таким является и образ Чермена, погибшего, отстаивая честь и достоинство человека. Стихотворение Сека о Чермене стало подлинно народной песней.

Присоединение Осетии к России Сека Гадиев трактовал как своеобразный рубеж в исторической судьбе народа. И, в целом верно оценивая злоупотребления царской администрации на Кавказе, что отразилось в таких рассказах писателя, как «Айсса», «Залда» и др., Сека прекрасно осознавал прогрессивное значение для осетин и всех горских народов самого факта присоединения. Так, в рассказе «Азау» писатель показывает, что с этого момента начинается отсчет новой жизни для горцев.

Конечно, процесс «взаимопрятия» горцев и русских шел нелегко, о чем говорят опубликованные писателем народные исторические легенды «Сон Хазби» и «Нашествие Абхазова».

В первой сама старушка-мать разгадывает появление войск в ущелье, бой героя с ними, гибель его, которая станет причиной безутешного горя лично ее, несчастной матери и осиротевших сестер «Быть кровавому дождю и не избежать беды!», — только и остается воскликнуть матери-горянке. При этом описание горя матери дается скупое: писатель исходит из этнопсихологии осетин, диктующей своеобразно-сдержанное поведение и не дающей возможности открытого проявления своих эмоций.

Но предсказание матери не может остановить сына. Он со словами: «Пусть наденет платок женщины тот, кто сбежит с поля боя» направляется в ущелье, навстречу своей трагической судьбе. И, одержав победу, герой погибает в неравном бою.

В сказании «Нашествие Абхазова» также разрабатывается тема нашествия войск, причем в духе подлинного исторического повествования. С документальной точностью и реалистически описываются конкретные факты и события, в частности, расправа над горцами в Саниба, разрушение вековых родовых башен, священных мест. Бессмертным в сознании горцев остался подвиг Беслана Шанаева и его семи сыновей, забравшихся в родовую башню и принявших в сражении за родину героическую смерть. Ему не помогли жители Саниба, как и он не помог Хазби, когда отмечал праздник святилища Реком, а одинокий Хазби, истекая кровью, один отражал нашествие целого войска...

Писатель также обработал древнейшее сказание об основателях Куртинского и Тагаурского обществ «Тага и Курдта», которые упоминаются еще в книге царевича Вахушти «География Грузии». Один из братьев, Курдта, — трудолюбив, обрабатывает землю, другой, Тага, — любитель праздного образа жизни: он охотник по роду занятий. Сека дает реалистические описания тяжелого крестьянского труда. Герой его, Курдта, способен искренне удивляться миру, испытывать радость при виде созревшего и выращенного своими руками урожая. Как-то между братьями вспыхнула ссора, в результате Тага убивает двух сыно-

вей Курдта, бежит от брата. Между братьями назревает кровная месть, но младший сын Курдта оказывается мудрее, кровники примиряются и Тага раскаивается в своей жестокости и злой воле. Так, пафосом сказания становится идея гуманизма, дружбы, братства, осуждение кровной мести как вредного социального явления, прославление созидательного труда.

Итак, в произведениях Сека Гадиева органично соединяются история и поэзия. При этом, конечно же, у писателя сформировалась своя философская концепция горской истории, основанная не на официальных источниках, которых было мало и они не были ему доступны большей частью потому, что языком русским он не владел, а на легендах, песнях и памятниках материальной культуры (развалинах башен, крепостей и т. д.). Права З. Салагаева, отмечая, что «исторические факты поданы им не только или не столько в сказительском или песенном стиле, а в плане публицистики — трезво, осмысленно, с прямой авторской оценкой. И только после рассуждений писателя-историка идут яркие художественные картины, которые уже в образной форме изображают то, о чем говорилось в публицистической части произведения.²⁷⁰

При этом каким же новым качеством Сека обогащает повествовательную традицию осетин? Прежде всего, в его произведениях даны глубокие раздумья о прошлом народа; здесь же встречается масса пейзажных зарисовок. В процессе лепки образов определенную роль играют портретные зарисовки, мастерство диалогов, стремление дать всесторонний анализ характеров и т. д.

В исторической повести «Арагвийский алдар Эришти» раскрываются злодеяния феодала Грузии, жившего в XVII век. О жестокости и коварстве Нугзара Эристави упоминается в исторических документах.²⁷¹ Многие аулы Нугзар превратил в развалины, разорил их, оставив одни печальные груды камней. Историческая память горцев сохранила злодеяния феодала, отразив их в фольклорных произведениях грузин и осетин, активно

использованных писателем Сека Гадиевым и Александром Казбеги соответственно в повестях «Арагвийский алдар Эристави» и «Хевисбери Гоча». Александр Казбеги, темой для повести которого послужило народное сказание, отражает в своем произведении борьбу моховцев за свободу во главе со старейшиной Хевисбери Гоча против Эристави. Коварный и искушенный в интригах, Нугзар уговорил осетин Гудского ущелья выступить на его стороне в борьбе против моховцев. Одолев моховцев, Нугзар Эристави покорил и осетин.

Повесть в рукописи имеет три варианта, каждый из которых представляет сам по себе определенную ценность. 1) «Арагуы алдар Нугзар» («Арагавийский алдар Нугзар») публикуется в рукописном сборнике «Цасты сыг» («Слеза») 1910 г. 2) ««Арагуы Ерыстау алдар» («Арагвийский алдар Эристави») — в рукописном сборнике «Цасты сыг» («Слеза») 1911 г. 3) «Арагуы алдар Нугзар» («Арагвийский алдар Нугзар») — написана на основе грузинской графики. Оценивая содержательно и текстологически все варианты, можно заметить, что во втором варианте, а именно 1911 года, усилены свободолюбивые мотивы, что обусловлено напряженностью политической обстановки как в Осетии, так и в России и соответственными настроениями в современном Сека Гадиеву обществе.

Действие в повести происходит еще до присоединения Грузии к России. Место действия — Гудское ущелье, где и творит свои незаконные, бесчеловечные деяния алдар Нугзар, постепенно подчинивший себе осетин. Весьма красочно и мастерски описывает Сека битву моховцев против ненавистного алдара.

Одолев моховцев, он покорил и жителей Гудского ущелья, и установил везде свои дикие варварские порядки, вплоть до права первой брачной ночи.

Когда у бедных горцев Кызмыды и Берда, наконец-то, родился долгожданный сын, Нугзар приказал несчастной женщине кормить грудью его любимого щенка. А возвращаясь домой через село, алдар решил навестить своего щенка, который

показался ему тощим и голодным. Он вырвал из рук женщины ребенка и убил его, а матери приказал кормить лучше щенка. Вскоре подросший щенок укусил женщину в грудь, и она умерла. Обезумевший от горя Берд, лишился сна и покоя. Ошалело бродя по горам, он замерзает где-то.

Писатель показывает, как постепенно, доведенный до отчаяния народ, протестует. Так, в день праздника святилища Реком пришли гудовцы к священному месту. И старейшина их Мистал Рубаев в форме хъарага (народного плача) повествует о горестной судьбе своего народа и призывает всех бороться. «Солнце над нами померкло, луна больше не светит, земля от горя дрожит, звезды подают на землю, они уже не могут смотреть на наши страдания», — восклицает он. Алдар пошел усмирять «распоясавшихся» осетин. Три дня шел бой, затем мужчины ушли в лес, а женщины и дети оставались в селе. Алдар собрал их на поляну и затоптал всех копытами своих коней. Поляна эта, названная «непис къало» (гумно алдара) и до сих пор существует в Гудском ущелье. В конце концов доведенные до отчаяния люди расправились с ненавистным алдаром. Но мало что изменилось для жителей ущелья: Нугзара сменил алдар Дзимсер Эристави, которого в конце концов тоже постигла участь его предшественника. А дело было так. Попав на ночлег в гостеприимный дом братьев Бурдули, он попытался обесчестить сестру их — красавицу Тамар. В результате возмущенные наглостью гостя, братья убивают обидчика сестры.

В повести традиции фольклора проявляются довольно многообразно. Во-первых, в завязке: фабула начинается с того, что в ауле Ганис жили бездетные супруги, у которых, наконец, неожиданно рождается ребенок. Во-вторых, проявляется стремительность действия, как в волшебной сказке, и повесть насыщается различными эпизодами, частными историями-рассказами. В-третьих, писатель использует и традиционный подход исторических сказаний, когда берет определенные факты и, своеобразно интерпретируя их, использует народную точку зрения

на эти факты. В-четвертых, автор прибегает к конкретике исторических фактов, сохраненных в жанре исторических сказаний. И, конечно же, место и время действия в повести соответствуют фактам реальной действительности, как их донесло поколению Сека Гадиева, т. е. к началу XX века, фольклорное сознание. В-пятых, органично в художественную ткань повествования «вписываются» разговорные интонации, в целом сказительский стиль; легенды, связанные с описанием разрушенных родовых башен и крепостей; обилие пословиц и поговорок и т. д. В-шестых, в повести используется гиперболизм, особенно при описании жестокости алдара Нугзара. В-седьмых, писатель при типизации характеров слабо использует психологизм. В то же время в повести проявляются собственно литературные традиции, традиции Коста Хетагурова. В-восьмых, — это яркая публицистичность; в-девятых, — историзм, в-десятых, — народность; в-одиннадцатых, — портретные характеристики; в-двенадцатых, — пейзажные зарисовки и т. д.

Вторая историческая повесть Сека Гадиева «Мать и сын» также имеет два варианта. Так, в сборнике «Слеза» 1911 года она появляется под названием «Марине и Туган»; а в сборнике «Слепой певец» 1912 года — под другим: «Мать и сын».

Сюжет повести прост. Алдар Эристави за охотничью собаку продает кохатинскому алдару Цаллахову девочку-сироту Марине. Тот выдает ее замуж за своего раба Леуана. У них рождается сын Бицико, который играл с сыном алдара и ударил его, за это алдар убил мальчика. Леуан не обрадовался рождению второго сына Тугана, т. к. не переставал постоянно думать: «Для чего мы рождаемся, для чего живем? Ведь у нас нет ни отечества, ни свободы?». От горя отец в конце концов умер. Алдар сделал Тугана псарем, а мать его — птичницей. Марине горевала. И пришла совсем в отчаяние, когда алдар продал в рабство кабардинскому князю очень близкую ей семью, и тогда мать и сын решаются на отчаянный шаг: они убегают от злого алдара. Однако их настигают, Тугана убивают, а мать вынуждена была вернуться к алда-

ру. И только в результате отмены крепостного права в 1861 году она была освобождена, — уже старая, больная, одинокая, потерявшая интерес к жизни.

Во второй повести заметно эволюционируют взгляды писателя, который показывает развитие самосознания горянки: если Кызымыда кормит грудью щенка, то Марине не хочет быть рабой и активно протестует, убегает, подвергаясь смертельной опасности.

Конечно, во второй повести тоже проявляется влияние традиций фольклорного типа художественного мышления. Во-первых, сама завязка напоминает сказочную формулу: «Жили-были». Во-вторых, в повести используются постоянные формулы, эпитеты, метафоры и т. д. Так, в развитии сюжета наблюдается поэтическая формула: «Время шло, оно продолжало оставаться одинаково темным, мрачным». А переход между эпизодами осуществляется с помощью пословиц, поговорок, афоризмов. Кроме того, в повествовательной манере Сека активно проявляется предельная сжатость фраз, что сопровождается однако динамичностью самого повествования.

Третья повесть С. Гадиева «Гудский Цыппу» вошла в рукописный сборник «Слепой певец» 1912 года и была написана на основе исторических легенд и песен о знаменитом абреке Цыппу Такаеве. Песня же о Цыппу называется «Лаппуты зараг» («Песня юношей»). Фабула произведения в том, что Цыппу и его товарищи в Коби нанялись к купцу возить товар в Тифлис, при этом они часть товаров украли, за что их судили и сослали в Сибирь. По дороге они сбежали и вернулись в Гудское ущелье, затем, спасаясь от русских солдат, ушли в абреки, и через Ингушетию попали к Шамилю. Действие происходило в первой половине XIX века.

Осмотревшись, Цыппу и его товарищи в конце концов примирились с русскими и вернулись к мирной, нормальной трудовой жизни.

Так, в повести писатель излагает свою философскую концепцию горской истории, суть которой в том, что только в союзе

с Россией горцы обретут покой и возможность достойной трудовой жизни. Писатель полагает, что судьба Шамиля, человека, безусловно способного, сильного, мужественного, — обречена, трагична, т. е. он изначально неверно определил ценностные приоритеты: пошел против русских.

В третьей повести заметно обогащается принцип типизации характера. Как правило, характер в произведении создается через описание одежды, детали, жеста, взгляда, улыбки, через портрет, пейзаж, действие, поступки и т. д.

Таков, безусловно, бесценный вклад Сека Гадиева а дальнейшее развитие жанра повести в осетинской литературе, так же, как и эволюции повествовательной традиции осетин и в целом в становление реализма в осетинском художественном мышлении...

... Художественное мышление эволюционирует. Литература стремится решить проблему создания характера человека действующего, человека-борца. Это обуславливает качественно новый этап в развитии национального самосознания народа, наиболее полно выразившийся еще в конце XIX века в творчестве Коста Хетагурова, совершившего переворот в художественном мышлении осетин, обогатив его обостренным чувством истории. Характерологические поиски привели К. Хетагурова к созданию образов положительных героев Фатимы и Ибрагима (поэма «Фатима», 1889 г.). Осмысление явлений действительности с точки зрения историзма дало мощный толчок развитию художественного мышления поэта. К. Хетагурова привлек исторически новый, перспективный тип горянки, и он воплощает его в образе Фатимы. Традиционный образ горянки — это смирение, рабская покорность судьбе (хотя уже у Сека Гадиева женщины способны на стихийный, неосознанный протест). Ведущее качество в характере Фатимы — активность. Она действует как самостоятельная личность: будучи княжеской дочерью уходит к холопу Ибрагиму. Она — счастливая женщина, любимая и любящая, свободная личность. Верность чувству историзма, вы-

сокая степень осознания социальных проблем современности заставляет К. Хетагурова с более новых позиций рассматривать и характер.

Острота чувства истории внесла с собой в художественное мышление идею классового, национального и индивидуального самосознания. Этому, то есть пробуждению самосознания народа, и были отданы все силы ума и души Коста Хетагурова. Он продолжает стратегическую линию художественной литературы, ведет сложный творческий поиск с иных качественных высот: активно «переплавив» в своем творчестве чувство истории. Хетагуров художественно достоверно показывает, как изменение мировоззрения людей ведет к **повышению требовательности к человеку. Новая социальная действительность диктует свои, возрастающие потребности в новых характерах.** Эти же потребности диктуют определенную расстановку характеров на сцене истории.

Говоря о поисках Хетагурова, нельзя не вспомнить о его публицистических произведениях, в которых поэт выступает против клеветы на национальный характер горца. В очерке «Особа» (впервые опубликован в газете «Северный Кавказ» №№ 59, 63, 75 от 28 июля, 11 августа и 22 сентября 1894 г.) он дает историю рождения и нерадостной жизни горца. Верно воссоздает уклад горской жизни до присоединения Осетии к России. Однако обращение к прошлому здесь — своеобразный способ художественного анализа настоящего, история — специфический ключ к художественному постижению современности.

В статье «Я так давно не писал...» из «Владикавказских писем» (впервые опубликована в газете «Северный Кавказ» №58 от 20 июля 1897 г.). Хетагуров также выступает против объяснения общественных явлений негативными сторонами характера горцев. Некий М. И. Е-о, этнограф, в очерке «В гостях у кабардинцев» (в газ. «Терские ведомости» № 147 за 1896 г.) нелестно отзывается о характере кабардинца Ухо, семья которого питается поджаренной кукурузой. Мол, встретил меня недружелюбно,

не угостил и даже принял от меня монету. Из этого случая незадачливый этнограф делает далеко идущие выводы о том, что для кабардинца главное в жизни — это деньги, они для него — «утеха всей... жизни»²⁷². «Не абсурд ли это?! — пишет К. Хетагуров о таком одностороннем подходе к оценке национального характера горца. В статьях «Владикавказские письма»²⁷³, «Пути сообщения в горах Северного Кавказа»²⁷⁴, «Накануне»²⁷⁵ и др. он пытается раскрыть подлинные, социальные причины тяжелого положения жизни горцев, несомненно наложивших отпечаток как и на их образ жизни, так и на национальный характер.

Так изменился взгляд на человека. Новое художественное виденье объясняется усложнением социальной действительности, накоплением нового духовного и нравственного опыта, пробуждением национального и общественного сознания; распространением марксистских идеи и вследствие этого — переоценкой ценностей — социальных и нравственных. Сложившейся художественной литературой верно была понята самая сущность художественного характера, логическое соотношение в нем общего и особенного, социального, индивидуального, национального и общечеловеческого.

Таким образом, рождение осетинской прозы обусловлено историческими судьбами осетинского народа, прежде всего, конечно же, присоединением Осетии к России в 1774 г.

Права З. Салагаева, подчеркивая, что «корни осетинской народной прозы восходят к мифологии, фольклору скифов, сарматов, алан, с одной стороны, и аборигенов Кавказа, с другой»²⁷⁶. Заслуживает внимания и ее другая мысль, — а именно о том, что «взаимопроникновение мифологии и осетинского фольклора, трансформация их формировали поэтическую традицию, которая воздействовала на генезис литературных явлений (сюжетов, мотивов, образно-художественной системы, языка), на становление литературного процесса»²⁷⁷.

Ценное, что было в тенденциях устной народной прозы, а именно: в сказке — интерес к частной жизни человека, сюжет-

ности, динамика действия, острый конфликт как жанрообразующий фактор, победа добра над злом в качестве обязательной жанровой формулы в сказке; в преданиях, сказаниях и легендах — изображение исторических событий и смелых, вольнолюбивых горцев, — активно восприняла жанровая природа повести.

Это притом, что «почва для появления эпических произведений литературы уже была подготовлена эпосом, особенно нартовским: эпическими традициями в изображении человека, его героизма, многогранности, циклизацией сказаний, объединяемых героями-нартами, склонностью к большим обобщениям, историзмом, монументальностью»²⁷⁸.

Нузальская надпись «Нас было 9 братьев», документальные, ораторские, церковно-переводные произведения свидетельствуют о том, что если осетинская литература начала развиваться с середины XVIII в., то проза — с конца XVIII — начала XIX в.

В этом вопросе также вполне можно согласиться с мнением З. М. Салагаевой, фундаментально исследовавшей проблемы происхождения осетинской прозы и особенности ее функционирования и эволюции на начальном этапе развития истории осетинской литературы.²⁷⁹

Революционная ситуация, которая сложилась в Осетии в конце XIX — начале XX века, первая русская революция, зарождение осетинской журналистики и т. д., — вели к становлению осетинской прозы, отличающейся тесной связью с действительностью, внимательно вглядывающейся в реальную жизнь и способной поднимать ее актуальные проблемы. Конечно, уже по природе своей осетинская проза проявляла такие свои качества, как документальность, публицистичность, критические тенденции в обобщении явлений реальной национальной и социальной действительности. А все это вело к рождению критического реализма в осетинской литературе вообще, в прозе в частности.

Итак, уже на рубеже XIX-XX вв. капиталистические отношения все основательнее утверждаются в Осетии. Усиливается классовая дифференциация крестьянства. Как подчеркивал

Г. М. Цаголов, «среди аульного населения наблюдается страшная хозяйственная дифференциация. С одной стороны, мы видим буржуазию сельских богачей, имеющих иногда довольно солидные средства, с другой аульную голытьбу»²⁸⁰. Все эти процессы довольно убедительно отражала активно развивающаяся осетинская проза.

Осетинская литература жадно впитывала богатейшие эстетические традиции Коста Хетагурова, который «боролся против безыдейности в литературе, отстаивал традиции демократической литературы, укреплял и развивал принципы реализма. Это благотворно сказалось на дальнейших судьбах осетинской литературы»²⁸¹

Также важно помнить, что первые осетинские писатели шли к литературе от журналистики, от жанров публицистики, о чем свидетельствует творчество Коста Хетагурова, Г. Цаголова, И. Канукова и др. И в этом смысле можно привести немало примеров из жизни и творчества ведущих писателей, когда работа в документальном жанре определяла и формировала художественное мышление, художественное слово. И не удивительно. Ведь документально-художественная проза может служить образцом оперативного отклика и анализа исторических и каждодневных событий. И, конечно же, это была и большой творческой школой писательского мастерства: от описания и анализа писатели переходили к осмыслению и обобщению, осваивали опыт художественного анализа жизни, истории, места и роли в ней человека.

Будучи просветителями по духу, первые осетинские писатели в качестве основы культурного развития своего народа имели в виду просвещение, к которому они и хотели и стремились приобщить массы.

Одним из значительных осетинских писателей был Арсен Коцоев. Как писала З. Салагаева, «Арсен Коцоев вошел в осетинскую литературу как большой мастер прозы, публицист и критик. В новеллу он внес свои краски, свою поэзию, целый мир

— мир горцев, со всей их суровостью и простотой, мудростью и неисчерпаемым юмором»²⁸².

Как писал Цомак, А. Коцоев стремился «своим писательским оком охватить явления многоликой жизни»²⁸³.

А. Коцоев умел мастерски изобразить драматизм ситуации, который легко перерождается в трагизм.

«Юмор и драматизм — преобладающие черты таланта Арсена Коцоева. Драматизм его произведений нередко переходит в трагизм, а юмор в иронию и сарказм. Наряду с юмором и драматизмом для рассказов Арсена Коцоева характерен лиризм»²⁸⁴, — подчеркивала З. Салагаева.

Коцоев пришел в литературу еще в 900-х годах, испытав влияние русских писателей Пушкина, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Чехова, М. Горького. Будучи мастером короткого рассказа, писатель проявил высочайший реализм, народность, патриотизм.

Школа журналистики помогла ему зорко всматриваться в жизнь, замечать самые актуальные вопросы. Первые его произведения 1901-1902 годов были посвящены показу вреда отсталых обычаев: рассказы «Фидис» («Злая насмешка») ²⁸⁵, «Хин» («Колдовство») ²⁸⁶, «Тур»²⁸⁷.

Сюжет рассказа «Фидис» или «Ранним утром» прост: большого старика Таймураза злой насмешкой оскорбляет сосед за то, что он не может отомстить за убитого 5 лет назад сына. И старик посылает на явную гибель своего 15-летнего сына Саукудза. Юноша, с радостью вступающий в жизнь, вынужден убить двух братьев кровника Батраза и гибнет сам. А Батраз врывается в дом немощного Таймураза и в постели убивает его.

Эту же тему — тему бессмысленности и жестокости кровной мести писатель поднимает и в рассказе «15 лет» (1901). Кавдын ждал 15 лет случая. А было дело так. На танцах он нечаянно задел девушку, а ее братья отрезали ему ухо в качестве мести. Когда подросток сын обидчика, Кавдын убил его. Но радости от совершившийся мести он не испытал.

В рассказах «Хин», «Тур», «В поисках счастья», «Забота Дадоловых», «Смерть Ханиффы» писатель разоблачает гадалок, знахарей.

Социальный конфликт отражен в рассказе «Охотники» (1902). Два соседа-старика Тедо и Симон давно дружат. Оба они просто нищие. При этом у Симона есть курица, у Тедо — утка. Старики пытаются откормить их к празднику. Но тут к несчастью стариков с охоты ехал князь со своей свитой. 17-летний сын князя Миха застрелил курицу и утку. Так кончилась единственная радость в жизни двух друзей.

Похожий сюжет наблюдается и в рассказе «Пасха Гиго» (1910). Гиго к пасхе откармливал поросенка. Но тут поросенка заметил поп Иосеб. Он потребовал его в счет платы за то, что читал молитвы у постели умершего сына Гиго...

В рассказе «Ханиффа» (1910) писатель повествует о том, как дочь князя Дзанхота Ханиффа влюбляется в Тега, но выходит замуж за кабардинского князя Тасолтана. Накануне свадьбы она гуляла в поле, и ее настиг Тег. Но он не насилует ее, а обещает через полгода ее навестить. Через полгода он приезжает к ней, но будучи благородным человеком отказывается от мести... Однако в другом варианте рассказа «Ганиффа» исход другой. И Тег гибнет от руки Тасолтана.

Арсен Коцоев действительно стремился своим писательским оком охватить явления многоликой жизни. И вполне закономерно, что первую осетинскую повесть написал Арсен Коцоев еще в конце XIX в.

Будущий писатель учился в Орджоникидзевской духовной семинарии. Однако окончить ее он не смог из-за болезни. Вернувшись в родное село Гизель, юноша посылал свои корреспонденции в кавказские газеты. Его статьи и заметки чаще всего под псевдонимами «Хабос», «Ботас», «А. К.» стали появляться в газетах «Терские ведомости» и «Казбек» с 1895 года. Там же он начал писать роман на осетинском языке «Жертвы дедовских обычаев», который до нас не дошел. По свидетельству самого

писателя, в нем он критиковал реакционные обычаи и обряды осетин. «Живя в селении, я понял какой вред наносят народу многие из обычаев предков, понял, что против них надо бороться»²⁸⁸, — писал Арсен Коцоев в автобиографии.

Закончив писать роман, он вдруг выяснил, что опубликовать его негде: «Осетинское издательское общество» на имело достаточно средств для издательской деятельности. И тогда, «не имея возможности печатать на осетинском языке, я начал писать повесть на русском языке»²⁸⁹, — отмечал он впоследствии в автобиографии. Так появилась повесть «Кто виноват» из осетинской жизни, которая была одобрена редакцией газеты «Казбек», но тоже не была опубликована. Уже только позднее, в 1901-1902 гг. ему удалось опубликовать несколько рассказов: «Фидис» («Злая насмешка»), «Хин» («Колдовство»), «Тутр», «В поисках счастья».

Повесть «Заброшенные башня и замок на скале» К. Томаева (псевд. Хъ. Тыррыджы-фырт), по предположению З.М. Салагаевой, могла быть написана после событий 1905-1907 гг.²⁹⁰ Дело в том, что газета «Ног цард» («Новая жизнь»), в которой сотрудничал К. Томаев и в которой была опубликована повесть, стала выходить 8 марта 1907 г. в г. Тифлисе. Она была второй осетинской газетой и в отличие от первой («Ирон газет») носила более умеренный характер. Ведь реакция после поражения революции 1905-1907 гг. породила необходимость формирования новой тактики распространения идей революции не через газетно-публицистические жанры, а через жанры художественной литературы.²⁹¹ В результате газета «Ног цард» («Новая жизнь») стала в некотором смысле литературной, что, безусловно, способствовало развитию осетинской литературы, в частности, ее жанровой системы, которая в связи с данным обстоятельством значительно обогатилась.

Скажем, в повести К. Томаева разрабатывалась историческая тема. Автор дал в ней свою концепцию истории осетинского народа, прослеживая судьбы представителей разных поколе-

ний семьи Талаговых, начиная с конца XVII века и до 60-х годов XIX века. При этом автор убедительно показал причастность членов семьи к разным историческим событиям (присоединение Осетии к России, борьбе против грузинских феодалов и русского царизма, в движении Шамиля, Русско-Турецкой войне и т. д.). В произведении писатель рисует героические характеры Афако, Темболата, Хатаната, Елтака, Тохтыко. Их мужество удивляет даже врагов.

К. Томаев в своей повести формирует весьма прогрессивную философию горской истории, которая и по сей день не потеряла своей актуальности в виду своей жизненной реалистичности.

Писатель приводит очень важную мысль о том, что факт присоединения Осетии к России по сути своей весьма прогрессивный шаг и сулит для горцев большое будущее. И такая концепция логична, ведь К. Томаев — единомышленник и соратник Ц. Гадиева, весьма талантливый писатель.

По своему восприятию национальной действительности К. Томаеву близок и другой замечательный прозаик — Б. Туганов.

Художественное мастерство писателя проявилось уже в его рассказах, в которых с большой глубиной и правдивостью отразились наиболее существенные стороны горской жизни на стыке двух веков XIX и XX-го.

Как правило, в основе сюжетов рассказов писателя лежат жизненно и бытийно важные для горской действительности онтологические проблемы. При этом автор особенно тщательно работает над совершенствованием поэтики своих произведений. А потому характеры, диалоги, монологи, пейзажи, эпитеты, метафоры и т. д., — словом, все традиционные элементы художественного произведения успешно отработаны. Как правило, в основе сюжетики рассказов Б. Туганова лежит один острый эпизод, который писателем тщательно описан. Язык при этом строг, понятен, выразителен и гибок. Характеризуя же своих героев, автор использует яркие и выразительные детали.

Конечно же, каждый раз в своем произведении писатель решает весьма важную творческую задачу: он пытается вскрыть типичные, т. е. объективно присущие реальной горской действительности диалектические противоречия между сущностью и существованием человека. И решению этой важной творческой задачи он подчиняет все вопросы художественности. Потому и удается ему так убедительно и достоверно вписать каждый характер, созданный в его рассказах, в совершенно конкретные обстоятельства, скажем в таких рассказах, как «По адату» и «Пастух Баде», где главным объектом художнического исследования является простой горец, его внутренний мир, психика, мышление, система ценностей, психологические мотивы его поведения. И это не случайно. Закономерность здесь проявляется в том, что писатель подчеркивает, что содержание личности героя гораздо шире, многозначнее его повседневного экзистенциального существования: типическое в характере как раз в этом, так же, как и онтологическая фундаментальность горского бытия тоже. Б. Туганов как бы специально выбирает для своих рассказов простые сюжеты. Описывает мало связей между действующими лицами. Не дает развернутых авторских характеристик. При этом герои его «самораскрываются» через свои конкретные поступки, через отношение к другим лицам, через их диалоги и монологи. Минимальны в рассказах писателя как прямые характеристики героев, так и лирические отступления, скупы использованы форма внутреннего монолога и психологические пейзажи. При этом, конечно же, писатель четко отработал композицию короткого рассказа, удачно использовал детали, активно и творчески дополняющие образы, картины. Скажем, в рассказе «Пастух Баде» преобладает пейзажная деталь, а в рассказе «По адату» — уже психологическая. В рассказе «Конокрад» удачно используется образ плетня, который многократно повторяется в рассказе.

Во-первых, «Сабан и Гуйман сидели на земле у плетневой ограды двора...», во-вторых, «Тут он привязал ее (лошадь) к

плетню и стал ждать»; «Да, вот что, — прибавил Сабан, — привязывая коня к *плетню*»; *в-четвертых*, «В голове его молнией пронеслось воспоминание о том, как он прошлой осенью помогал хрому Бажке строить эту маленькую *плетневую* конюшню...». Здесь, безусловно, образ плетня отражает всю нищету и убогость горского быта, становится символом беспросветной нужды и бедности, безысходности горского бытия в целом.

Так, умело использованная деталь в художественном мире произведения приобретает способность серьезных социальных обобщений, художественной типизации явлений горской действительности с точки зрения социально-исторических и мировоззренческих категорий.

В целом же можно отметить, что в рассказах Б. Туганова описательное начало уступает изобразительному, в котором ведущую роль играют сами поступки героев и характерные особенности их речи. Активно использует писатель и наряду со словесными формами подтекста и внесловесные: паузу, жест, мимику. Все это призвано решить еще одну важнейшую творческую задачу: отразить максимально в конкретно-житейском явлении, событии, эпизоде шаткие нравственные критерии, по которым писатель оценивает человеческое бытие.

Мастерство писателя проявилось и в принципах сюжетосложения. Так, своеобразным воплощением сюжетного действия в его произведениях выступает организация пространственно-временного континуума, в рамках которого и реализуется движение сюжета.

Как правило, в произведениях Б. Туганова выступает бытовое, замкнутое время, в котором отсутствует историческая хронология.

И в целом его художественный хронотоп как бы ограничивается сферой быта, не претендует на социально-исторический характер измерения современности, т. к. касается только области жизненного опыта простого, обыкновенного горца. Тем не менее полную, хотя и косвенную, характеристику получает эпо-

ха, в которой живут действующие лица и происходит реальное событие.

Словом, организация хронотопа в структуре художественного мира произведений Б. Туганова имеет своеобразный эстетический оценочный смысл и решает весьма важную творческую задачу раскрытия как характера героя, так и нравственно-этического содержания эпохи. Это вполне относится и к его повести.

Повесть «Батанок Тембот» написана была им после поражения 1905 года, когда стало ясно, что Россия нуждается в больших переменах. И не случайно Б. Туганов обращается к героическому прошлому кавказских горцев, воскрешая в памяти панораму бесконечных стычек, набегов, праздников, героями которых были люди с горячей кровью, мужественные, бесстрашные, для которых жизнь на грани опасности, т. е. на острии ножа, стала повседневной нормой.

Сюжет исторической повести Б. Туганова прост. Россия установила полный контроль над Кабардой, да и весь Кавказ уже входил в состав российского государства. Изучая быт горцев, их культуру и историю, российские ученые и культурные деятели посчитали необходимым возродить национальное самосознание горцев, кавказский дух. Однако официальные представители власти полагали, что это надо делать в строго ограниченных дозах.

Таким образом, была создана так называемая Дикая дивизия; т. е. кавказское подразделение российской армии, которое представляло собой некое романтическое сообщество. Писатель решил создать в своей повести подлинно кавказские национальные характеры.

Действие происходит в разных кабардинских аулах. Кабарда, как и все другие кавказские области, была раздираема внутренними противоречиями, конфликтами, в частности, бесконечными последствиями кровной мести. Действие повести автор относит в первую четверть XIX века.

В центре внимания писателя — судьбы горцев крайних убеждений, феодалов, ставших выразителями духа кавказского сопротивления. При этом драма этих людей в том, что, выступая против российского влияния на их жизнь, они по существу сопротивляются самому духу времени, прогрессу, цивилизации и общечеловеческой культуре. Так, исторический конфликт, организующий художественный мир произведения, раскрывает логику правды и неправды каждой из противоборствующих сторон.

В целом в повести разрабатывается тема сложных взаимоотношений между Россией и оппозиционно настроенных горских феодалов. Художественно убедительно воссозданы в произведении образы старика Инала, Хаджи-Паго, Батанoko Тембота, Жилля-Гуаши, Кушука и др.

Портрет в произведении является важным средством характеристики героев. Так, мужественное лицо Хаджи-Паго, его стройная фигура, вооружение выдают в нем уже с первого взгляда настоящего джигита, воина. Он чрезвычайно жизнерадостный, удивительно веселый человек. Расставаясь с сестрой перед отъездом на войну, он пытается рассмешить сестру и внушить ей надежду и уверенность в удачном исходе войны.

Образ Батанoko Тембота вырисован в традициях описания богатырей нартского эпоса. Он — искусный дипломат, так ему удается договориться со стариком Иналом о прекращении кровной мести между родами Батанoko и Шатлиноко. Он искренне любит дочь Инала Жилля-Гуашу, сказочным образом спасает ее, отбирая у похитителей, подосланных бывшим ее женихом Хаджи-Умаром Гурмашуковым.

При этом в произведении нет психологически убедительной характеристики героев. В романтическом ключе разработаны образы таких героев, как Хаджи-Паго, Батанoko Тембот, князь Мисост. Несколько акцентируя социальную типологию своих героев, писатель уступает в индивидуализации личностных черт характера, что в целом снижает общий уровень драматизма действия, самой конфликтной ситуации.

Тем не менее произведение Б. Туганова «Батанокко Тембот» обогатил концепцию осетинской повести новым уровнем историзма и художественной правды.

В рассказе «Смерть глашатая» (1915) Г. Малиев изображает судьбу «маленького человека» Дадо, который никому на свете не нужен, незащищен. 30 лет он был глашатаем, но постарел и староста с легким сердцем его прогоняет.

Сюжет другого рассказа Г. Малиева «Закрытое сердце» прост: старый пастух Бидзиха всю жизнь любил спесивую дочь балкарского князя Зулеймат. Он считал, что в жизни нет счастья и с этим надо мириться. Автор же проводит мысль о том, что за счастье надо бороться.

В рассказе «Обвал» писатель повествует о том, как излишняя страсть к деньгам погубила все человеческое в Мисирби, она привела даже к его гибели.

В повести «Месть молодого горца» (1911) писатель Е. Бритаев исследует, как под влиянием просвещения и участия в революционном движении Ахмат отказывается от мысли о кровной мести за смерть отца человеку, ставшему его соратником в борьбе за свободу. Разумеется, не вдруг и не легко приходит молодой горец к такому важному не только для себя, но в целом и для всего горского общества решению. Видимо, герой многое пережил, прочувствовал, и, осознав дух эпохи и объективный характер ее требований, перешагнул через вредный обычай кровной мести, истребивший многие жизни, исковеркавший судьбы тысяч людей за многие века и десятилетия...

Вообще вредные национальные обычаи и их пагубное влияние на народные судьбы становились не раз предметом серьезных размышлений передовых людей Осетии.

Конечно же, в жанре повести литература продолжает развивать свои принципы трактовки и формирования национального характера горца, которые активно утвердились в эти годы и в других жанрах, в частности, публицистических статьях, очерках.

Узловые проблемы, которые на определенном этапе развития общественного и художественного сознания осетинская литература активно осмысляла, а именно: размышления о судьбах народа, нации, ее историческом духе, настоящем, забота о будущем народа, — в начале формировались в публицистике, в очерках. И жанры эти свое дело сделали: создали общественно-психологический климат вокруг данных проблем. Возбудоражили общественное сознание, активизировали в нем новые искания, новые процессы и этим тоже готовили новое качественное состояние национальной литературы.

Так, в статье «Она бежала» Г. Цаголов писал: «Несчастливая женщина», превратившаяся среди некоторых народов в какое-то двуногое животное, завоевывает себя у мужчин. Не в моту уже стало ей нести тот крест, который ей достался на долю. Она исстрадалась до невозможности. И вот она решилась, наконец, сказать: «Люди-братья! Я тоже человек... Я имею такие же желания, как и все вы. Я хочу жить так же, как и всякий человек...»²⁹². Так остро ставил писатель проблемы женской эмансипации, свободы человеческой личности вообще, выдвигая свою концепцию национального характера, который, по его глубокому убеждению, складывается по не зависящим от горца и очень неблагоприятным для него обстоятельствам жизни народа.

Столь конкретная ориентация публицистики Г. Цаголова и направленность его ума в корне определяли и его социально-психологическую проблематику. Важно, что и в жанре публицистики ярко проявились черты своеобразного историко-антропологического подхода к исследованию проблем сложнейшей эпохи национального бытия. На изломе всемирной истории, в бушующем потоке мутного времени человек выбит из колеи, потерял нравственные ориентиры, — в общем потерян и несчастен: — это естественно. Ну а каково же самочувствие, — нравственно-этическое, психологическое, забитого маленького человека-горца; и почему всегда исторические обстоятельства складывались таким образом, что на долю гор-

ца выпадали исключительно горе, слезы, смерть и страдания; что ждет его в будущем, — вот крут проблем, которые определили философию художественного сознания осетин, сформировавшего жанр повести на изломе двух эпох.

Повесть явилась тем жанром, который оказался способным скрупулезно исследовать природу нравственных ценностей, глубоко анализировать и природу человеческой души, и мотивов поведения частного человека, живущего в реальном хронотопе, т. е. в конкретном континиуме социального времени и пространства национального бытия.

При этом, как показала история жанра в XX веке, повесть в рамках своей творческой концепции утверждала ценностную аксиоматику осетинской доктрины, сформулированную в совокупности важнейших для народа идеологем. И в этом проявилось национальное своеобразие осетинской повести.

Развитие же в целом жанра повести далее проявилось в поисках глубинных связей между характером и обстоятельствами, в заметном обогащении принципов типизации, социального и психологического анализа. Она продемонстрировала всем своим бытием на протяжении века зрелые реалистические принципы типизации, обогатила художественный опыт осетинской литературы в целом и пути ее характерообразования в частности, всю сферу ее характерологии. И тем самым, конечно же, во многом определила тип ее дальнейшего развития и облика.

Конечно, повесть на протяжении всей своей истории активно использует богатейший арсенал художественно-изобразительных средств. При этом активно привлекает «энергию» фольклорной образности, фольклорный опыт обобщения, опыт народного классического красноречия, описывая с любовью, тщательно национальные традиции, используемые ею для создания системы характеров.

В очерке «Осетинская женщина» другой замечательный осетинский писатель Цомак Гадиев еще в 1908 году писал с возмущением и болью о бесправии осетинки, стремился про-

будить в ней желание протеста против социального и семейного гнета, вызвать в ней потребность бороться за свои человеческие права и свободу²⁹³. И с этой целью ставит ей в пример женщин России. Поднимает вопрос о необходимости организации женских кружков и обществ, о революционном преобразовании жизни.

За подобные смелые призывы поэт был сослан в 1910 году в Сибирь, где пробыл до 1917 г. Получив столь суровый жизненный опыт, Ц. Гадиев решил обобщить его, написав повесть «На путях тюрьмы и ссылки». Но повесть не была написана: сохранились только ее плановые наброски. Однако он написал другую повесть под названием «На месте причисления (эскизы)»²⁹⁴. Повесть в значительной мере автобиографична: ней изображается нелегкая судьба переселенцев, жизнь, и быт людей Сибири, красота ее природы. Перед нами всплывает образ старика, некогда сильного, красивого, но которого 30 лет жизни на поселении в тяжелых условиях просто высушили. Как говорит сам старик, практически «убил тут жизнь», и теперь его удел «страшная одинокая смерть». Так же печальна участь старухи-бродяжки, мечтающей попасть в богадельню. Главный же герой повести, от имени которого ведется повествование, — революционер, просветитель, умный человек, интеллигент, гуманист, душой переживает за всех тех людей, с которыми сталкивает его жизнь. В принципе он настроен оптимистично, он верит в счастливое будущее этих людей. С его точки зрения, они — гордые, красивые. Подкупает его и природа Сибири, под стать этим людям с нелегкой судьбой, и задумчивые песни, которые они поют и в горе и в радости, и их верование.

Повесть Хоха Тлатова «Сон» не менее интересна. Она строится своеобразно. Как замечает З. Салагаева, «Прием сна для изображения картин будущего в повести Хоха Тлатова скорее всего тоже идет от Чернышевского. Большое влияние на проблематику повести «Сон» оказали романы популярного в России начала XX века американского писателя Эдварда Беллами

«Будущий век (через сто лет)» и «Равенство». Влияние их чувствуется даже в композиции повести «Сон»²⁹⁵.

Дело в том, что в произведении использован прием противопоставления нового старому, применяемый в социально-утопических романах Беллами. Повествование в нем ведется от первого лица, т. е. произведение строится в форме исповеди студента-осетина, живущего в Петербурге.

Вслед за Коста Хетагуровым и Сека Гадиевым, Х. Тлатов вполне овладел мастерством психологического анализа. Так, в повести все, что видит герой-студент, он соизмеряет с собой, т. е. своеобразно «окутывает» события и факты своими собственными переживаниями. Также и предметы быта, природа, люди, — т. е. буквально все, что попадает в поле зрения студента, все осмыслено писателем и воспринято с точки зрения зрелого реализма.

Осетинскими литературоведами творчество Х. Тлатова не было, к сожалению, достойно оценено. Дело в том, что писателя обвиняли в неумении увидеть социальные корни или причины бедственного положения трудящихся. Ведь частично Х. Тлатов причину видел в пассивности и бездеятельности самих людей, в их непросвещенности. Словом, писателя причисляли к направлению критического реализма, тогда как в осетинской литературе уже зарождались элементы соцреализма. Так, в частности, в произведениях Цомака Гадиева, Арсена Коцоева, Георгия Цаголова разрабатывалась тема революции, свободы и равенства.

Тем не менее повесть «Фын» («Сон») была написана писателем в 1906-1910 гг., в пору его учебы в Дерптском университете. Повесть фантастическая. Герой ее — студент-осетин, бедствует и все же больше думает о тяжелом положении своего народа, чем о своей собственной судьбе. Как-то увидел он чудесный сон. Пришла к нему сила и заявила: «Я, мол, сила мира. Я за тобой!». И повела его сила за собой. И увидел он удивительную картину. В осетинском ауле — светло: вспыхнуло там электричество. Далее пригласили его в большой дом, где сидит веселая, счастли-

вая молодежь. За угощением плавно течет беседа, и гость узнает, что здесь все учатся, и что от оружия все отказались: оно просто никому не нужно. В селе работает замечательный театр «Фарн». Все здесь уверены, что бездельничать, т. е. не работать или не учиться, — просто позорно, не достойно звания человека. Позорно не любить, имея сердце; жить без пользы для людей. Далее видит гость рядом с театром — читальный зал, банк, магазин, больницу. И еще приятно удивлен герой, узнав, что в селе все женятся по любви и без калыма, ведь женщина — не скотина, чтобы ее продавать!..

Проснувшись, студент вздыхает: хоть бы пришла такая пора когда-нибудь!

В целом же писатель выразил гневный протест против крепостного права, против произвола власть имущих, которые могли себе безнаказанно позволять распоряжаться судьбами других людей, униженных и оскорбленных, доведенных до крайней степени отчаяния.

В повести «Челе» (1915) Илас Арнигон (Г. Тогузов) поднимает проблему зарождения буржуазных элементов в осетинском селе с их отвратительными грязными сторонами. Деревенский кулак Челе раньше был очень бедным человеком: семья его еле сводила концы. Но вот влекомый жадой наживы, он потерял душевный покой, отказался от радостей жизни, от дружбы, любви, теплых человеческих отношений. Им овладела страсть накопительства, которая и привела его к полному одиночеству. Теперь вот, на пороге смерти, вдруг вспомнил несчастный Челе, что отдал рашпиль соседу, который не вернул его. И послал умирающий гонцов к соседу за рашпилем. Сыновья Челе наконец-то вернули ему его рашпиль, и, успокоившись, старик умер.

Безусловно, автор повести находился под влиянием обличительного все человеческие пороки реализма Л. Толстого...

Итак, на примере рассмотренных произведений можно отметить важнейшие жанровые особенности формирующейся осетинской повести.

В осетинской повести художественное отражение прошлого и настоящего в их причинно-следственной соотнесенности выступает как принцип сюжетосложения.

Второй, столь же важный, принцип сюжетосложения в жанровой структуре повести является осмысление этнонациональной ментальности, в частности, народных традиций и обычаев, и их художественной функции.

Третий принцип сюжетосложения — философское осмысление новой действительности и ее роли в становлении нового типа человека.

Четвертый принцип сюжетосложения в жанре повести — художественный анализ исторического и духовного бытия народа, проблем нравственности, роль и своеобразие трактовки преломления авторского сознания.

При этом, конечно же, обычаи и традиции, т. е. художественный этнографизм в целом, в осетинской повести выполняет различные функции: содержательную, сюжетно-композиционную, этико-эстетическую, дополнительно-информативную, юмористическую, драматическую, гиперболическую.

В повести этнографические детали выполняют не только конструктивную функцию в построении художественного произведения, но и имеют содержательное значение, благодаря чему раскрываются обычаи и традиции: почитание старших и женщин, гостеприимство, абречество, кровная месть, аталычество и т. д. Авторы, используя этнографические мотивы, раскрывают смысл, назначение, показывают жизнеспособность древних обычаев в новое время, их изменение, сохранение в них высокого этико-эстетического смысла, их существенную роль в сюжетно-композиционной структуре произведения, в раскрытии национальных характеров.

Как бы писатели хотят сказать: в новое время старые обычаи уходят, но остается и совершенствуется их этический и эстетический смысл. Художественный этнографизм в повести несет важную сюжетно-композиционную, содержательную, эстетическую и аксеологическую функции.

И это закономерно: повесть обратилась к сложным проблемам человеческого бытия, к анализу психологических, нравственно-этических, религиозных, философских, национальных особенностей.

Некоторые языковые особенности повести имеют этнофольклорные корни, другие являются новаторством. Использование различных языковых средств оказывает авторам существенную помощь в решении проблемы характера, в раскрытии его внутренней сущности.

В зависимости от выполняемой в художественных произведениях функций, можно выделить некоторые языковые особенности: приветствия, благопожелания, тосты, аллегории, иносказания, проклятия, песни-плачи, клятвы, заклинания и наговоры, жанры устного народного творчества (загадки, пословицы, поговорки) и другие.

В повести ярко и красочно воспроизводится эпоха, передается уровень сознания героев того времени, своеобразие национального мышления посредством введения следующих языковых элементов: иносказаний, тайного языка, изречений, тостов и т. д.

Большую роль в становлении осетинской повести сыграли мифические традиции, во-первых, в изображении человека, в частности, в индивидуализации, в процессе типизации, в раскрытии величия, храбрости и мудрости героев (подобно Урузмагу, Сатане, Сырдону), чистоты и красоты нравственного поступка (Батраза, Ацамаза).

Эпическая традиция обогатила жанр повести умением изобразить широкую картину народной жизни, сильные героические характеры, такие составляющие нравственно-этического идеала человека, как смелость, мужество в защите достоинства, чести и свободы человека. Также, разумеется, эпическая традиция обогатила арсенал художественно-изобразительных средств, скажем, мастерство диалога, языка, сравнений, эпитета; и в целом, конечно же, философско-эстетического характера осмысления жизни.

Не меньшую роль сыграли в формировании жанра повести и традиции исторических легенд, героических песен. Особенно ценными оказались такие их специфические жанровые черты, как сложные драматические коллизии, жанрообразующая идея защиты родины, сильные характеры героев, преданность в любви и дружбе.

От исторических сказаний и песен повествовательная традиция использовала элементы историзма, которые данные фольклорные жанры накапливали, приурочивая свои сюжетные действия к определенным событиям, пытаясь как-то логически объяснить условия становления трагизма любви, дружбы и т. д.: а от сказок, конечно же, прежде всего, динамику сюжета, такую ее черту, как многособытийность.

При этом, разумеется, повествовательная традиция, успешно формирующаяся в литературе, на основе родственной фольклорной, все же существенно ушла вперед от нее.

Чем же качественно отличается вновь рождающаяся повествовательная традиция от давно существующей, фольклорной, возраст которой может исчисляться тысячелетиями истории национального художественного сознания?

Герой эпоса, как правило, олицетворяет в себе общество полноценно, однозначно и целиком. То есть эпическое сознание ставит знак равенства между отдельным героем и всем обществом. Отсюда оно и формирует свое основное онтологическое качество, определяющее всю свою фундаментальную философско-этическую и художественно-эстетическую программу. Это — монументальный характер изображения героя, его «скульптурность»²⁹⁶.

По логике причинно-следственной зависимости формируется следующая черта: гиперболизм в системе образности, что вполне объяснимо и предсказуемо. За второй появляется и третья черта, а именно — значительность, масштабность сюжетно-композиционного построения. А подобная архитектоника соответственно порождает и свою специфическую систему ху-

дожественно-изобразительных средств и приемов, — словом, диктует свою собственную поэтику, которая исторически и эстетически очень хорошо логически объясняется.

Герой же литературы, как объект уже качественно новой повествовательной традиции, олицетворяет, конечно же, черты своей среды, и, разумеется, по-другому. В принципе теряет архаика образа, неправдоподобность ситуации. Появляются качественно новые проблемы изображения человека: портрет, психологизм, многогранность образа, сильные и глубокие страсти, способные стимулировать поступки и т. д. Усложняются сюжет и композиция, нарастает драматизм действия, ощущение трагизма, пейзаж, появляется большое количество персонажей и т. д. Все это становится возможным, поскольку онтологические фундаментальные основы, определяющие философско-эстетические платформы двух типов художественного сознания: фольклора и литературы, существенно отличны. Если герой эпоса, как мы заметили выше, олицетворяет общество, т. е. эпическое сознание ставит знак равенства между отдельным героем и всем обществом, то уже личностный тип художественного сознания, каким является литература, исходит из того, что отдельный человек — всего лишь часть целого, т. е. общества, во-первых. И, во-вторых, ведущая часть, от качества свойств которого зависит качество целого, т. е. общества. А значит огромный интерес вызывает сама личность, индивидуальность. Так, в художественном сознании приходит понимание важности роли человеческого фактора.

В результате рождается и новое представление образа народа не как однородной массы, а осуществляется в художественном образе его индивидуализация. И, конечно же, существенно обогащается сама структура художественного образа. Весьма показателен данный процесс в творчестве К. Хетагурова, С. Гадиева и др. У Коста, скажем, так реалистически выписаны характеры Кубади, Одинокого, Эски — разбойника, Фатимы. Он же, данный опыт художественного воплощения отдельных черт

национального характера, обогатил реализм писателя, его гражданственность, глубину изображения народа, психологизм, связи с фольклорным типом художественного сознания, пейзажные картины, драматизировал сюжеты, породив богатство и образность языка.

Весь этот художественно-философский опыт обогатил жанровую природу осетинской повести, выросшей исключительно из осетинской действительности и показавшей удивительно живучее стремление к эпическому обобщению национальной жизни.

Итак, как эпический жанр, повесть на начальном этапе своего бытия порождает новое качество эпичности осетинской литературы, синтезирующее в себе черты разных жанров: повести, романа, рассказа, очерка, исторического исследования. В этом, собственно, проявляются особые жанровые тенденции осетинской повести.

Особенно важно подчеркнуть, что писатели вырабатывали приемы и формы повествования, создавали технику письма, технику развития эпической прозы, когда учились описывать некоторые бытовые подробности, искали им место в художественной ткани повествования, определяли особенности их подачи. И также с их помощью формировали представление о герое, об обстановке, в которой он раскрывал особенные черты своего характера, его действия, поступки, поведение.

Словом, устанавливались логически важные причинно-следственные связи характера и обстоятельств, т. е. то, что в принципе и составляет фундаментальную базу художественной типизации, в которой практическую реализацию получает национальное художественное сознание той или иной эпохи на том или ином уровне развития.

Народность осетинской литературы начала XX века выражает очень многие аспекты и возможности художественного сознания. Во-первых, отношение индивидуального авторского творчества к коллективному и, во-вторых, наследование про-

фессиональной литературой мотивов, образов, поэтики фольклора. В-третьих, меру глубины и адекватности отражения в произведении облика и мировоззрения народа. В-четвертых, меру эстетической и социальной доступности литературы массам.

Народность, конечно же, включает в себя и значение произведения, его идей и образов для развития общественного самосознания, для художественного познания жизни всей нации. Она означает меру выражения в искусстве идей и интересов трудящихся, верность национальной самобытности, нравам, обычаям, языку. То есть, выражаясь словами В. Г. Белинского, она отражает «национальную субстанцию».

Итак, 1900-1917 годы в истории осетинской художественной культуры занимают особое место. Тогда в литературе появились повествовательные жанры (рассказ и повесть), драматургия, периодическая печать (газеты и журналы) на осетинском языке, значительно развилась художественная, просветительская и научно-популярная публицистика.

Творческую активность осетинских писателей стимулировало развернувшееся революционное движение народных масс в России и в Осетии в 1905-1907 гг. Наиболее талантливые писатели (Ц. Гадиев, Е. Бритаев, Г. Дзасохов и др.) непосредственно участвовали в революционных событиях, разделяя революционно-демократические настроения, царившие в умах всех слоев осетинской интеллигенции, способствуя интенсивному развитию общественной мысли и художественной культуры, в частности, литературы. Ускоренному развитию осетинской литературы способствовали умонастроения еще живого К. Хетагурова, традиции которого успешно осваивались и развивались в произведениях таких самобытных писателей, как С. Гадиев, А. Коцоев, Е. Бритаев, Ц. Гадиев, И. Арнигон и др.

11. 2. Поэзия

Но развитие литературы в эти годы шло неравномерно. Если в годы революционного подъема наблюдался бурный рост литературы, которая успешно решала задачи революционной пропаганды, в связи с чем развивались проза, поэзия, драматургия, то в годы реакции, последовавшей после разгрома революционного движения в 1907 г., и первой империалистической войны 1914 г. наблюдается уныние, разочарование в настроениях писателей.

Следующий душевный подъем испытали они только после октября 1917 г. и гражданской войны. И связан он был с большими надеждами на лучшее будущее для себя и своего много-страдального народа. А потому принимали активное участие в борьбе за утверждение и развитие новых социалистических форм народной жизни.

Ц. Гадиев был арестован в 1908 г. и просидел в тюрьме три года, затем был сослан в Сибирь. Основоположник осетинской драматургии Е. Бритаев после годичного тюремного заключения также был выслан из Осетии. Прозаик А. Коцоев, редактор журнала «Афсир» («Колос»), после закрытия журнала, вынужден был покинуть родину, и вернулся домой лишь в 1918 г., «со-скучившись по черному хлебу родных гор». Поэт И. Арнигон бежал от преследований администрации Терской области в Маньчжурию. Кроме того, в 1905 г. в сражениях русско-японской войны погиб Б. Гурджибеков, в 1906 г. скончался К. Л. Хетагуров, в 1910 г. — Р. Кочисова, первая женщина — драматург, в 1915 г. погиб С. Гадиев.

Конечно, в эти сложные годы в литературу пришли новые, талантливые люди. Это поэты Г. Малиев, А. Гулуев, Ш. Абаев, И. Хубаев, Нигер (И. Джанаев), С. Баграев, Г. Бараков, Ч. Беджы-заты, С. Кулаев и др., ставшие затем классиками осетинской литературы.

До революции в их творчестве звучали нотки горестного переживания о судьбе родины, жажда перемен и предчувствия грозных событий в общественной жизни и сознании масс.

В солдатской песне «Ранним утром», сложенной на турецком фронте Г. Бараковым, звучат идеи бессмысленности кровопролития и рождается глубокая гуманистическая мысль о том, что жизнью жертвовать стоит лишь во имя желанной свободы.

Нигер (И. Джанаев) в «Думах Осетии» призывал народ искать новые пути-дороги в будущее:

Где же ты, спасенье нашей родины?!

О мой народ, надейся, жди —

И, помня о дорогах пройденных,

Гляди на то, что впереди!

(перевод Л. Озерова).

О желанной свободе пишут Ч. Беджызаты и С. Кулаев., С. Баграев и др. Мечтает о «солнечной весне» Г. Малиев:

О капли дождевые,

Предвестницы весны,

Рассейте мрак душевный

И сердца злые сны

(Стихи написаны на русском языке)

В 1905-1917 гг. на осетинском языке появляются драматургия, проза, публицистика. Основным творческим методом становится **критический реализм**. Развивался и романтизм, скажем, в отдельных рассказах А. Коцоева, С. Гадиева, А. Кубалова, Х. Тлатова.

В 1907 г. вышел в свет сборник поэтических произведений Г. Цаголова «Осетинские мотивы». В своих поэтических произведениях Г. Цаголов рисует положение осетинской бедноты. В поэме «Рассказ дигорца» он поведал о судьбе несчастной вдовы, которая бросается в бурный поток Уруха. В стихотворении «Иналук» поэт раскрывает душевное состояние крестьянина-бедняка, у которого не уродился ячмень. Бедняку Иналуку страшен не только голод, но и старшина, который заберет последнюю корову в счет налога. Но Г. Цаголов верил в лучшее будущее народа. Он писал:

Придет конец теснинам гор,
И хлынут воды на простор...
(«Горный поток»)

Надежда на лучшее будущее звучит и в стихотворении «Сон»:

Придет она...
Придет заря святая...
И стает снег...
И расцветут цветы...

Стихотворение поэта «На могиле Коста Хетагурова» пронизано идеями народной революции:

Вокруг редет мгла... Руси порабощенной
Зарю счастливых дней грядущее сулит...
И близится рассвет... И трепет затаенный
Уж в крике птиц ночных заметнее звучит.
На повороте мы... Могучею волною
Нас скоро вынесет к заветным берегам,
Туда, где нет цепей, где подлою пятою
Палач не осквернит свободы дивный храм...

Поэзия Ц. Гадиева насыщена пафосом революционной борьбы. Его стихотворения печатались в газетах, которые выходили в те годы («Ирон газет», «Ног цард»). Стихи Ц. Гадиева периода первой русской буржуазно-демократической революции выражают веру в великую силу народа, в его победу. В стихотворении «Народ» он писал:

Сила народная сокрушит скалы,
Воля народная качнет горы
(Подстрочный перевод)

В стихотворении «Призыв к борьбе» Ц. Гадиев рассказал о том, что волны революции стали доходить до высоких гор и глубоких ущелий Кавказа, что народ стал пробуждаться от глубокого сна.

Одновременно с Ц. Гадиевым выступил поэт Ш. Абаев, принимавший участие в революционном движении с 1904 г. Поэзия его полна ненависти к власти имущим. Один из основных мотивов его поэзии — призыв к борьбе за свободу. Так, в 1904 г. в стихотворении «Выходите» он писал:

Смелее выходите!
Настало время говорить!
Воспрянемте, выходите
Ударим по врагу!

(«Выходите»)

Примерно к 1907-1908 гг. относится начало литературной деятельности видного советского поэта С. Баграева. Дореволюционные стихотворения С. Баграева отличались социальной остротой. В стихотворении «Подвластные» поэт пишет о тяжелой доле безземельных бедняков. В стихотворении «Пирующие» поэт клеймит богатых, алчных, ненасытных. С. Баграев осуждает реакционные адаты, которые еще больше усугубляют бедственное положение горцев.

Вместе с Г. Малиевым начал свою литературную деятельность А. Гулуев. Его первое стихотворение, посвященное памяти Коста Хетагурова, напечатано в газете «Ног цард» (№66) в 1907 году. Работал учителем, служил в армии. Революцию 1917 года встретил вдохновенными стихами. В 1918 году в стихотворении «Песня гор» А. Гулуев писал:

Нам, бойцам мятежным, вставшим грозной тучей,
Не страшны угрозы яростных врагов,
Песней боевою, как Кавказ, могучей,
Мы ответим смело на свободы зов.

В новелле «Челе», автор создал образ крестьянина-кулака. К предреволюционным годам относится начало поэтической деятельности и Нигера (И. Джанаева). Нигер начал писать стихи в Ардонской семинарии. В 1916 году здесь издается нелегальный рукописный журнал «Фидиуаг» («Глашатай»). В нем опубли-

ковано несколько его стихотворений и рассказов за подписью «Сау лаппу», «Нигер» и другими. В ранних стихотворениях Нигера созданы образы бедных горцев, нарисованы картины нищенской жизни. В своем первом произведении «Мое имя» Нигер с болью в сердце пишет о бедняках:

Сироты наши не обласканы,
Где бедняку приют найти?
Не усладить их души сказками —
Невзгоды стали на пути...
Брат-осетин всегда с охотою
Трудился, но терпел нужду.
Он, как с сумой, ходил с заботою,
И враг вводил его в беду.
(«Думы Осетии», перевод Л. Озерова)

Описывая невыносимое положение горца, Нигер зовет его к борьбе с врагом («выйдем против врага с камнем, с палкой»). Поэт ищет вождя, который бы помог народу обрести новую жизнь. В стихотворении «Вперед» он писал:

— Смелее, товарищ!
К алдару во двор!
Короткий с алдаром
Теперь разговор!
Он сыт нашей кровью
И нашим трудом.
Вперед смелее! С алдаром
Мы счета сведем!
Проснись же, о горец!
Сегодня народ
На суд беспощадный Алдара зовет.
(Перевод Э. Левонтина)

Такова была осетинская поэзия в начале XX века. Она резко обличала существующую реальность и смело звала на революционную борьбу за передовые идеалы, за светлое будущее, как

постигала их, свято веря и мечтая, общественно-политическое сознание эпохи.

11.3. Драматургия

Основоположник осетинской литературы К. Л. Хетагуров внес большой вклад в формирование осетинской драматургии. При этом, безусловно, поэт впитал дух и традиции великой русской литературы. Как писала А. А. Хадарцева, «Дух революционных преобразований, идеи народности и реализма русских революционных демократов оказали большое воздействие на развитие драматического жанра в творчестве Хетагурова еще в петербургский период его жизни. Борьба старого с новым, стремление народа к свободе, любовь к родине и другие темы, характерные для классической русской драмы, нашли место и в творчестве Коста Хетагурова. Идейная глубина его произведений, широта тематики, образность языка проявляются с равной силой как в стихах и публицистике, так и в драматургии»²⁹⁷.

Об особом увлечении Коста искусством театра вспоминал А. Хетагуров, отмечая, что еще в ставропольской гимназии «Учился он не очень усердно, зато охотно принимал участие в ученических спектаклях»²⁹⁸.

Затем уже в Петербурге Коста пишет пьесу «Чердак», главный герой которой Владимир, мечтая о многом, разочаровался во всем, т. к. «в жизни цель не находил».

Все отвергать, над всем смеяться,
Везде искать лишь наслажденье —
Вот все, к чему теперь стремятся
Во всякий час его сужденья.

Владимир приехал в столицу, полный сил и надежд на светлое будущее, но общество пребывало как-бы во сне.

...видел всюду заблужденье,
Непрочность, мелочность всех дел,

Неискренность и ложь суждения...
Служить себе был всех удел...

Пошлый мир в пьесе представлен в образе студента сибарита Григория, который произносил фальшивые фразы о «жертвах для народных нужд». На деле же был только своекорыстен. Владимир же вполне искренне полагал, что:

Жить для того, чтобы кормиться,
Способен даже червь земной...

В конце концов он отвергает любовь Наташи и сходит с ума. И не случайно. «Автор, как и его герой, приехавший в столицу с глубокой верой во всемогущество просвещения, убеждается, что за осуществление свободы, братства и любви нужно бороться, хотя и не видит пока практической возможности осуществления этой борьбы»²⁹⁹.

Жизнь бедняков, обитателей подвалов и чердаков волновала Хетагурова в продолжение всей его жизни... Он не раз возвращался к этой теме, а в 1894 году опубликовал в газете «Северный Кавказ» стихотворение под названием «Чердак». Герой, как и Владимир, приехал в столицу для получения образования и страдает чахоткой. Чтобы мать не беспокоилась, пишет ей бодрые письма о том, как он хорошо устроился.

Конфликты пьесы и стихотворения отражают главные противоречия в общественной жизни. В обоих произведениях отражается весьма важный процесс зарождения новых социальных сил. Дело в том, что герои убеждаются, что просветительство бессильно решить актуальные проблемы общественной жизни, устранить главные противоречия эпохи, а потому приходят к идее революционной борьбы.

Вернувшись в Осетию из Петербурга в 1885 г., Коста с середины 80-х и до конца 90-х годов XIX века увлеченно занимается живописью и литературным творчеством, театром. Вот как вспоминала актриса Н. Шарапова-Прошинская: «Моя первая встреча с поэтом Хетагуровым произошла в семействе артиста

Любова, где экспромтом состоялась веселая вечеринка в обществе артистов. Жена Любова пригласила меня после спектакля к себе ужинать, обещая познакомить с Коста Хетагуровым, который в этот вечер играл с артистами в качестве гастролера. Шла пьеса «Пчела и трутень». Коста играл бедного, забитого судьбой труженика — пчелы и играл очень недурно, не отличаясь от заправских артистов»³⁰⁰.

С целью активизации эстетического воспитания молодежи Владикавказа Коста ставит живые картины: «Венки», «Демон», «Изгнание Авраамом Агари». При этом сам же создает театральные декорации, организует любительские спектакли. Так, в декабре 1887 г. создает декорации к оперетте Штрауса «Цыганский барон», (ТВ, 1888 №12), в начале 1888 г. — декорации к оперетте «Хаджи-Мурат» (СК. 1888 №2), к феерии «Дети капитана Гранта» (там же). А в 900-х годах ставил живые картины: «Водопад», «Горянка, идущая за водой», «Кавказский пленник»³⁰¹.

В пьесе «Дуня» Коста разрабатывал идею эмансипации женщин. Сюжет прост. Городская девушка Дуня рискнула уйти из купеческой семьи и осталась совсем без средств к существованию. Сначала она работала прислугой, потом стала студенткой. Как и героиня поэмы «Фатима», Дуня открыто восстала против порабощения личности.

Осетинская же драматургия начала XX века (1902-1903 гг.) представлена в основном двумя замечательными пьесами: комедией «Адули» («Дурачок») В.И. Гурджибекова и «Уараседзау» («Побывавший в России») Е.Ц. Бритаева. Начиная с 1903-1904 года, пьесы, оригинальные и переводные, ставились в городах и селах самодеятельными кружками.

Пьеса «Дурачок» В.И. Гурджибиева (1902) имеет подзаголовок: «Современная притча о том, как богатые и простые Царуговы сватали своему дурачку единственную красавицу-дочь обедневших дворян Борхаевых Хан-Гуассу».

В своей пьесе В.И. Гурджибеков продолжает традиции Фонвизина: сын Царая Царугова и его жены Тезады Ахснифф

уж больно напоминает фонвизинского Митрофанушку. Сам Царай — человек низкого происхождения, из косагов. Тезада хотя и происходит из родовитой фамилии Тагаровых, но мать ее так называемая номылус, т. е. рабыня. И, следовательно, сама Тезада вовсе не причислена по сословному рангу к дворянам. Тем не менее весьма и весьма спесива, к тому же глупа, хоть и хитра.

Барзай Борхаев — обедневший дворянин, чем он особенно гордится. Его дочь Хан-Гуасса — красива, умна и во многом не разделяет взгляды отца. Царай и Тезада хотят засватать своему сыну-дурачку Хан-Гуассу. Но девушка восстает против такой перспективы устройства ее судьбы: слишком по-разному воспринимают она и ее среда жизненные ценности. Так зарождается в пьесе конфликт на социально-исторической основе. В целом столь реальный, жизненный сюжет, взятый из осетинской действительности и отражающий мировоззрение феодального общества, в целом патриархально-родовые нормы морали и порядки мироустройства, способствовал формированию правдивых, типических характеров, действующих в условиях типических обстоятельств. Метод критического реализма, мощно и ярко проявившийся в пьесе, обусловил удивительную правду характеров: даже второстепенные герои, действующие лица (соседка-сплетница Уолмесс, например) действительно жизненны и реалистичны.

В целом сюжетно-композиционная стройность пьесы, элементы комического свидетельствуют о том, что драма написана в традициях Коста Хетагурова.

Безусловно, произведению присущи и недостатки. Так, хоть пьеса написана в стихах, но в ней нет ни рифмы, ни ритма.

Основоположником осетинской драматургии был Е. Бритаев. Концепция комического в творчестве Е. Бритаева предстает как аксиологическая система общечеловеческих ценностей. И в конечном итоге она формирует его социально-исторические и художественно-эстетические идеалы. Е. Бритаеву удается, — че-

рез углубление понимания органических взаимосвязей характеров и обстоятельств, — значительно усложнить художественный процесс и существенно обогатить эстетику реализма, что имело огромное значение для развития не только драматургии, но в целом и всей осетинской литературы.

Как вспоминал Г. Гуриев, еще учась во владикавказском реальном училище (1893-1903 гг.), Елбаздико любил читать Островского, Шиллера, Шекспира.³⁰²

Тяжелые условия жизни заставляли осетин покидать родные места и отправляться за заработками на Дальний Восток, в Америку, Австралию.

Как писал С. М. Киров, «Осетины давно знают, что такое капитализм не только отечественный, но и заокеанский. Многие из них годами жили в Америке, Канаде и там подлинно испытывали капиталистическую эксплуатацию»³⁰³.

О тяжелой доле горцев писал и Ал. Ардасенов, «Рядом с торговлею, для сведения концов с концами, туземцы должны бросаться и на всякие другие средства и занятия, осетина в особенности можно видеть теперь, так сказать, на всех перекрестках жизни, ищущим всюду работы — приложения для своих рук. При этом они не брезгуют уже никакою должностью: их можно видеть в гостиницах, трактирах, в передней барина, на вокзалах железных дорог, в канцеляриях, в полиции, в ямщиках, в магазинах в качестве мальчиков и т. д.»³⁰⁴.

В комедии «Уараседзау» («Побывавший в России», 1903 г.) Е. Бритаев создает тип горца, который, побывав в России и проработав там в качестве лакея, вернулся в Осетию и пытается «пустить пыль в глаза» своим землякам, тяжелым, но честным трудом добывающим свой хлеб. Герой комедии Мусса, вернувшись домой, не хочет, чтобы его звали, как раньше, осетинским именем, а представляется всем как Миша. При этом в повседневном обращении к окружающим употребляет русские выражения, явно искаженные: «бажалыстан», «щадиться», показывая тем самым свое «превосходство» над «темными» земляками.

И только русский мастеровой Никита, человек труженик, помогает его разоблачить: «Славно брешет блесов сын».

Во многом, конечно, Мусса напоминает гоголевского Хлестакова (как видим, опять утверждаются и продолжаются в зарождающейся осетинской драматургии традиции великой русской литературы).

В пьесе четко выражено отношение народа к таким, как Мусса «гастролерам»: у России брать надо не цилиндр и фрак, а настоящую, истинную русскую культуру. Сам Е. Бритаев резко осуждает только внешнее, формальное восприятие русской перредовой культуры.

Итак, Е. Бритаев формирует комедию как вид драмы, в котором характеры, ситуации и действия представлены в смешных формах. Цель при этом — осмеяние безобразного, достигаемое показом героев, поведение и поступки которых несообразны высоких общечеловеческих представлений о добре и зле, о благородстве.

Сатиру же представляет как вид комического, предусматривающий беспощадное, уничтожающее переосмысление объекта изображения или критики, порицания, разрешаемое смехом. То есть это — специфический способ художественного восприятия действительности, который ее раскрывает как нечто превратное, несостоятельное.

Сатира в комедии Е. Бритаева, изображая свой объект, использует условность, направленное искажение, преувеличения, гиперболизацию, гротеск.

В целом же сатира выступает как мощное средство общественной борьбы, средство воздействия на развитие социальных и национальных обстоятельств. И чем выше общественный, нравственно-этический идеал, тем сила воздействия сатиры значительнее и многограннее.

Прежде всего сущность комического в концепции Е. Бритаева заключается в том, что реальность как бы «перевернута» в сознании объекта комического, т.е. она диаметрально противополо-

ложно отражается в сознании героя. Если объективно увлечение подлинно русской передовой культурой является шагом вперед в формировании национальной демократической культуры, то слепое, бездумное, глупое подражание напоминает пустое кри-влянье обезьяны, с которой взять нечего: у нее нет разума, тогда как Мусса — человек, представитель бедного, но гордого народа. И для него крайне недостойно подобное поведение, с точки зрения драматурга и читателя, зрителя, чувства собственного и национального достоинства которых оскорблены. И тем самым комическое Е. Бритаева цели своей достигло, ведь предметом осмеяния его становится отрицательное свойство, над которым возвышается субъект, т.е. автор. Вслед за ним также поступает и читатель-зритель, который полностью солидарен с автором.

Категория комического у Е. Бритаева является средством выражения авторской концепции человека и мира, и, несомненно, отражает аксиологический аспект процесса деградации личности человека слабого, беспомощного, безликого, а потому жалкого и ничтожного. И все это драматург успешно выражает через комизм ситуации.

Е. Бритаеву, благодаря его мастерству, удастся показать контраст сохраненного в исторической памяти народа и отраженного в его современном сознании нравственно-эстетического идеала горца, организующего свою жизнь исключительно по высоким меркам кодекса чести, и низкого, ничтожного героя. Так, комическое помогает драматургу реализовать в художественном образе идею нелепости и абсурда отхода от нравственно-эстетического идеала народа. То есть эстетика Е. Бритаева обосновывает комедию характеров и этим тоже обогащает художественный опыт осетинской литературы в целом.

В 1903-1904 гг. он пишет двухактную пьесу «Лучше смерть, чем позор» («Худинаджи басты малат»), в которой развивает социально-исторический конфликт. Главный герой Гырым убивает пристава, который дал ему пощечину, и уходит в абреки. Во многом Гырым — романтик, любит природу и людей, мечтает

о спокойной пастушечьей жизни. Но условия жизни абрека в течение многих лет заставляют вести себя так, что его боятся люди. Друг его Ахмат, пастух, тоже чтит честь, но как он ее понимает? Автор противопоставляет две концепции понимания чести, два подхода к жизни и к людям, к своему человеческому предназначению в жизни.

Ахмат охраняет народное стадо и готов за него умереть. Гырым же хочет забрать у него лошадь, чтобы скрыться от врагов. В итоге оба друга гибнут за свое понятие чести.

Е. Бритаев, ставя в пьесе актуальнейшие проблемы современной осетинской жизни, осуждает абречество, его сущность и социальные последствия.

Достоинством пьесы является то, что герои проявляют свои характеры в постоянной борьбе за свободу, честь и достоинство личности, в постоянной динамике. Прекрасно выстроены монологи, диалоги. Характеры героев индивидуализированы, многогранно проявляются в типических обстоятельствах.

Обе пьесы впервые были разыграны в селении Даллагкау учениками Бритаева, а затем весной 1904 г. — учащимися Ардонской семинарии. Нравственный характер конфликта подчеркнул Н. Джусойты: «То, что источником абречества в данном случае явилось столкновение с властями, не есть оправдание разбоя, грабежа и воровства, насилия над народом в течение 15-и лет»³⁰⁵.

Словом, проблемы, поднятые в пьесах Е. Бритаева, носят не только морально-этический характер, а социально-исторический.

«Не следует забывать, что время создания пьесы — самый канун революции 1905 года, когда народ, видевший власть в основном в лице приставов, поднимался уже на борьбу с ними, когда в Осетии были случаи избиения, убийства приставов. Конокрадство еще считалось молодечеством, одним из средств самоутверждения по неписаному закону гор, и Бритаев поднимает в своей пьесе проблему борьбы с таким вредным пережит-

ком адата через образ Гырыма: он погибает сам и губит друга, который вопросы чести поднимает на принципиально новую высоту, отвечая головой за имущество, порученное ему такими же, как он сам, односельчанами»³⁰⁶.

В пьесе «Хазби» звучит идея защиты свободы, борьбы против царской администрации, проблемы взаимосвязей личности и общества.

Хазби и Гырым, который себя противопоставляет народу, он выступает в защиту народа, т. к. чувствует ответственность за народ и отдает жизнь за народ.

Историческую основу пьесы «Хазби» составили реальные события, происходившие в горах Осетии в начале XIX века, когда осуществлялось колонизаторская политика царизма.

«Или полная покорность горцев, или их физическое истребление — таков был лейтмотив кавказской политики царизма после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Поздравляя Паскевича с окончанием русско-турецкой войны, император писал: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»³⁰⁷.

В пьесе «Хазби» Бритаев приводит подлинный документ — обращение Абхазова, прочитанное им 4 августа 1830 г. в Даргавсе, вернее, его перевод на осетинский язык.

«Тагаурцы! Тщетное ваше сопротивление, увеличенное толпами куртатинцев и алагирцев, против победоносного оружия государя императора не могло остановить движения войск в земли ваши... Вы должны были воспринять строгое наказание за вероломство ваше против российского правительства, ибо, несмотря на уведомление, что отряд вступает к вам не с войною, а несет мир и желает узнать страну и нужды ваши, вы дерзнули поднять оружие против великого государя... Главные виновники: Беслан Шанаев с его сыновьями, Бита Кануков, Базрук и Дженхот Мамсуровы, Корчок Карсанов, Хамурза Тулатов с

сыновьями и жители деревни Генал объявляются изменниками и государственными преступниками. Имущество их... будет описано поставленными над вами начальниками и поступит в казну... Правительство строго взыщет и накажет всякого, кто дерзнет дать приют одному из сих изменников». Кроме того, «Я, налагая на всех фарсалгагов и кавдасардов подать, состоящую из одного барана, двух куриц и 8 фунтов сыру с каждого двора, войду с представлением к главнокомандующему, чтобы фамилии старшин, участвующих в возмущении, были лишены подати, получаемой с купцов, проходящих по Военно-Грузинской дороге...»³⁰⁸.

Словом, историческая достоверность, время и место действия очевидны. Действие, события в пьесе соответствуют фактам, изложенным в работе Чудинова, в «Актах кавказской археографической комиссии», в архивных материалах, которые использовал проф. М. М. Блиев, и отражают реальные события 1830-1831 гг. То есть историзм пьесы очевиден.

О значении пьесы и ее актуальности писал Цомак Гадиев. «Хазби еще не был опубликован, когда неоднократно ставился в театре. Впервые спектакль состоялся в 1908 году в Дзауджикау... Елбыдзыко, будучи сам революционером, призывал лучших представителей народа: «идите на великий бой», как Хазби и его друзья, потому что нужно спасать народ от проклятого ярма царской администрации! Показал всю мерзость и не авторитетность в народе сторонников самодержавия»³⁰⁹.

В пьесе с горечью в сердце Бритаев писал: «Кто-то из наших провел к нам же в тыл войска... Села, дома, башни — все разрушены. Поиздевались над женщинами... И обо всем этом Абхаз говорит, что идет к нам не воевать. Я никогда не видел, чтобы ласкали пулеметами, никогда не слышал, чтобы вразумили штыком»³¹⁰.

В пьесе передан миролюбивый настрой горцев, занимающихся своими повседневными делами. И вдруг появляется на нихасе гость (офицер) с какой-то важной вестью. Прибыл и

Хазби, ездивший по просьбе старейшин узнать, где находится абрек Соламан, в укрывательстве которого начальство обвиняет кобанцев. И тут гость (офицер Биаев) зачитывает «Объявление» Абхазова, крайне возмущившее горцев. Хазби прощается с семьей, с матерью, женой, сестрой и собирается идти против Абхазова, хочет дать отпор врагу. При этом он призывает Даргавское и Санибанское ущелья, Уласих поддержать его. Но вдруг у всех находятся неотложные дела. И Хазби вместе с 13 храбрецами из Куртатинского ущелья отправляется на войну. Так происходит раскол в среде горцев. Находится и предатель, который ведет в тыл восставших вражеский отряд. И герой гибнет...

Хазби — также герой историко-героической песни. По всей видимости, это был реальный человек, хотя документы не сохранились.

Безусловно, автор ставит в своей пьесе проблемы чести, долга, ответственности, патриотизма. То есть в трагедии присутствует не только социально-исторический, но и нравственно-этический конфликт: Хазби идет на верную гибель во имя свободы и чести.

В трагедии хорошо выписаны и женские образы: Нана, жены Хазби Ханиффы, Саниат, Госга. Это подлинно национальные характеры. Так, Ханифа замечает: мне нравится, что ты идешь во имя народа на любые трудности; а если ты взялся за большое дело — позора на себя не принимай.

А Нана собирает сына в дорогу, хотя видела вещий сон о судьбе сына. Она уверена, что хорошо то, что он несет в себе силу и такую волю, что берет на себя громадную ответственность за целый народ.

Итак, трагедия сложилась в осетинской драматургии как жанр, основанный на трагической коллизии героического персонажа, т. е. с трагическим исходом.

Драму «Две сестры» (1907 г.) Бритаев писал, находясь в на-зрановской тюрьме, куда был заключен из-за революционной деятельности.

Впервые драма была поставлена на сцене в 1909 г. и была восторженно встречена зрителями. Дело в том, что в драме представлена борьба со старыми адатами, с патриархально-родовыми и феодально-крепостными порядками. Борьба за свободу, честь и достоинство женщины — горянки отражает конфликт драмы.

Старик Татаркан всегда исходит из соображений личной выгоды. Когда его племянницы Хансиат и Асиат, осиротев, остались на его попечении, он решил взять за них большой калым, ссылаясь на вековые нормы адата. Но старшая сестра Хансиат бросает вызов адату, и в результате гибнет. Прав был литературовед А. Тибилов, заметив, что Хансиат — «героическая девушка, смело бросившая вызов «угнетающей власти мужчин»³¹¹.

Младшая сестра Асиат похищена, но с помощью благородных людей, таких как Камболат и сын его Кылцыко, ей удастся спастись, и она выходит замуж за своего любимого Пупа.

Удивительно жизненны и реалистически выписаны образы героев. Так, Пупа готов к самопожертвованию во имя справедливости и своей возлюбленной, добр и справедлив Камболат, тогда как жена Татаркана Мусон жадная, вредная женщина, Бибо крайне бессердечен, а Буца поддерживает всячески похитителей Асиат, т. к. ему за соучастие пообещали коня.

Значение драмы велико: впервые в осетинской литературе показано, как женщина-горянка победила в борьбе за свои права.

Осетинские драматурги начала XX века сформулировали свою концепцию трагического, воплощенную в жанре осетинской трагедии. Прежде всего в основе трагического в ней лежит борьба непримиримых сил, обусловленная действием объективных социально-исторических обстоятельств.

Конфликт, порождающий трагическое, основывается на противоречиях, возникающих между исторически необходимым требованием, субъективным стремлением личности и практической невозможностью его осуществления. В трагической коллизии судьба героя предопределена: его гибель неизбежна.

Непримиримые отношения субъекта с внешними обстоятельствами, складывающимися в реальной действительности, влекут за собой трагические последствия и в первую очередь — гибель человека.

При этом в качестве героев трагедии выступают персонажи, образы которых представляют эстетические идеалы эпохи и, конечно, автора. И это предопределяет причинно-следственные связи трагического с прекрасным, прогрессивным, героическим, возвышенным.

Гибель общественно-значимого явления вызывает трагические эмоции, печаль, сострадание, сочувствие, ненависть к ее виновникам и желание бороться с ними. Кроме того, она ведет к глубоким философским раздумьям о человеческом предназначении на земле, о смысле жизни, о смерти. То есть оказывает огромное влияние на сознание зрителя или читателя, имеет нравственно-этическое, воспитательное значение. И не случайно. В осетинской трагедии начала XX в. решаются высшие метафизические проблемы жизни и смерти, смысла бытия. Как представлено в жанре осетинской трагедии, подлинно трагическое есть гибель личности, действия которой исторически и объективно оправданы. При этом деятельность ее соответствует передовым общественно-эстетическим идеалам.

В основе конфликта в осетинской трагедии лежит противостояние старого и нового, борьба прогрессивного с консервативным. При этом конфликт вбирает в себя психологический и социально-нравственный аспекты. В осетинской трагедии дается анализ внутреннего состояния главного героя в условиях духовных преобразований, обусловленных конкретными историческими обстоятельствами.

В осетинской трагедии раскрывается общественная значимость деятельности личности, ее индивидуальность. В ней, конечно же, дается оценка героического поведения человека и в целом его характера с позиций передовых общественных идеалов.

Словом, в осетинской трагедии эстетическая категория героического связана с борьбой человека за свои идеалы и цели. И основу подлинного героизма составляет понимание своего человеческого долга.

Драма, будучи предназначенной для коллективного восприятия, тяготеет к острым общественным проблемам и потому она несет в себе подлинную народность. В основе ее — социально-исторические противоречия или извечные общечеловеческие антиномии. Важнейшей чертой ее является драматизм как свойство человеческого духа, пробуждаемое конкретной ситуацией, когда актуальное, крайне важное для человека остается неосуществленным.

Вот что писал сам Е. Бритаев в письме от 3 июля 1909 г. своему другу Цоцико Амбалаву: «Ты видишь, что старые устои рушатся с каждым днем, старая жизнь расплзается по швам. Новые мы пока не выработали»³¹².

В трагедии «Амран» Е. Бритаев развивает по-своему прометеевские идеи и ситуацию, но на национальном материале. В горной поляне прикован к скале мужественный Амран. Сокол беспрестанно терзает его печень. Мужество, воля, надежда узника выражены в образе Ныфс, удивительно красивой девушки с седыми волосами. Она сожалеет о страданиях Амрана, сына Япета, врага небожителей. Пастух Беса, выпив из ручья слез и крови Амрана, познал его страдания и влюбился в девушку Ныфс. И он включается в борьбу за освобождение героя. Узнав, что для освобождения Амрана надо выковать специальную цепь, он устраивает свою кузню на краю села у могильников, что не нравится жителям аула. Черт Дуртула, приняв облик человека, натравливает весь аул против Беса, даже семью Беса. И в ночь, когда женщины готовятся к празднику под названием «Ночь чертей», жители аула бегут к кузне, стремясь ее разнести. Но Беса и его сын Цопан успевают выковать последнее звено цепи и бегут к скале, с намерением освободить Амрана. При этом Беса знает важное условие победы: он не должен оглянуться на пути к пещере. Но

когда кто-то сзади вдруг крикнул, что аул в опасности, Беса не выдержал и оглянулся. Дверь Амрана захлопнулась: он остался в заключении, сын Беса Цопан, который с призывом обратился к Ныфс: идем дальше сражаться за свободу Амрана, ведь слезы Амрана будет по-прежнему омыwać скалу, а желчь и кровь его будут окрашивать этот ручей в красный цвет.

В трагедии «Амран» Бритаев проявил себя как удивительно талантливый драматург. Хорошо разработан сюжет, а характеры героев раскрываются полно и последовательно, когда герои попадают в безвыходное положение, ведущее к отчаянной, самоотверженной борьбе. При этом Беса, как герой нового типа, борется не за личное счастье, а во имя благородной цели, во имя всего человечества.

Бритаев в письме к своей невесте Ольге Казбек писал: «Люди проливают свою кровь за обездоленных, обрекают себя всю жизнь на скитания. Их топчут в грязь, мучают, над ними надругаются! Все лучшее в человеке смешивается с помоями. Тысячи наших братьев копошатся в грязи, создают богатство и роскошь для других, в то время как сами гибнут, зараженные ядом разврата и невежества. Все это я ежечасно перед собой вижу, ничем не могу помочь, опускаю бессильно руки и отворачиваюсь. Это ли не позор, а вы говорите о нашем личном беспокойстве... Что значит наши с вами страдания (не только беспокойство) в сравнении с горем всего человечества...»³¹³.

В трагедии образ Амрана, страдающего за все человечество, раскрывается и в прямой авторской характеристике, и в косвенной, т. е. через восприятие и понимание его подвига другими героями. И через Ныфс, которая всегда рядом и выражает его волю, ум, надежду, мужество, любовь. Девушка Ныфс поседела, т. к. веками является свидетелем его страданий через Беса, человека, который призван судьбой познать боль и страдания Амрана. Так, драматург использует принцип сочетания абстрактного и конкретного, духовного и материального (физического), стремясь ярче выразить свою мысль о том, что победу идей героя

способен обеспечить только сам человек, своей волей, мужеством, умом и самоотверженностью. Здесь можно вспомнить мысль В. Г. Белинского о том, что «В эпосе господствует событие, в драме — человек. Герой эпоса — происшествие; герой драмы — личность человеческая»³¹⁴.

Особенно с большой любовью выписан образ Ныфс, гордой, прекрасной, непреклонной девушки, непоколебимо верующей в победу Амрана: «Сию в ожидании когда придет кто-нибудь из людей, из потомков Амрана, тот безумец, который разбудит его мудростью своей, тот несчастный, который спасет его от страданий. Но нет! Радуется раб тьмы! Он явится, он придет, мой любимый, извлечет моего бога Амрана из расщелины непоколебимого утеса».

Не только ее безупречная красота, но и ее духовно-нравственные качества столь сильно покорили сначала Беса, а потом и его сына Цопана.

Так, Беса говорит ей: «Ты та, о которой я мечтал с детства! Глядя на головки лесных и полевых цветов, я видел тебя в чашечке красивейшего из них! Когда я, бывало, забавлялся игрою волн на берегу потока, то в белой пене их гребней я видел тебя, и когда я считал тучки небесные, я видел тебя на их ватных вершинах. Я любил красивейшую из звезд, красоту ночи, потому что она напоминала тебя. И сюда меня манила сказочная птица Зым, похожая на тебя».

Е. Цопанов верит вместе со своими героями, что в конце концов обязательно победит добро, и придет светлое будущее, только за него надо бороться и побеждать.

Батырбек Туганов (1866-1921), выходец из дворянской семьи, порвал со своим классом и ушел из семьи, включился в активную революционную борьбу. Вот что писал о нем художник М. С. Туганов: «Я помню его горячие споры с некоторыми из приходивших к нему гостей по вопросу о рабочих и крестьянах, где он яро защищал идею снижения числа рабочих часов, рабочего дня рабочих на заводах и пр.»³¹⁵.

Проявив большой интерес к жизни и судьбе рабочих — горцев, он первым поднял в осетинской литературе тему рабочего класса. Так, он написал пьесу «Параллели» (1904), в которой отразил нищету рабочих, их готовность к борьбе и отсутствие героя, способного возглавить эту борьбу. Права З.Н. Суменова, заметившая в предисловии к книге Б. Туганова, что «Рабочие, которых показывает в своей пьесе Туганов, еще не представляют собою коллектива, сознающего свои классовые цели. Они еще недостаточно сознательны и пока не идут дальше экономических требований. Но это уже люди, пробудившиеся для классовой борьбы... Автор показывает в рабочих пробуждение человеческого достоинства, ощущение своей силы, сознание возможности и даже необходимости протеста»³¹⁶.

Сюжет пьесы прост. Дочь владельца фабрики Далматова, влюбившись в управляющего, либерала, становится на сторону недовольных. Сын Далматова тоже находится на распутье, но в конце концов принимает сторону трудящихся, хотя на деле поддерживает во всем отца, полагая, что с его убеждениями легче жить на земле.

В пьесе «Дигор-Хабан» автор отражает события XVI-XVII веков, когда в Осетии процветали политическая раздробленность и феодальные междоусобицы.

Герой пьесы Дигор-Хабан разоблачает представителей мусульманской и христианской религий, которые сеют рознь в народе. Сам герой убежден, что народу необходимо объединиться, чтобы выжить. В пьесе историческая тема тесно переплетается с личной: Дигор-Хабан любит дочь старика Хосро, сторонника феодальных распри.

Батырбек Туганов также известен как переводчик на осетинский язык «Манифеста коммунистической партии».

Роза Кочисова (1888-1910). 22 апреля 1907 г. выступила в газете «Ног цард» («Новая жизнь») с обращением к девушкам Осетии, в котором призывала к свободе, независимости от вековых предрассудков. Роза связывала эту борьбу с общими

целями освободительной борьбы в период первой русской революции 1905-1907 гг.: «Это ли не чудо, наш калымный порядок! Отец продает своего ребенка, доведя до нищеты дом, в который переходит его ребенок... Народ за свободу кровь свою проливает и умирает в тюрьмах, так что же мы страшимся обратиться к своим отцам: «О отец, я дочь твоя, не продавай же меня, как рабыню...»³¹⁷.

Роза с подругами создала в родном селе Ольгинском драматический кружок. И поскольку не было подходящего репертуара, то она написала пьесу «Наш пристав сошел с ума» («На пгырыстыв сарра»). Пьеса впервые под заглавием «Лгун» («Гады лаг») была опубликована в журнале «Зонд» (Влад-з, 1907, №№1, 2).

В основе сюжета комедии — осетинская сказка: жили-были муж и жена. Он рыбачил и охотился, она ткала сукна. Как-то нашел муж мешок с деньгами. Боясь, что жена разболтает, он закопал деньги в поле, снял с удочки рыбу и сунул ее в капкан, а из капкана достал зайца и повесил его на удочку. А жене сказал, что сегодня с ним случилось чудо: его удочка поймала зайца, а капкан рыбу. И еще, что он нашел деньги.

Поведав жене столь необычные события, муж откопал деньги и идет домой. По дороге слышит кошачье мяуканье. Жена спрашивает, мол, что это? На что муж отвечает: а ничего, это наш пристав сошел с ума и его связали. Когда до пристава дошли слухи об удивительной находке, он вызвал обоих к себе и допрашивает. Жена безапелляционно заявляет, что деньги нашли ровно в тот день, когда на их удочку поймался заяц, а в капкан попала рыба и когда пристав сошел с ума и его связали. Пристав решил, что она ненормальная и оставил их в покое.

В процессе трансформации сказки в пьесу появляются жизненные, реалистические ноты. Жена получает конкретное имя: она Мызылон. Она абсолютно бедна, сидит на голой тахте и подшивает подошвы своих рваных чувяков, при этом горько причитает о своей тяжелой доле, о своей нищете. Конкретизируется

и образ мужа: Умархан — пьяница. Реальность и жизненность обстоятельств создается в пьесе описанием их постоянной рутин. Муж, конечно, умен, хитер, находчив и хоть и пьяница, очень добр. Она наивна и недалека. Узнав о находке, жена тут же преображается: одевает свою праздничную одежду и радуется непринужденно, как ребенок, и делится своей радостью со своей соседкой Комиан, которая разносит весть по всему аулу. Пристав посылает глашатая за мужем и женой. В кабинете пристава висит портрет царя, здесь же присутствует толмач, т. е. обстоятельства абсолютно приближены к реальным. Пристав жаден, нагл, циничен, готов присвоить чужие деньги. Видимо, ему бы удалось, если б муж не оказался столь сообразительным. Так Роза Кочисова разрабатывает тему взаимоотношений осетинского крестьянства с царской администрацией. Безусловно, драматург проявил большое новаторство, решая новые идейно-эстетические задачи на материале осетинского фольклора. Автор разработала реалистические принципы типизации характеров и обстоятельств, развития действия. При этом использовала элементы гротеска, разработала актуальную тему с привлечением традиционного сюжета осетинской сказки.

Обстановка дома супругов чрезвычайно скудна: тряпки на тахте, сундук без крышки, одежда в заплатках. Соседка, увидев приодевшуюся Мызылон, удивлено спрашивает: «Куда это ты собралась? Кто умер?». То есть все автором осмыслено и передано в абсолютно реалистических тонах. И уже, конечно, перед нами конкретные, реалистические национальные характеры с мотивацией поступков, хотя и еще без психологической углубленности. И очевидна при этом связь индивидуальных особенностей горцев с их конкретной социальной средой.

Безусловно, в комедии действуют «типичные характеры в типических обстоятельствах», т. е. формула реализма, сформулированная Ф. Энгельсом, абсолютно выдержана.

Оправдан подзаголовок к пьесе: «Картины осетинской жизни».

Безусловно, пьесы Р. Кочисовой «Наш пристав сошел с ума» и Е. Бритаева «Побывавший в России» явились первыми сатирическими комедиями в истории осетинской драматургии.

В осетинской драматургии начала XX в. уже сформирована концепция комического, представленного как результат противопоставления безобразного — прекрасному, ничтожного — возвышенному, нелепого — рассудительному. При этом предполагалось, что комическое связано с конфликтами, порожденными самой социальной и национальной действительностью, конкретными, реальными обстоятельствами жизни. Она же, эта действительность, во многом предопределила и формы проявления комического, во-первых, как выражение противоречия между формой и содержанием, между целью и средствами, между действием и его результатом, между старой и новой идеологией. И, конечно же, как проявление потери героем чувства реальности («Побывавший в России»).

Противоречия в осетинской драме начала XX в. проявляются в конфликтном противостоянии отрицательного и положительного начал. Комическое при этом понимается как результат осмысления и отражения явлений, достойных осмеяния и разоблачения. То есть сущность комического как эстетической категории в художественно-эстетическом опыте осетинской драмы заключается в отражении жизненных противоречий социальной действительности, в реалистическом показе подлинного человеческого характера через смех, представляющий эмоционально насыщенную форму критики различных пороков, существующих в обществе, всяких предрассудков и отживших явлений. Словом, в осетинской драматургии смех полифункционален, т. е. является следствием своеобразной оценки явлений действительности. Объектом комедийного смеха в осетинской комедии является как человек, так и явления действительности.

Особенность критического отношения к реальности в осетинской комедии, выраженная посредством смеха, заключается в том, что оно выражает сознательно-активное восприятие

и возбуждает активное отношение со стороны зрителя. То есть комическое способствует активизации мыслительной работы субъекта восприятия, т. е. зрителя, читателя, и дает ему возможность осознать опасный характер данного общественного противоречия, проявленного в художественном конфликте. И это закономерно. Ведь в комедии эстетический идеал выражается через его противопоставление осмеиваемым отрицательным явлениям.

В осетинской комедии важны социальный характер восприятия комического и его национальное своеобразие. Предметами насмешки становятся определенные качества человеческого характера (глупость, жадность, лицемерие, невежество, трусость и т. д.). При этом форма и способы критики в ней обусловлены особенностями этнического менталитета, психического склада характера, быта, культуры и традиций. А поэтому национальное в осетинской комедии является существенной особенностью ее поэтики. Ведь в национальном колорите отражается жизненный и исторический опыт осетин, эстетически осмысленный. Основой осетинской комедии с самого ее зарождения являются национальное бытие и национальные характеры.

Смех как основной инструмент комического выставляет внутреннюю несостоятельность конкретного явления, его историческую обреченность. Основным критерием комического выступает принцип соответствия или несоответствия эстетическим идеалам, отвечающим ходу развития реальной действительности. Принцип этот проявляется в форме комедийно-сатирического, безобразного, ужасного.

Объектом подлинно глубокой сатиры может выступить оживающее явление, представляющее определенную опасность для общества. Особенно в случае, если содержит в себе пороки, негативные явления. Положительное новое во имя собственного утверждения и дальнейшего развития должно избавиться, освободиться от пережитков прошлого, недостатков. То есть новое как общественное явление базируется на внутрен-

них противоречиях, переживает трудности роста. Объективными истоками комедийно-критического отношения к новому является противоречие между безграничностью человеческих стремлений и конкретно-исторической ограниченностью любого нового.

Иногда новое выступает в двух аспектах — трагическом и комическом.

Важной задачей осетинских драматургов начала XX в. было создание комического характера разоблачения или саморазоблачения персонажа. И осетинская комедия сумела решить эту сложную творческую задачу. В целом она представила комическое как явление эстетическое и своим объективным содержанием способное вызвать эмоционально-критическое отношение к негативным проявлениям социальной и национальной жизни.

Сюжет пьесы «Моя любовь или завет отца» («Ма уарзондзи-над ави ма фыды ныхас») прост: умирая, старый Заурбек просит сына Камболата отомстить за поруганную честь Еста Курдиаты, укравшему у Заурбека жену, когда сыну не было и года. У Еста родилась дочь Меретхан (Мери), которая выросла в чужой семье, т. е. Еста с женой постоянно переезжали из села в село, опасаясь мести Заурбека. Камболат полюбил Мери, и начались его муки: он не знал, как поступить. В конце концов он выполнил волю умершего отца — убил Мери. Но понял, что без любимой нет у него смысла жизни и сам стреляется.

Так, на национальном материале разрабатывается конфликт трагедии, нравственно-этическая проблематика. Мери не виновата: она не выбирала отца. Значит, поступок Заурбека — аморален. Образом же Камболата автор хотел подчеркнуть, что месть — плохой советчик в делах и поступках и приводит только лишь к непоправимой трагедии, делает несчастными многих, отнимает жизнь...

Итак, драматургия Р. Кочисовой корнями уходит в фольклор, активизируя и актуализируя народные сюжеты и образы. Язык ее богат пословицами и поговорками.

Ставя жгучие проблемы современности, разрабатывая замечательные женские образы, Р. Кочисова все же еще не достигла психологической углубленности, ей мало удается раскрывать внутренний мир своих героев. Тем не менее, ее пьеса «Наш при- став сошел с ума» — ярчайшая комедия, а «Моя любовь или за- вет отца» — ярчайшая трагедия. Сама Роза Кочисова, несмотря на столь короткую жизнь, стала выдающимся осетинским дра- матургом.

В пьесе Давида Короева (1890-1924) «Не я был, кошка была» («Аз на удтан, гады уыди») показан процесс активизации наци- онального самосознания в результате недавних революционных событий 1905-1907 годов. Впервые в осетинской драматургии создан образ революционера. Революционер Темирболат даже в тюрьме не теряет оптимистического настроения, присутствие духа. Особенно позитивно выглядит он на фоне «темных» еще Хи- мана, Николая Петровича, Саклауа, Калмана, Гуцыра, Килкуса. Они настолько растерялись в сложившейся ситуации, что спо- собны только обращаться к богу, к царю, прося у них милости.

Темирбулат же уверен, что время не вечно будет таким мут- ным и тяжелым.

Но пока — суть да дело — каждый живет своими мелкими заботами. Так, писарь Николай Петрович хочет перехитрить сельского старшину, подставить ему ножку. За взятку он готов сжечь протокол, составленный на Гуцыра, оказавшего сопро- тивление властям. Курьер Саклау, видя хитрости Николая Пе- тровича, съедает масло и выпивает араку, которые принес Гу- цыр. Когда пришло время объяснить, куда делись принесенные Гуцыром гостинцы, Саклау заявляет, что это, якобы, кошка съе- ла, а не он. Рассердившись, Николай Петрович, отправляет Са- клау в карцер, где уже сидит Темирболат и он помогает Саклау прочитать записную книжку Николая Петровича и разоблачить его махинации.

Так, Д. Короев раскрывает атмосферу, царящую на Кавказе в 900-е годы. Не случайно на титульном листе пьесы стоит заго-

ловок: «Одна из картин современной жизни». Кроме того, автор развивает новые прогрессивные идеи в реальных, жизненных образах и в драматизме действия.

В пьесе довольно реалистично выписаны детали, вызывающие смех. Это: как нелепо смотрятся сабля и цепь на старшине Химане, значок курьера на Саклауе. Это и постоянно растрепанные Килкус и Гуцыр, с неподстриженными усами. При этом, Гуцыр — сутулый, Килкус — с горделивой осанкой. И у него «уши длинные, а ум — короткий!». А Темирболат — высок, красив, молод, явно будущее за ним.

И, конечно же, все образы индивидуализированы: Николай Петрович все время думает о том, где и как проживится. Саклау показывает себя старательным служакой, но явно плутоват, что проявляется и в языке. Так, он говорит: «Господа, я не умею молиться, умею просить и прошу тебя, посылай меня всякий раз навстречу такому пиршеству», «Господи, тебе — в угод, душе моей — в облегчение, вот на груди у меня свинец, замени его золотом»³¹⁹.

Таковы герои пьесы Д. Короева.

В пьесе «Гадалка» (1912) трагическое начало перемешано со смешным. Сюжет строится на том, что во время действия происходит разоблачение махинаций сельской гадалки Чабы и ее помощницы Малкион.

Чаба «конкурирует» с учителем Бимболатом, который больным советует идти к врачу. Муж Чабы настолько устал от жены, что сочинил песню позора о своей неверной жене. Она в отместку решила его отравить и поручила своему любовнику Кудаберду дать ей яда. Чаба убивает мужа, который успевает перед смертью предупредить Бимболат. Тот приглашает ее якобы к больному ребенку, кладет в люльку кота и разоблачает ее. Кудаберд погибает при попытке побега из-под стражи. А Чаба кончает жизнь самоубийством. Характер ее весьма выразителен: она коварная, алчная, циничная и бессердечная женщина. Зная, что любовника убьют, она думает не о том, как

его спасти, а беспокоится, успеет ли она получить от него деньги, которые он ей должен принести. За свои 35 лет она творила только зло.

Пьесу Алихана Токаева (1895-1920 гг.) «Белые вороны» («Урс сынтыта») впервые поставили на сцене в Баку в 1914 г. Сюжет прост: дочь богача Калауа Милуан полюбила бедного юношу Цара, но отец девушки запросил в счет калыма тысячу рублей, которых нет у Цара, зато есть у Габпо, и он готов купить жену своему сыну — дураку Казуату. Тогда девушка предлагает Цара украсть ее. В перестрелке гибнут братья Милуан и Цара. Не выдержав столь сильного испытания, Милуан бросается в реку. Родители девушки остаются со своим богатством. Габпо же требует вернуть ему выплаченный калым. Но ему даже не открывают дверь: родители Милуан сидят и считают деньги. Габпо поджигает их дом, и Калау гибнет в огне. Безусловно, Калау и Габпо — белые вороны, которые торгуют своими детьми. Как пишет А. Хадарцева, «Калау — своего рода осетинский Гобсек, не только сгубивший родную дочь, но и сам павший жертвой жадности и не знающий предела накопительству»³²⁰.

В пьесе проявилось высокое мастерство автора. «Именно критерий историзма и истинности одновременно и важнейший критерий художественности драмы, залог и условие ее эмоционального и идейно-воспитательного значения. Это он, герой драмы, «Как живой с живыми говоря», переносит нас в свою идейно-эстетическую атмосферу, заставляя сострадать или радоваться»³²¹.

Итак, осетинская драматургия в начале XX века достигла высокого уровня художественного мастерства. Это притом, что, как писал М. Горький, «Пьеса — драма, комедия — самая трудная форма литературы, трудная потому, что пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась и словом и делом самосильно, без подсказываний со стороны автора»³²².

Итак, успешно развивалась в начале XX в. осетинская драматургия. Во многом это было обусловлено, конечно же, дей-

ствием объективных факторов. Важно также помнить, что семейно-бытовые обряды и сопровождающая их обрядовая поэзия носили характер маскарадных представлений. И это сыграло свою роль в формировании осетинской драматургии. Кроме того, поистине неопределимую роль сыграло драматургическое наследие русских писателей А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя и других, чье творчество стало школой для начинающих авторов.

Зарождению национальной драматургии также способствовали многочисленные агитбригады, коллективы художественной самодеятельности, которые были созданы в начале XX века.

Во второй половине XIX — начале XX века в культурном сознании осетин происходят существенные процессы, связанные с развитием прессы, сети школьного образования, возникновением культурно-просветительских учреждений, становлением театра.

Так, активно развивалась осетинская художественная литература дооктябрьского периода, в которой творчески формировался критический реализм.

Глава 12. Критический реализм в осетинской литературе

В XIX веке произошла смена феодального мироощущения буржуазным, в результате чего зародился новый тип художественной культуры (буржуазной) со своей специфической художественной идеологией, — т. е. буржуазного типа художественного сознания. Утверждался лозунг индивидуальной свободы. Но на деле родилась новая «несвобода» личности. Вдруг стали очевидны многие несовершенства и недостатки капиталистического общества. И это «прозрение» ярко и образно отразилось в художественном сознании, в его могущественном эстетико-методологическом инструменте — **критическом реализме**.

ме. Художественная культура осетин в XIX веке становится на путь профессионализации, проявляются профессиональные художники, музыканты, писатели, поэты, артисты. В истории развития осетинского художественного сознания нарождается новый этап, т. е. наравне с единственно существующим в первобытную и феодальную эпоху фольклорным типом художественного сознания появляется и личностный тип художественного сознания, отличающийся важнейшими чертами, определяющими его качественную сущность. Это, во-первых, авторство, наличие письменной традиции, черты, сильно повлиявшие практически на художественную культуру осетин в дальнейшем, в XIX, XX, XXI веках.

Дело в том, что в целом сама проблема культурной витальности (жизнеспособности) национальной культуры обусловила ее экзистенциальный характер, определивший единство действительности и ее понимание — отражение как важнейшей методологической установки художественного сознания.

Так зарождается искусство критического реализма; исследующее измельчание личности, утрату человеком цельности и этических духовно-нравственных ценностей в результате разлагающего влияния буржуазного мировоззрения, в целом конфликт личности и общества, вернее, социальную природу этого конфликта.

Осетинское искусство критического реализма акцентирует свое внимание на классовых корнях социальных процессов и явлений. Реалист — художник проявляет качества мыслителя, анализирующего законы жизни, формулирующего свои мысли в образах, подчиняющихся законам эстетики. В целом осетинское искусство критического реализма отразило несоответствие буржуазного строя нормам гуманизма, а значит выразило и протест против всех норм социального и духовного порабощения человека.

Также важно отметить, что в критическом реализме прозвучал не только социальный протест, но и отразилась связь об-

щественного сознания с освободительным движением рабочего класса в Осетии и в России.

Осетинское художественное сознание конца XIX — начала XX вв. осваивает новые принципы построения социально-психологических произведений, с их философско-этической направленностью, т. е. новые способы постижения человеческого характера, его психологии и душевного мира. Главное в развитии художественного сознания — это реалистический принцип изображения жизни «в формах жизни».

Реалистический тип мышления соединял в единое противоречивое целое человека, природу и общество, т. е. стремился видеть мир в его сложном единстве и противоречиях, во взаимосвязях. И не случайно.

Ведь реализм в зрелых формах предполагает изображение жизни в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и создаваемых с помощью типизации фактов действительности

Художественная культура — это средство познания человеком себя и мира. Художественному сознанию, благодаря реалистическому типу мышления, удастся глубоко постичь жизнь, отразить ее со всеми присущими ей противоречиями и конфликтами.

Искусство реализма в процессе художественно-образного познания жизни показывает взаимодействие человека и среды, влияние социальных обстоятельств на судьбу, характер, нравственный и духовный мир человека; в целом влияние общественных движений на социальную жизнь.

Важно также то, что реалистический тип художественного мышления отражает отношение искусства, этнокультуры к объективной действительности, воспроизводя жизненную правду.

В своих развитых формах реализм достоверно раскрывает человеческий характер, ставит вопросы о сути человека, о человеческой природе, о сущности общественных отношений и смысле жизни. То есть показывает богатство жизненного содержания, взаимосвязи события и характера человека. Исто-

ризм реалистического типа мышления проявляется в том, что оно раскрывает, как отражается эпоха во внутреннем мире и поведении человека, как детерминирует их, прослеживая прямую зависимость того и другого от социальных, нравственных, религиозных представлений, от конкретных условий человеческого существования, т. е. социально-бытового фона эпохи.

При этом реализм исходит из того, что обстоятельства — необходимая предпосылка раскрытия душевного мира человека. Выявляет глубину и природу человеческих чувств, свойственных разным типам личности. Анализирует процесс развития характера, глубин человеческого духа.

Словом, важнейшими критериями художественности в эстетике реалистического типа мышления становятся исторически формирующиеся еще в недрах фольклорного типа художественного сознания алан-осетин и их далеких предков принципы: 1) детерминированность поведения человека социальными обстоятельствами; 2) свобода воли человека при выборе жизненного пути или реализации того или иного типа своего поведения; 3) способность человека подняться над обстоятельствами и противостоять им, определяя тем самым как логику своего поведения и развития своего характера, так и свою собственную судьбу; 4) роль духовно-нравственных идеалов человека в противоречиях со средой как условия индивидуализации его характера.

И не случайно, ведь реалистический тип мышления в его поисках «в человеке человека» (Достоевский) интересуется не только социально-типическим и индивидуально-психологическим, т. е. **предопределенным в человеке**, но и неопределенно-незавершенным, что раскрывается обычно в процессе решения человеком «вечных» вопросов жизни и смерти и определяется степенью его свободы выбора в экстремальных ситуациях.

Обстоятельства, характер конфликтности в реалистическом типе мышления играют очень важную роль, т. к. **реализм стре-**

мится воссоздать действительность во всех ее противоречиях, бытовых, социальных и нравственных столкновениях.

На всех этапах развития художественного сознания осетин и их предков реалистический тип мышления адекватно отражает динамику развития экзистенциального бытия своего субъекта, показывает становление нового, т. к. создает новые, порожденные своей исторической эпохой социальные типы человека, характеры. Ведь у каждого времени — свои герои, полно и многократно отражающие суть своей эпохи, ее нравственно-этические, религиозные и социальные тенденции и ценности.

Реалистический тип художественного мышления, судя по искусству и культуре осетин и их предков, начиная с древнейших времен, еще с фольклорного типа сознания, вынашивает глубочайшую любовь к человеку, бесконечное сострадание к его судьбе. И это помогает реализму в процессе исторической эволюции художественного сознания отразить жизненную правду, соотнести с ней свою художественную правду, что ярко отразилось в художественно-эстетическом опыте осетинской литературы еще в XIX — начале XX века, т. е. в буржуазную эпоху.

Художественное освоение мира в искусстве реализма в XIX — начале XX в. породило **новые формы**. И через него осетинское художественное сознание включилось в мировой художественный процесс, завоевывая свое место в мире, созидая **свою картину мира**, в которой традиционные образы и сюжеты переосмысляются в контексте **нового социального опыта**, воспринятого через русский мир.

В начале XX века углубляется кризис буржуазной культуры, и в целом ставится вопрос о судьбах национальной культуры осетин. Конечно, все это в рамках культуры художественное сознание передает через осмысление переплетений частной жизни героев с историческими судьбами общества, изображаемого в процессе его развития.

Итак, реализм (от лат. *realis* — действительный, вещественный) — направление мысли, которое основывается на призна-

нии онтологического статуса сферы бытия независимо от человеческого сознания. Как показала история художественной культуры осетин и их предков, реализм делится на:

1) стихийный реализм, свойственный архаичным культурам и базирующийся на онтологизации человеческих представлений о мире, в рамках чего предметом онтологизации является непосредственное содержание опыта;

2) концептуальный реализм, который в контексте зрелой культурной традиции и, в отличие от стихийного реализма, основывается на осознанном и осмысленном дистанцировании объекта и мысли о нем.

К концептуальному реализму относятся: а) реализм как философское направление, которое представлено онтологизацией общих понятий (реализм буржуазной эпохи, т. е. критический реализм), предмета познания (критический или социалистический реализм), социальных отношений (социальный реализм); б) реализм как художественный метод, основанный на признании объективного бытия создаваемой в процессе художественного творчества реальности.

Художественная культура осетин их предков — важнейшее средство познания субъектом, т. е. осетинским народом, мира и себя, благодаря тому, что в ней реализуется художественное сознание данного субъекта, т. е. осетин и их предков.

Как показал многовековой эстетический опыт осетинского народа, художественное сознание дает человеку возможность вырабатывать обобщенные представления о связях, отношениях, закономерностях объективного мира, регулировать эмоциональные, рациональные и предметно-практические отношения с действительностью, определять ценностные ориентиры своего бытия и творчески преобразовывать условия своего существования, т. е. внутренний мир чувств, мыслей, идей и духовных ориентиров. И не случайно. Ведь, искусство, как форма общественного сознания, отражает объективно-реальный мир. Но художественное сознание, реализованное в

сфере искусства, — не пассивно-зеркальное отражение действительности.

В реалистическом типе художественного мышления верность действительности — ведущий эстетический принцип.

Изображение мира в реалистическом типе художественного мышления утрачивает абстрактно-условный, отвлеченно-аллегорический характер, свойственный художественному сознанию предков осетин в первобытную эпоху. И происходит эта качественная эволюция художественного сознания алан-осетин уже в эпоху феодализма, когда формируется «стихийный» или «наивный» реализм фольклорного типа художественного сознания.

Философская сущность художественного сознания осетин проявляется в том, что оно актуализирует свое пристальное внимание на познании человеческой души, ее тайны, ее связи с Богом, т. е. прекрасным. В этом смысле Бог как бы утрачивает частично свой трансцендентный, надприродный и надчеловеческий характер, сливаясь в художественном образе с природой и человеком, с конкретной этно-исторической социальной реальностью.

И этим художественное сознание как бы обожествляет человека и природу. И в этом смысле художественное сознание К. Хетагурова приближается философски и эстетически к высшим образцам мировой философии и эстетики.

В эстетическом мироощущении Коста мир и человек представляются как некое живое единое целое, могущественное и величественное, как проявление божественной сути. При этом в этом удивительном едином целом ярко проявляется антропоцентризм художественного сознания Коста. И не удивительно: в художественной концепции поэта приоритет человека, автономной личности, самодовлеющая ценность человека очевидны. В картинах Коста — художника на фоне пейзажной перспективы «крупным планом» и с огромной любовью и восхищением выписан портрет человека. Образ человека всегда у Коста как бы «отодвигает», «заглушает» пейзаж.

Во всех картинах Коста звучит возрожденческий гимн человеку, в котором все прекрасно и которого прекрасное в нем приближает к божественному началу, к божественной сути.

Человек прекрасен и величествен, когда он единственен и в нем ощущается живое начало, человеческая душа, неподдельность и искренность чувства или переживаемой боли.

Мастерство Коста проявляется в том, что в его живописном творчестве наряду с рационалистическим, умопостигаемым объяснением мира и человека актуализируется и его ярко эмоциональная картина мира, в которой за внешней простотой и гармонией прячется хаос борьбы Добра и Зла, отчаянной борьбы, где побеждает всегда Добро. И это закономерно следует из логики гуманистического мироощущения К. Хетагурова.

Таков сотворенный творческим сознанием Коста миф о человеке.

Рационалистические и антропоцентрические принципы, начинающие овладевать общественным сознанием в Осетии во второй половине XIX века, приводят к восприятию природы как объекта научного познания, к осознанию ее в качестве важного источника материальных благ. А это вело к стремлению упрочить над ней власть человека.

Во второй половине XIX века активно развивается городской и парковый ансамбли, с их строгой разумностью и предсказуемостью.

Во второй половине XIX века в осетинской действительности активно формируются буржуазно-капиталистические отношения, развивается экономика, происходит становление нового уклада жизни. Соответственно в общественном сознании идет поиск и осмысление новых условий существования человека в быстро изменяющемся мире. В философском сознании эпохи человек предстает уже как отдельный, изолированный индивид со своими отдельными, частными интересами. Рождается представление о необходимости новой, т. е. юридической всеобщности, важнейшей категорией которой является закон, который

дан не Богом, не природой, а сформулирован самим человеком на основе разумных начал жизни общества, логики. Он был принят индивидом и призван был организовать бытие, снимать отдельные противоречия в реальной жизни общества. Так, закон и право должны были явиться инструментом, с помощью которого предполагалось победить хаос, случайность в жизни, упорядочить общественное бытие, искоренить по возможности преступления, развязку трагических столкновений.

В связи с этим возрастает уровень требований к человеку второй половины XIX века. Так, идеалом становится рассудительный, честный, трудолюбивый человек, стремившийся к богатству, к увеличению общественного богатства, к порядку и дисциплине.

И это замечательно отразилось в искусстве критического реализма, в художественной литературе, в творчестве просветителей.

Постепенно в художественном сознании растет интерес к внутреннему миру человека. В искусстве воссоздаются полноценные образы природы, данные во взаимосвязи с мыслями, чувствами, переживаниями человека, его практической деятельности. Картина природы не просто фон, на котором разворачивается действие или дается портрет человека, но она вплетается в сюжет и наполняет его и себя новым содержанием. Опять же это не случайно, ведь реализм предполагает изображение жизни как она есть, в образах, соответствующих явлениям самой жизни, создаваемых посредством приемов типизации фактов реальной действительности.

Реализм стремится к раскрытию сущности жизни, к многообъемному охвату действительности с присущими ей противоречиями.

Реализм утверждает ценность нравственных исканий. При этом искусство выполняет социально-воспитательную функцию. Реализм рассматривает действительность в развитии, стремясь отразить не только устоявшиеся формы быта и обществен-

ных отношений, но и то, что только существует в возможности, т. е. только нарождается, это новые формы жизни и социальных отношений, новых психологических и социальных типов людей.

Реализм выражает отношение художественной культуры к действительности. Словом, реализм — это способность искусства отражения и осмысления жизненной, исторической правды, объективной истины.

Опять же, как показал многовековой эстетический опыт осетин, реализм — художественный метод, с помощью которого художник изображает жизнь в образах, адекватных сути самой жизни и создаваемых посредством типизации фактов действительности. А искусство — это средство познания человеком себя и мира, и с помощью реализма ему удастся постичь жизнь со всеми ее противоречиями. Искусство же реализма показывает взаимодействие человека со средой, воздействие социальных отношений на судьбу человека, на его нравы и духовный мир.

Реалистические принципы изображения в искусстве осетин и их предков зарождаются еще в древности.

Процесс типизации характеров и обстоятельств происходил в зарождающемся реализме постепенно в виде конкретизации условий бытия персонажей, подробного описания лиц и предметов, места действия, исторических и временных особенностей, особенностей быта и нравов той или иной среды, своеобразия речи, языка. В принципе так создается живой образ действительности в осетинском искусстве, реализуется стремление художественного сознания осетин достичь равнозначности, адекватности изображенного и реальной действительности.

Обобщая многовековой эстетический опыт осетин, можно сделать несколько выводов.

1. Для зрелых форм реализма характерно единство типического и индивидуального, неповторимо-личностного, т. к. типическое есть основа реалистического образа, а степень индивидуализации придает жизненность этому образу.

2. Реализм изображает жизнь в движении и развитии, т. е.

логику развития сюжета подчиняет логике события в реальной действительности. Как правило, искусственность снижает жизненную достоверность образа.

3. Соотношение жизненной правды, истины и художественной правды, что составляет жизненную содержательность, определяет и жизненную значительность художественных идей, в целом художественного сознания.

4. Реализм стремится достоверно раскрыть человеческий характер, его природу, суть общественных отношений. То есть в реализме событие и человеческий характер богаты жизненным содержанием, духовно многозначны, в текущей частной жизни той или иной эпохи выражено своеобразие универсального, общечеловеческого бытия. Тургенев так определил задачу писателя: «...стараться не только уловлять жизнь во всех ее проявлениях, но и понимать ее, понимать те законы, по которым она движется и которые не всегда выступают наружу; нужно сквозь игру случайностей добиться до типов — и со всем тем всегда оставаться верным правде, не довольствоваться поверхностным изучением, чуждаться эффектов и фальши»³²³.

5. При этом историзм художественного сознания проявляется в том, что внутренний мир человека и его поведение несут на себе печать конкретной эпохи. Так выражается прямая зависимость от социальных, нравственных, религиозных представлений, от условий человеческого существования, т. е. социально-бытового фона эпохи. В целом же обстоятельства — необходимая предпосылка раскрытия душевного мира человека.

6. Сущность реализма — в выявлении глубины и природы человеческих чувств, свойственных разным типам личности, развития характера, в показе сути человеческого духа.

7. Реализм исходит, прежде всего, из признания, во-первых, детерминированности поведения человека; во-вторых, свободы его воли; в-третьих, способности человека подняться над обстоятельствами и противостоять им; в-четвертых, важности духов-

но-нравственных стремлений человека, вступающего в противоречие со средой.

8. Реализм ищет «в человеке человека (Достоевский), т. е. не только социально-типическое и индивидуально-психологическое, т. е. предопределенное в человеке, но и непредопределенное и незавершенное, его способность к решению «вечных» вопросов жизни и смерти, его свободу выбора в экстремальных ситуациях.

9. Конфликтность в реализме воссоздает действительность во всех ее противоречиях, бытовых, социальных и нравственных столкновениях.

10. Реализм отражает динамику жизни, рождение нового, т. е. создает новые социальные типы, характеры, личности. При этом важно помнить, что у каждого времени — свои черты, которые полно и многогранно отражают суть своей эпохи, ее нравственно-этические, религиозные и социальные тенденции и ценности.

11. В реализме выражена любовь к человеку, сострадание к его судьбе, ведь в реализме жизненная и художественная правда равнозначны.

12. Реализм — искусство жизнеутверждающее, оптимистическое. И не случайно. Л. Толстой полагал, что высшая цель художника — создание произведения, над которым и через много лет будут «плакать и смеяться и любить жизнь»³²⁴.

13. Реализм стремится постигать жизнь во всей ее полноте и многогранности, он проникает в первоисточки и первопричины жизни, в сокровенные тайны человеческой души. А потому общая теория реализма конкретизируется в теории отдельных родов, видов и жанров литературы (драма, комедия, лирика, рассказ, трагедия, трагикомедия, эпос), в поэтике частных компонентов литературного произведения (сюжет, фабула, характер, тип и т. д.). Важным моментом являются стиль и язык.

14. В художественном сознании отражается стремление выразить наиболее существенные и общие законы жизни в соот-

ветствии с новым гуманистическим пониманием жизни, при переходе от первобытности к феодализму, затем от феодализма к буржуазному типу общественного развития, затем к социалистическому и постсоветскому обществу

15. Отражение повседневности включает в себя и решение очень важной творческой задачи: отражение больших художественно-философских обобщений в перспективе социальной истории этноса. Так, используются исторические сюжеты разных эпох, мифы и легенды для показа борьбы человека за покорение мира и своей собственной природы. В фольклорном типе художественного сознания это стремление сочетается с фантастикой, смелым поэтическим вымыслом, символикой, условными формами. Сюжеты наполняются новым смыслом, отражающим гуманистическое восприятие действительности, что углубляет изображение характера и душевного мира героя, его умонастроение.

...Во второй половине XIX века в художественном сознании осетинского общества зарождается критический реализм, т. к. вдруг пришло осознание несоответствия буржуазного строя нормам гуманизма. Реализм в XIX веке выразил социальный протест в обществе и связь с освободительным движением. По новому был осмыслен конфликт личности и общества, его социальная природа.

В связи с этим осетинское художественное сознание осваивает новые способы постижения человеческого характера, его психологию. При этом очевидно стремление осетинского художественного сознания освоить стиль великого Л. Н. Толстого, сочетающего искусство эпического повествования, отражающего широкий поток народного бытия с тонкой «диалектикой души».

Конечно, в начале XX века был весьма актуален по прежнему реалистический принцип изображения жизни в формах самой жизни. Реализм соединял в единое, но противоречивое целое человека, природу, общество, т. е. видел мир в его сложном единстве и взаимосвязях.

Художественное освоение мира в искусстве реализма породило новые формы, отражающие исторический смысл освободительной борьбы пролетариата, возрастание роли трудового народа в историческом процессе. И это вполне закономерно, ведь в реализме всегда присутствует социальный момент, т. е. реализм проявляет особый интерес к тем жизненным явлениям, в которых наиболее полно выражались взаимоотношения людей, их психология, детерминированные спецификой социально-исторического бытия этноса-народа-нации.

То есть реализм как тип художественного мышления достигает определенной степени непосредственной жизненности в осмыслении и постижении мира и человеческого характера.

И это — один из важнейших этапов в историческом формировании развитых форм реализма уже в XIX — XX вв., стремящихся к непосредственной достоверности изображения, к художественному воссозданию жизни «в формах самой жизни».

Реализм при этом активно использует такие способы художественного выражения, как миф, символ, гротеск, аллегория, подчиняя их решению своих специфических задач.

Итак, исходя из того, что «...реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах»³²⁵, мы проследили в данном исследовании, как **всеобщее, универсальное** проявляется в **частном, национальном**. Ведь в художественном сознании осетин выражается феноменология духа народа. **Онтогенез, национальный опыт духовной эволюции повторяет филогенез, опыт развития человечества, формы быта, государственности, культуры.**

Это очень важный методологический принцип в данном исследовании. Следующий наш принцип повторяет логику принципа Г. Гачева, заключающуюся в стремлении исследовать художественные явления в контексте связей и смыслов их эпох, т. е. времени их рождения, а не современной эпохи. А это диктует

необходимость брать «за исходную систему отсчета» «всю целостность жизни данного народа в данную эпоху»³²⁶.

Это касается всего национального, от еды и религиозных представлений до литературы, музыки, костюма, образов пространства и времени. Мы также учитывали то, как — «вскрыть, что такое традиция — и не в ее отрицательном аспекте тормоза, оков, той материи, что сопротивляется новым идеям, а в ее благотворной роли»³²⁷.

А это значит обеспечить преемственность в развитии культуры, «взаимопонимание» эпох. Так, в художественном сознании осетин современной эпохи актуальны опыт, мышление, миропонимание древних предков.

Осетинское мироздание бытийственно, онтологично, формируется в сфере объективного исторического развития. И субстанциальные основы национального существования, т. е. метафизическое измерение, дают основание еще раз подчеркнуть, что национально-локальное есть средоточие целого.

Именно специфика художественного сознания осетин породила такие явления в XIX-XXI веках, как двуязычие, полилингвальное образование, в целом культурологию, транскультурную эстетику, проблему взаимодействия и взаимообогащения национальных культур, способов сохранения национального символического пространства в советское и постсоветское время (в частности, рождение жанра романа-мифа).

В XIX в. произошли кардинальные изменения в общественном бытии и сознании осетин.

При этом историческое призвание интеллигенции, ее роль в обществе огромна: она помогает народу обрести национальное самосознание. И с этим прекрасно справились первые осетинские интеллигенты-просветители.

Во многом благодаря им сформировался определенный культурный тип с присущими ему характерными особенностями:

- 1) это демократичность осетинской культуры;

2) господство в ней таких эстетических категорий, как красота, мера и гармония, ее антропоморфизм, согласно которому человек есть мера всех вещей;

3) всеохватность, т.е. проявляется во всех сферах жизни (военной, спортивной, политической, судебной, культурной);

4) смысл его — в формировании достойной личности; идеал — прекрасный и добрый человек, мужество и доблесть как лучшие качества; честность, трудолюбие, доброжелательность как гражданские.

Итак, активно развивалась осетинская художественная литература дооктябрьского периода, в которой творчески формировался критический реализм.

Критический реализм XIX века открыл такое свойство художественного мышления, как диалогичность, теоретически осмысленная М.М. Бахтиным. Герой, занимая определенную ценностно-смысловую позицию, вступает в диалогические отношения с другими героями, стоящими также на своих ценностных позициях. В этом споре или диалогическом противостоянии участвует активно автор, т.е. в произведении всегда присутствуют образы автора, повествователя, лирическое «Я». Их голоса — позиции диалогически взаимодействуют. И истина — в их противостоянии, в споре, в многоголосье хора.

Художественное сознание отразило глубинные качественные изменения, происшедшие в природе человеческой личности. То есть осетинская литература и, шире, культура открыла новый тип личности, гуманизм (человеколюбие как важнейший творческий принцип).

В XIX веке произошла и глобальная экономическая и политическая интеграция, во многих регионах России установилась единая духовно-историческая атмосфера. Расширяются и возможности искусства: в нем, в его интерпретации большую общественную значимость и эстетическую ценность приобретают социальные процессы, т.е. искусство активно осуществляет социологический анализ. Также оно дает и тонкий психологи-

ческий анализ, акцентируя нюансы человеческой психологии. Описывает быт людей (т.е. занимается и бытописанием), природу (т.е. дает пейзажные описания) и т.д. Но самые главные изменения, конечно же, происходят в центральном объекте искусства: **в человеке и его многогранных взаимосвязях с миром**. И даже внутренний, духовный мир человека уже интерпретируется искусством как явление, феномен, имеющий большую общественную значимость.

В общем, главный интерес искусства сконцентрирован в человеке и его связях с миром.

Конечно же, и изменения в самой действительности вызвали к жизни **новый тип художественной концепции мира и человека**, сформулированные критическим реализмом.

Действительность и человек предстали в искусстве критического реализма во всей их противоречивой сложности и богатстве эстетических свойств. При этом, разумеется, принципом обобщения в критическом реализме остается традиционный и для фольклорного сознания принцип типизации, **предполагающий правдивость деталей и показ типических характеров, которые действуют в типических обстоятельствах**. То есть искусство переходит к **социальному принципу** трактовки сущности человека.

Критический реализм предполагал, что человек не может достичь счастья, независимости в обществе, основанном на власти денег.

Осетинское искусство вбирало в себя опыт мировой и русской культуры на своей национальной основе, жило заботами своего народа.

На арену истории вышла новая реальность — общество и человек этнический в единстве бытия, человек и мир человека, представляющий собой систему бесконечных взаимосвязей и взаимодействий. Ведь человек и его этнический мир — это нечто уникальное, имманентно единое и единственное, мир бесконечной сложности, вечных сомнений и альтернатив. Более того,

мир этнического неисчерпаем и глубок, непрерывно развивается, опираясь на свободный, творческий «пассионарный» импульс человека, что обуславливает исключительную сложность его познания.

Новые ресурсы этнического бытия, его субстанциональные основания и духовно-ментальные особенности и выступили фундаментальной основой, базисом становления осетинской литературы в XIX — начале XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скитский Б. Очерки истории осетинского народа с древнейших времен до 1876 г.//Известия СОНИИ. Т.2. Дзауджикау. 1947. С.108.
2. Гутнов Ф. Политогенез и генезис феодализма на Северном Кавказе//Вестник института цивилизации. Вып. 3. Влад-з, 2000. С.11
3. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л.24-45
4. НА СОИГСИ. Ф. 42. Оп. 11. Л. 3.
5. Материалы по истории осетинского народа. Т. V. Ордждзе. 1942. С. 91.
6. Хамицаева А. Осетия в кавказской политике Российской империи. XIX век. Влад-з. 2008. С. 6.
7. РГВИА. Ф. 13434. Оп. 2. Д. 47. Л. 2 об.
8. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК). Тифлис. Т.2. С.953.
9. Севков К. О проекте окончания Кавказской войны в середине XIX в.//История СССР. 1958. №3. С.192.
10. Хорос В. История в сравнительном освещении. М., 1969. С.37.
11. Гутиева Э. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации (2-ая половина XIX — начало XX в.). Автореф. канд. дисс. Влад-з. 2009. С.4.
12. Цит. по: Джусойты Н. История осетинской литературы. Кн. 1. Тбилиси. 1980. С.313.
13. Там же.
14. Скитский Б. Указ. соч. С.111.
15. Ардасенов Х. Иван Ялгузидзе — осетинский писатель и культурный деятель.//Известия СОНИИ. Т. 18. Дзауджикау. 1949. С.51.
16. Владикавказ (1781-1991 гг.). Сб. документов и материалов. Влад-з. 1991. С. 57.
17. Там же. С.59.

18. Сланов И. Ардонская духовная семинария. Влад-з. 1999. С.87.
19. Владикавказские епархиальные ведомости. Ставрополь. 1896. №12. С.190.
20. Там же. С. 205.
21. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 5. Цхинвал. 1991. С. 36.
22. «Кавказ». 1899. №624.
23. Там же. 1905. №2163.
24. ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 38. №1.
25. Там же. Д. 41. Л. 1.
26. Канукова З. Старый Владикавказ. С.213.
27. Габеев А. Владикавказское осетинское духовное училище//уч. зап. СОГПИ. Ордж-дзе. 1940. С.70.
28. ТВ. 1897. №94.
29. Канукова З. Указ. соч. С. 163.
30. ТВ. 1897. №85.
31. Там же.
32. Владикавказ (1781-1991 гг.). С.102.
33. ТВ 1899. №1.
34. Там же.
35. Канукова З. Указ. соч. С. 155.
36. ТВ 1894. №48-49.
37. Владикавказ (1781-1991 гг.). С.109.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же. С. 112.
43. Канукова З. Указ. соч. С. 173.
44. «Терский календарь на 1898 г.». С. 27.
45. ТВ 1889. №18.
46. Канукова З. Указ. соч. С. 166.
47. ТВ 1813. №72.

48. Там же.
49. ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 182. Л.2.
50. ТВ. 1899. №104.
51. Хетагуров К. Л. ПСС. Т. 4. С. 293.
52. Канукова З. Указ. соч. С. 173.
53. Гоббс Т. Избр. произв-ия. В 2-х т. Т. 1. М., 1965. С.299.
54. Кануков И. Д. В осетинском ауле. Ордж-дзе. 1985. С. 290.
55. Хетагуров К. Л. Собр. соч. В 3-х т. М. Т. 3. С.78.
56. Там же. С. 106.
57. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. 1970. Т.1. С.29.
58. Дзидзоев В. Зарождение и развитие правовой мысли и общественно-политических процессов в Осетии во 2-ой половине XIX в. Влад-з. 2008. С. 151.
59. Гутиева Э. Указ. соч. С. 13.
60. Там же. С.14.
61. Ардасенов Х. Очерк развития осетинской литературы. Ордж-дзе. 1959. С. 57.
62. Материалы по истории Осетии. Т. V. С. 129.
63. Гассиев А. По части книжных древностей// «Кавказ». 1873. №36.
64. ССКГ. Вып. 1. 1868. С.2.
65. Гассиев А. Указ. соч.
66. Там же.
67. Там же.
68. Там же.
69. Кануков И. Указ. соч. С.290.
70. Гассиев А. Указ. соч.
71. Джусойты Н. Указ. соч. С. 69.
72. Газета «Дальний Восток». Владивосток. 1894. 30 декабря.
73. «Кавказский календарь». Тифлис. 1897. С. 96.
74. Кануков. И. Сочинения. Ордж-дзе. 1963. С. 93.
75. ССКГ. Вып. 9. Тифлис. 1876. С.107-108
76. Кануков И. Указ. соч. С.156.

77. Там же. С. 156.
78. Там же. С.280
79. Там же.
80. Ардасенов А. Г. Проделки «несменяемого»//Северный Кавказ. 1890. 3 мая.
81. Ардасенов А. Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис. 1896. С. 75.
82. Цит. по: Цховребов З. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М. 1977. С.43.
83. Гассиев А. Анализ Корана, догматики и морали.//Владикавказские епархиальные ведомости. Ставрополь. 1875. С. 527.
84. Там же.
85. Гассиев А. Новое исследование Л. Толстого. Его толкование евангельских текстов о вере и заповедях Христа с исторической и философской точки зрения. Влад-з. 1914. С.100.
86. Там же. С. 70.
87. Там же.
88. Там же. С. 37.
89. Там же. С. 78.
90. Гассиев А. Основы религии и нравственности по учению философа Герберта и его школы//Христианское чтение. СПб. 1878. №5-6. С.136.
91. Там же. С. 56.
92. Цаголов Г. Она бежала// «Казбек». 1898. №341.
93. Ленин В. И. ПСС. Т. 2. С.520.
94. Там же.
95. Михайловский Н. ПСС. СПб. 1909. Т.3. С.367.
96. Каблиц (Юзов) Н. Основы народничества. СПб. 1888. Ч. 1. С.465.
97. Михайловский н. Указ. соч. С. 200.
98. Баев Г. О чем говорят в Осетии//ТВ. 1895. №7.
99. Тотоев М. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Ордж-

дзе. 1957. С.22.

100. Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С.341-342.

101. Цаголов Г. Она бежала// «Казбек». 1898. №341.

102. Хетагуров К. Л. ПСС. Т.4. С. 40.

103. Ардасенов А. Избр. труды. Влад-з. 1997. С.284.

104. Баев Г. Общественная деятельность сел. Ольгинское за 1899 г.// «Казбек». 1900. №662.

105. Баев Г. Пушкин в жизни горцев// «Казбек». 1899. №462.

106. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III.//КЭС. М.-Л. 1962. С. 270

107. Цаголов Г. Просвещение горцев//ТВ. 1898. №79.

108. Ардасенов А. Избр. труды. С.284.

109. ЦГА. РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 7. Л.4.

110. Хетагуров К. Л. Указ. соч. С. 161.

111. Там же.

112. Там же.

113. Там же.

114. Баев Г. Осетинская письменность//Антология педагогической мысли Северной Осетии. Влад-з. 1993. С. 177.

115. Там же. С.180.

116. Там же.

117. Баев Г. Письма из Осетии (Наши общественные доходы и расходы)//ТВ. 1897. №31,32.

118. «Казбек». 1899. №611.

119. Там же. 1900. №687.

120. Там же. №717.

121. «Терек». 1901. №974, №975.

122. ТВ. 1880. №31.

123. Там же. 1883. №16.

124. Там же. 1884. №22, 29, 43.

125. Там же. 1885. №102.

126. Там же. 1899. №95.

127. «Тифлиский листок». 1908. №151.

- 128.Цаголов Г. Безземелье в Осетии// «Новое обозрение». 1897. №4677.
- 129.Там же.
- 130.Там же.
- 131.Там же.
- 132.«Казбек». 1897. №130.
- 133.Там же. 1898. №341.
- 134.Цит. по: Джусойты Н. История осетинской литературы. Кн. 1. Тбилиси. 1980. С. 313.
- 135.Там же.
- 136.Ардасенов Х. Иван Ялгузидзе — осетинский писатель и культурный деятель. С. 51.
- 137.Скитский Б. В. Указ. соч. С.111.
- 138.Джусойты Н. Указ. соч. С. 57.
- 139.Скитский Б. В. Указ. соч.
- 140.Ардасенов Х. Указ. соч. С. 196.
- 141.Джусойты Н. Указ. соч. С. 148.
- 142.«Казбек». 1899. №462.
- 143.Там же.
- 144.Там же.
- 145.Там же.
- 146.Там же.
- 147.Там же.
- 148.Суменова З. Инал Кануков. Жизнь и творчество. Ордж-дзе. 1972. С.69.
- 149.Осетинская проза. Литературно-художественный сборник. Тбилиси. 1958. С.54.
- 150.Кануков И. Сочинения. Ордж-дзе. 1963. С.61.
- 151.Там же. С.326.
- 152.Хетагуров К. Л. ПСС. Т. 4. С. 154.
- 153.Там же. С.243.
- 154.Там же. С. 252.
- 155.Там же. С. 321.
- 156.Там же.

157. «Северный Кавказ». 1887. 10 декабря.
158. Хетагуров К. Л. Указ. соч. Т. 5. С. 187.
159. Там же. С. 203.
160. Там же. С. 208.
161. Там же.
162. Там же. Т. 4. С. 259.
163. Там же. С. 173.
164. Там же.
165. Там же. С. 259.
166. Там же.
167. Там же.
168. Там же. С. 262.
169. Там же. Т. 4. С. 251.
170. Там же. С. 256.
171. Там же.
172. Там же.
173. Там же. С. 132.
174. Там же. С. 247.
175. Бритаев Е. Сочинения. Дзауджикау. 1947. С. 197.
176. Там же.
177. Там же.
178. «Ирон газет». 1906. № 2.
179. Дзидзоев В. Указ. соч. С. 63.
180. ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 228. Л. 2.
181. Там же. Ф. 168. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.
182. Газета «Пятигорское эхо». 1918. 21 января.
183. «Терек». 1908. № 28.
184. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 14.
185. Ардасенов А. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С. 10.
186. ТВ. 1919. № 75.
187. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 90.
188. ЦГА РСО-А. Ф. 24. Оп. 1. Д. 89. Л. 19.
189. Киров С. М. К изучению Кавказа // «Терек». 1911. 16 фев-

раля.

190.ТВ. 1900. 14 января.

191.Дзасохов Г. Коста Хетагуров. Ростов-на-Дону. 1909. С. 8.

192.Уруймагов Х. Начальная школа в Осетии// «Утро гор». Баку. 1900. №1. С.50.

193.Там же.С. 36.

194.«Казбек» 1899. №611.

195.Там же.

196.Лейкина-Свирская В. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М. 1981. С. 3.

197.Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1882. Вып. 1.

198.Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М. 1890. Т. 2. С.159.

199.Фадеев Р. А. 60 лет Кавказской войны. Тифлис. 1860.

200.Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. 1871-1889. Т.1-6.

201.Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь. 1993-1994. Т. 1-5.

202.Романовский Д. Генерал-фельдмаршал кн. Александр Иванович Барятинский и Кавказская война. СПб. 1881.

203.Зиссерман А. Л. Фельдмаршал кн. А. И. Барятинский. М. 1888-1891. Т.1-3.

204.Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Тифлис. 1901.

205.Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис. 1907. Т. 1-2.

206.Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое 50-летие//Дагестанский сборник Темир-Хан-Шура. 1902. Вып. 1. С. 191.

207.Краснов М. В. Просветители Кавказа. Ставрополь. 1913. С. 45.

208. Там же. С. 90.
209. Там же.
210. ЦГАЛИ. ф. 323. Ед. хр. 208. Л. 11.
211. Цит. по: Калоев Б. А. Вс. Ф. Миллер — Кавказовед. Ордж-дзе. 1963. С. 63.
212. ЦГАЛИ. ф. 323. Ед. хр. 208. Л. 13.
213. ТВ. 1901. 6 ноября.
214. Известия СОНИИ. Вып. 2. Т. 8. Ордж-дзе. 1954. С. 135.
215. НА СОИГСИ. Личный фонд Г. Баева. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5.
216. Газета «Баку». 1905. 16 мая.
217. Тотоев М. С. Указ. соч. С. 87.
218. Там же. С. 88.
219. Хоруев Ю. Печать Терека и царская цензура Ордж-дзе. 1971. С. 171.
220. «Терек». 1906. 21 апреля.
221. «Горский вестник». 1924. №2. С. 67.
222. Гуриев М. Очерки партийно-советской печати Северной Осетии. 1906-1936 гг. М. 1965. С. 145.
223. «Терек». 1906. 11 апреля.
224. Там же. 12 апреля.
225. Там же. 16 апреля.
226. «Горский вестник». 1924. №2. С. 69.
227. «Ирон газет». 1906. 23 июля.
228. Там же.
229. «Отклики Кавказа». 1906. 20 сентября.
230. Хоруев Ю. Указ. соч. С. 172.
231. «Терек». 1906. 20 сентября.
232. Салагаева З. М. От Нузальской надписи к роману. Ордж-дзе. 1984. С. 204.
233. «Горский вестник». 1906. №2. С. 66-72.
234. Салагаева З. Указ. соч. С. 204.
235. Там же. С. 207.
236. Тотоев М. Указ. соч. С. 231.
237. ТВ. 1908. №256.

- 238.Салагаева З. Четыре этюда об осетинской литературе. Ордж-дзе. 1970. С. 43.
- 239.«Чырыстон цард». 1915. №1.
- 240.Абаев В. И. О Сека Гадиеве. Ордж-дзе. 1958. С. 241.
- 241.Салагаева З. Указ. соч. С. 240.
- 242.Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 709.
- 243.Гегель Г.В. Ф. Эстетика. Т. 3. С. 474-475.
- 244.Белинский В.Г. ПСС. М. 1953. Т. 1. С. 263.
- 245.Веселовский А. Теория поэтических родов в историческом развитии. Ч. 3. 1883. С. 14-15.
- 246.НА СОИГСИ. Ф. Гадиева Ц.П. 4. Л. 17-25.
- 247.Салагаева З. Указ. соч. С. 35-36.
- 248.НА СОИГСИ. Ф. Гадиева Ц.П. 4. Л. 17-25.
- 249.Салагаева З. Указ. соч. С. 37.
- 250.Ардасенов Х. Сека Гадиев и его творчество//Советская Осетия. 1956. №7-8. С. 283.
- 251.«Христианская жизнь». 1915. №1. С.17.
- 252.Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине// ПСС. М. 1937-1952. Т. 8. С.51.
- 253.Салагаева З. Указ. соч. С. 56.
- 254.Там же. С. 57.
- 255.Там же.
- 256.Там же.
- 257.Там же. С. 58.
- 258.Там же.
- 259.Там же.
- 260.«Христианская жизнь». 1915. №5. С.224.
- 261.Там же. №11. С. 186.
- 262.Там же.
- 263.«Ног цард». 1907. №75.
- 264.Там же. №51.
- 265.«Христианская жизнь». 1915. №2.
- 266.Там же. №2, 4, 11, 12.
- 267.Там же. №2.

268. Там же.
269. Там же.
270. Салагаева З. Указ. соч. С. 79.
271. История Осетии в документах и материалах с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. С.194-195.
272. ТВ. 1886. №147.
273. «Северный Кавказ». 1897. №58.
274. Там же. 1896. №70.
275. Там же. 1897. №9, 14, 37.
276. Салагаева З. От Нузальской надписи к роману. С. 297.
277. Там же.
278. Там же.
279. Там же.
280. ТВ. 1899. №138.
281. Ардасенов Х. Очерк развития осетинской литературы. С. 216.
282. Салагаева З. Четыре этюда... С. 167.
283. НА СОИГСИ. Ф. Гадиева. Ц. П. 4. Л. 17-31.
284. Салагаева З. Указ. соч. С. 277.
285. «Кавказ». 1901 №211.
286. Там же. №231.
287. Там же. №236.
288. НА СОИГСИ. Ф. Коцоева А. Л. 12-10.
289. Там же.
290. Салагаева З. От Нузальской надписи к роману. С. 210.
291. Там же.
292. Цаголов Г. Она бежала// «Казбек». 1898. №341.
293. «Женский вестник». 1908. №1.
294. «Сибирская неделя». 1913. №15. С.1-8.
295. Салагаева З. Указ. соч. С. 304.
296. Там же. С. 65.
297. Хадарцева А. История осетинской драмы. Ч. 1. Орджде. 1983. С. 47.
298. Хетагуров А. Воспоминания//НА СОИГСИ. Ф. Коста

- Хетагурова. П. 11.
299. Там же. С. 54.
300. Шарапова-Прошинская Н. Пока, Еще и Уже// «Горский вестник». Влад-з. 1924 С. 12.
301. «Северный Кавказ». 1888. №31.
302. НА СОИГСИ. Ф. Бритаева Е. Ц. Воспоминания учителя. Г. Гуриева.
303. «Правда». 1918. 2 июля.
304. Ардасенов А. Переходное состояние. С. 35.
305. Тотров Б. У колыбели осетинского театра. Ордж-дзе. 1963. С.24.
306. Хадарцева А. Указ. соч. С. 96.
307. Блиев М. Русско-осетинские отношения. Ордж-дзе. 1970. С.349.
308. Чудинов В. Окончательное покорение осетин//Кав. сб. Тифлис, 1889, т. XIII. С.120-122.
309. Цомак. Брытгыаты Е.// Брытгыаты Е. Уацмыста (Сочинения). Дзауджикау. 1948. С. 167.
310. Брытгыаты Е. Уацмыста. Дзауджикау. 1948. С. 101.
311. Тибилев А. Избр. произведения. Цхинвал, 1964. С. 143.
312. Там же. С. 221.
313. Там же. С. 224.
314. Белинский В. Г. Собр. соч. В. 9-и т. Т. 3. С. 302.
315. НА СОИГСИ. Ф. Туганова Б. Д. 7-24. С. 3.
316. Туганов Б. Рассказы. Драматические произведения. Ордж-дзе. 1963. С.18.
317. «Ног цард». 1907. 22 апреля.
318. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. Т. 1. М. 1967. С. 6.
319. Хъороты Д. Ироны сагъас («Раздумья осетина»). Ордж-дзе. 1960. С.71.
320. Хадарцева А. Указ. соч. С. 208.
321. Там же. С. 209.
322. Горький М. О драматургии. М., 1953. С. 594.
323. Тургенев И. Собр. соч. Т. 12. М. 1958. С. 423.

324. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 31. М. 1953. С. 100.
325. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. 1967. С. 6-7.
326. Гачев Г. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М. 1989. С. 27.
327. Гачев Г. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М. 208. С. 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел III. Художественное сознание осетин в буржуазную эпоху (XIX — начало XX в.)

Глава 7. Целостная этно-онтологическая картина мира осетин в первой половине XIX в. как фактор становления нового типа художественного сознания	3
Глава 8. Объективные условия и факторы зарождения, становления и развития художественного сознания осетин нового, буржуазного типа во второй половине XIX века	21
8.1. Социально-исторические и культурно-духовные детерминанты формирования нового, буржуазного типа художественного сознания во второй половине XIX в.	21
8.2. Просветительская идеология и характер формирующейся осетинской литературы	38
8.3. Роль народнической идеологии в эволюции художественного сознания осетин	81
Глава 9. Осетинская художественная литература в XIX в.	92
9.1. Особенности зарождения и становления	92
9.2. Роль Коста Хетагурова в эволюции художественного сознания осетин	121
Глава 10. Социально-историческая и культурная обстановка в Осетии в начале XX в.	168
Глава 11. Осетинская литература в начале XX в.	199
11. 1. Проза	199
11. 2. Поэзия	248
11.3. Драматургия	253
Глава 12. Критический реализм в осетинской литературе	278
Литература	296

Научное издание

ФИДАРОВА Рима Японовна

**ОСЕТИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС.
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ**

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 25.12.2017.

Бум. тип. №1. Гарнитура шрифта Minion.

Усл. п. л. 18,0. Печать цифровая. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Тираж 300 экз. Заказ №99.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный
центр Российской академии наук»

362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

<http://www.izvestia-soigsi.ru>

Отпечатано ИП Цопановой А. Ю.

362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3.

E-mail: rio-soigsi@mail.ru